

Учредитель:
АНО ВО «Московский институт государственного управления и права»

ISSN 2074-9201

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 сентября 2007 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 марта 2010 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью А.С. Попова

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 3 (52)
2018

Журнал включен

в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК

Тексты статей размещены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

12+

Редакционный совет

Председатель:

Пузанов Ю.П., кандидат юридических наук, профессор, действительный член Европейской академии естественных наук, президент Московского института государственного управления и права;

Ахамер Гилберт, доктор наук, член Австрийской Академии наук (Институт экономической географии), профессор Университета Грац, профессор Университета Зальцбурга, профессор Австрийского института прикладных наук, профессор Университета Челло (Вена), Университета Кремс, эксперт Европейской комиссии по вопросам образования, науки и экологии, соредактор и член редакционных советов в международных научных журналах (*Springer, Emerald, IGI Global, Inderscience, BRICS*), Вена, Австрия.

Члены редакционного совета:

08.00.00 Экономические науки

Рагулина Ю.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий;

Салихов Б.В., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство.);

Солодуха П.В., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры, декан экономического факультета Российского государственного социального университета;

Шкодинский С.В., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Московского государственного областного университета.

12.00.00 Юридические науки

Агапов П.В., доктор юридических наук, доцент, старший советник юстиции, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации;

Бажанов С.В., доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации;

Гаврилов Б.Я., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации;

Дорская А.А., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;

Кузнецов П.У., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета;

Минбалева А.В., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Теория государства и права, конституционное и административное право», заместитель директора по научной работе Юридического института Южно-Уральского государственного университета;

Нарутто С.В., доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА);

Пашенцев Д.А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета;

Полякова Т.А., доктор юридических наук, доцент, заведующая сектором Информационного права Института государства и права Российской академии наук;

Радько Т.Н., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации;

Тарасов А.М., доктор юридических наук, профессор, советник в отделе Главного территориального управления Администрации Президента РФ, заслуженный юрист Российской Федерации.

Зарубежные члены редакционного совета:

Анил Сарвал, доктор наук, профессор Пенджабского университета (г. Чандигарх, Индия);

Дэвид Рейнольдс, доктор наук, действительный член Британской академии наук, профессор истории Колледжа Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж). С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже;

Мкртумян А.Ю., заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;

Пол Смит, доктор наук, профессор Университета Претории, Южная Африка (ЮАР);

Уоррен Кимбол, доктор наук, почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Университета Кембриджа;

Ю Синода, доктор наук, профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, г. Саппоро (Япония).

Эксперты:

Меськов В.С., доктор философских наук, профессор кафедры педагогики Высшей школы образования, профессор кафедры теологии филологического факультета, директор Учебно-научного центра Междисциплинарных проблем образования и когнитивистики Московского педагогического государственного университета;

Тихонов А.В., доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН;

Шеремет И.А., доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Информационная безопасность» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член-корреспондент РАН, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса.

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Золотарев В.А., доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, почетный профессор Военного университета Министерства обороны России, президент Ассоциации историков Второй Мировой войны, действительный государственный советник РФ 1-го класса, заместитель Генерального директора Международного биографического центра от России (Великобритания, Кембридж), действительный член Итальянской академии экономики и социальных наук, почетный доктор Нью-Йоркского Университета; почетный член Западноевропейской академии науки и культуры

Зам. главного редактора: Шкурко Н.М., кандидат психологических наук, заслуженный работник высшей школы, консультант АНО ВО «Московский институт государственного управления и права»

Директор Научно-издательского центра: Чеботарев В.Е., кандидат экономических наук, доцент

Технический редактор: Савеличев М.Ю.

Корректор: Игнашина А.А.

Establisher:
ANO HE «Moscow Institute of Public Administration and Law»

ISSN 2074-9201 Vestnik Akademii prava i upravleniâ

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from September 17, 2007 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
V.I. Vernadsky's Honourable silver medal

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from March 17, 2010 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
A.S. Popov's Honourable silver medal

BULLETIN

OF ACADEMY OF LAW AND MANAGEMENT

№ 3 (52)

2018

By the decision of the Higher Commission on Attestation Ministry of Education
and Science of the Russian Federation. The magazine has been put
on the «List of the front-line reviewing scientific magazines and printing editions,
where chief scientific results of dissertation researches, pretending to get
an academic degree, doctor or candidate of sciences, must be published»

«Bulletin of Academy of Law and Management» is included
in the Russian Science Citation Index (Rints, in Russian), a bibliographic database
of scientific publications in Russian at the academic periodicals, based
at the eLIBRARY.RU website platform of the Russian Scientific Electronic Library

Editorial Board

Chairman:

Puzanov Y.P., PhD in Law, Professor, Full Member of the European Academy for Natural Sciences,

President of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Ahamer Gilbert, PhD, Member of the Austrian Academy of Sciences (the Institute of Economic Geography), professor of Graz University, professor of Salzburg University, professor of the Austrian Institute of Applied Sciences, professor of Cello University (Vienna), Krems University, expert of the European Commission for Education, Science and Environment, co-editor and member of editorial boards at the international scientific journals (Springer, Emerald, IGI Global, Inderscience, BRICS), Vienna, Austria.

Members of Editorial Board:

08.00.00 Economic sciences:

Ragulina Yu., Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the all-Russian Research Institute of Agricultural Economics of the Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas;

Salikhov B., Doctor of Economics, Professor, Professor of Chair of Economics and World Business of the Moscow State Linguistic University, Professor of the Moscow Witte University, Retired Colonel;

Solodukha P., Doctor of Economics, Professor, Chairholder, Dean of the Faculty of Economics of the Russian State Social University;

Shkodinskiy S., Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of Economic Theory of the Moscow Region State University.

12.00.00 Sciences of Law:

Agapov P., Doctor of Law, Associate Professor, Senior Counselor of Justice, Leading Researcher of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Federal Security, Interethnic Relations and Counteracting Extremism of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation;

Bazhanov S., Doctor of Law, Professor, Senior Counselor of Justice, Leading Researcher of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Economy of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation;

Dorskaya A., Doctor of Law, Professor, Head of Chair of International Law of the Russian State Pedagogical University of A. Herzen (Saint-Petersburg);

Gavrilov B., Doctor of Law, Professor, Head of Chair of International Law of the Law Faculty of the Russian State Pedagogical University of A. Herzen;

Kuznetsov P., Doctor of Law, Professor, Head of Chair of Information Law of the Ural State Law University;

Minbaleev A., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair "Theory of State and Law, Constitutional and Administrative Law", Deputy Director for Science of the Law Institute of the South-Ural State University;

Narutto S., Doctor of Law, Professor of Chair of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

Pashentsev D., Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of Theory and History of State and Law of the Moscow City University;

Polyakova T., Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Information Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;

Rad'ko T., Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation;

Tarasov A., Doctor of Law, Professor, Advisor in the Department of the Main Territorial Administration of the Presidential Administration, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Foreign Members of Editorial Board

Anil Sarwal, PhD, professor of the Punjab University (Chandigarh, India);

David Reynolds, Full Member of the British Academy of Sciences, Professor of History in Christ College of Cambridge, Honored Professor of Dulwich College, Cambridge and Harvard Universities, Nebraska, Oklahoma, Nihon (Tokyo), Po (Paris). From October of 2013 he heads the History Faculty at Cambridge;

Mkrtumyan A., Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Doctor of Law, Chairman of Court of Cassation of the Republic of Armenia;

Paul Smit, PhD, professor of the University of Pretoria, South Africa (RSA);

Warren Kimbol, Honored Professor of Historic Faculty of the Rutgers College of Arts and Sciences, Professor of Cambridge University;

Yu Sinoda, Professor of Law of Khokusay-Gakuan University, Sapporo city (Japan).

Expert members:

Mes'kov V., Doctor of Philosophy, Professor of Chair of Pedagogy of the Higher School of Education, Professor of Chair of Theology of the Faculty of Philology, Director of Educational-Scientific Center of Interdisciplinary Issues of Education and Cognitive Science of the Moscow Pedagogical State University;

Sheremet I., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Chair "Information safety" of Financial University under the Government of the Russian Federation, Full State Counselor of the Russian Federation of the 3rd Class;

Tikhonov A., Doctor of Sociology, Professor, Full Member of Russian Academy of Humane Sciences, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies ISRAS.

Editorial Board

Editor-in chief: Zolotarev V., Doctor of Law, Doctor of History, Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University, Honorary Professor of the Military University of the Russian Ministry of Defense, President of the Association of the Second World War Historians, Full State Counselor of the Russian Federation of the 1st Class, Deputy Director General of the International Biographical Center from Russia (United Kingdom, Cambridge), Full Member of the Italian Academy of Economics and Social Sciences, Honorary Doctor of New York University, Honorary Member of the Western European Academy of Science and Culture

Deputy Chief Editor: Shkurko N., PhD in Psychology, Honorary Figure of the Russian Higher Education, Consultant of Autonomous Nonprofit Organization for Higher Education "Moscow Institute of Public Administration and Law"

Director of scientific-publishing center: Chebotarev V., PhD in Economics, Associate Professor

Make-up Editor: Savelichev M.

Proofreader: Ignashina A.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Радько Т.Н. ЗАПРЕЩАЮЩИЕ НОРМЫ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	9
Дорская А.А. ПРОБЛЕМА ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ТРАВМА» В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	18
Чернявский А.Г. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ	25
Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Бойченко И.С. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ	32
Афанасьева О.Р., Шиян В.И. СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА	37
Ережипалиев Д.И., Некоркин Д.А. ЗАЩИТА ДЕТЕЙ ОТ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ	45
Васильев И.А. ДОГОВОРЫ МЕЖДУ КЛУБОМ И ФУТБОЛИСТОМ КАК КРИТЕРИЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА СПОРТСМЕНА В ПРАКТИКЕ СПОРТИВНОГО АРБИТРАЖНОГО СУДА (CAS)	51
Игнатъева М.В. НАРУШЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТРАВМА: ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	60
Кобзева Е.И., Мамина О.И. СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА	64
Правкин С.А. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КОНКУРЕНТНОЙ ПОЛИТИКИ И АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ	69
Быков А.И. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЗАПРЕЩЕННЫХ ДЛЯ ПОЛЕТА БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ ЗОН НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	76
Сергеев А.Ю. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ОХРАНЫ ЗЕМЕЛЬ ПРИ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИИ	80
Мисак А.Ю. ДОЖДАЛИСЬ: ПЕРВЫЙ ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ВОПРОСАМ, СВЯЗАННЫМ С ПРИМЕНЕНИЕМ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ЗАКУПКАХ ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ОТДЕЛЬНЫМИ ВИДАМИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ»	88
Мамедов Н.М. ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ	94
Афанасьев П.Б. К ВОПРОСУ О ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	101
Галицкая А.А. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗАКАЗЧИКА И ПОСТАВЩИКА (ПОДРЯДЧИКА, ИСПОЛНИТЕЛЯ) ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ИЛИ НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО КОНТРАКТУ	105

Агаев А.И.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА ПОДЧИНЕННОСТИ И ВОИНСКИХ УСТАВНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ.....	112
--	-----

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Салихов Б.В., Салихова И.С.

КРЕАТИВНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК НООСФЕРНО-СОЗИДАТЕЛЬНАЯ ФОРМА ВЗАИМОСВЯЗИ ИНТЕЛЛЕКТА И КРЕАТИВНОСТИ	116
---	-----

Рагулина Ю.В., Вергейчик М.А.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА.....	123
--	-----

Осипов В.С.

ТЕРРИТОРИЯ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ КАК УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	130
---	-----

Довгалецкий В.В., Мамедов Т.М.

СИСТЕМА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	139
---	-----

Шаипова С.А.

ВЫСОКОЧАСТОТНЫЙ ТРЕЙДИНГ И ЕГО РАЗВИТИЕ НА ТОРГОВОМ РЫНКЕ	146
---	-----

Харчилава Х.П., Чаленко Н.Н.

ОСНОВЫ ВНЕДРЕНИЯ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОТРАСЛИ	150
--	-----

Смагин А.В.

РАЗВИТИЕ МЕТОДОВ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.....	156
---	-----

CONTENTS

THEORY AND PRACTICE OF SCIENCE OF LAW

Rad'ko T. PROHIBITING NORMS IN THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION	9
Dorskaya A. THE ISSUE OF POSSIBILITY TO USE THE CONCEPTION "SOCIAL TRAUMA" IN THE LEGAL SCIENCE: THE RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE.....	18
Chernyavskiy A. LEGAL MAINTENANCE OF PERSONAL FULFILLMENT IN THE CIVIL SOCIETY	25
Polyakova T., Minbaleev A., Boychenko I. ISSUES OF LEGAL SUPPORT OF INFORMATION SAFETY DURING USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN A GLOBAL DIGITAL ENVIRONMENT	32
Afanas'eva O., Shiyan V. THE STATE OF OFFENSES INVOLVING CORRUPTION ON TRANSPORT FACILITIES.....	37
Erezhipaliev D., Nekorkin D. PROTECTION OF CHILDREN FROM FAMILY VIOLENCE: ISSUES OF LEGAL REGULATION AND SUGGESTED SOLUTIONS	45
Vasil'ev I. AGREEMENTS BETWEEN THE CLUB AND FOOTBALLER AS A FRAMEWORK FOR DETERMINATION OF THE STATUS OF THE SPORTSPERSON IN PRACTICE OF THE COURT OF ARBITRATION FOR SPORT (CAS)	51
Ignat'eva M. HUMAN RIGHTS VIOLATION AS A SOCIAL TRAUMA: THE LEGAL DIMENSION	60
Kobzeva E., Mamina O. THE ESSENCE AND CONTENT OF THE LAW ENFORCEMENT FUNCTION OF THE STATE.....	64
Pravkin S. TOPICAL ISSUES OF COMPETITION POLICY AND ANTIMONOPOLY REGULATION IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF SOCIAL JUSTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION.....	69
Bykov A. REVISITING THE LEGAL REGULATION OF PROHIBITED AIRCRAFT ZONES IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR UNMANNED VEHICLES	76
Sergeev A. LEGAL ISSUES AND THE PECULIARITIES OF LAND PROTECTION AT THE SUBSURFACE USE.....	80
Misak A. THE WAIT IS OVER: THE FIRST REVIEW OF COURT PRACTICE ON ISSUES RELATED TO THE APPLICATION OF THE FEDERAL LAW " ON PROCUREMENT OF GOODS, CONSTRUCTION, SERVICES BY CERTAIN KINDS OF LEGAL ENTITIES"	88
Mamedov N. INFORMATION-LEGAL SUPPORT OF E-GOVERNMENT IN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN.....	94
Afanas'ev P. REVISITING THE ISSUE OF VICTIMOLOGICAL CRIMES PREVENTION	101
Galitskaya A. THE RESPONSIBILITY OF THE CUSTOMER AND THE SUPPLIER (CONTRACTOR, EXECUTOR) FOR DEFAULT AND IMPROPER EXECUTION OF OBLIGATIONS UNDER THE CONTRACT.....	105

Agaev A.

TOTAL CHARACTERISTIC OF OFFENCES AGAINST THE LINE
OF AUTHORITY AND MILITARY STATUTORY RELATIONS..... 112

ISSUES OF ECONOMICS AND MANAGEMENT

Salikhov B., Salikhova I.

CREATIVE INTELLIGENCE AS A NOOSPHERIC-CREATIVE FORM
OF INTERRELATION BETWEEN INTELLECT AND CREATIVITY..... 116

Ragulina Yu., Vergeychik M.

FEATURES OF DEVELOPMENT OF ECONOMIC COOPERATION
OF THE EURASEC MEMBER STATES 123

Osipov V.

TERRITORY OF PRIORITY DEVELOPMENT IN THE SYSTEM OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT
OF THE REGIONS OF THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT 130

Dovgalevskiy V., Mamedov T.

THE INDICATORS SYSTEM OF INNOVATION ACTIVITY 139

Shaipova S.

HIGH-FREQUENCY TRADING AND ITS DEVELOPMENT IN THE TRADE MARKET 146

Kharchilava Kh., Chalenko N.

THE FRAMEWORK OF IMPLEMENTATION OF RISK-ORIENTED MANAGEMENT SYSTEM
AT THE ENTERPRISES OF THE AGRICULTURAL SECTOR 150

Smagin A.

THE DEVELOPMENT OF METHODS OF RECOVERY OF FINANCIAL STABILITY OF CREDIT INSTITUTIONS 156

УДК 340.1

Радько Т.Н.,доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

ЗАПРЕЩАЮЩИЕ НОРМЫ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматривается проблема и особенности «механизма правового регулирования» как юридической категории в отечественной теории государства и права. На основе анализа действующего законодательства за последние годы показаны общие тенденции в изменении содержания запрещающих норм права, а также их специфика, определяется их роль в механизме правового регулирования. На основании анализа автор делает вывод, что ценность запрещающих норм особенно возрастает в постиндустриальном обществе, в условиях глобализма и научно-технического прогресса, ибо растет число опасностей для человечества, вызванных непредсказуемыми результатами достижений науки и техники.

Ключевые слова: механизм правового регулирования, юридическая категория, норма права, запрещающая норма, регулятивная норма, правовое воздействие, правовое регулирование, элемент механизма правового регулирования, метод правового регулирования, правоотношение

Rad'ko T.,Doctor of Law, Professor of Chair of Theory of State and Law
of the Moscow State Law University named after O. Kutafin

PROHIBITING NORMS IN THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION

The article deals with the issue and features of the “mechanism of legal regulation” as a legal category in the domestic theory of state and law. There are shown the general trends in changing the content of prohibiting norms of law, as well as their specificity and determined their role in the mechanism of legal regulation, based on the analysis of the current legislation in recent years. The article author concludes that the value of prohibiting norms of law especially increases in post-industrial society, in the context of globalism and scientific-technological advance, using the analysis, because the growing number of threats to humanity caused by unpredictable results of scientific and technological achievements.

Keywords: mechanism of legal regulation, legal category, norm of law, prohibiting norm, regulatory norm, legal impact, legal regulation, element of mechanism of legal regulation, method of legal regulation, legal relationship

Проблема понятия механизма правового регулирования и его совершенствования очень актуальна как для теории, так и для практики. Особенности «механизма правового регулирования» как юридической категории состоят в том, что она в единстве охватывает самые существенные элементы правовой регламентации поведения субъектов права, связывая воедино нормы, правоотношения и акты реализации права. Причем в каждом из указанных элементов имеется множество различных форм, методов и средств, детализирующих эти элементы. Одними из них являются запрещающие нормы.

Механизм правового регулирования – это система логично взаимосвязанных правовых средств, образующих единую внутренне согласованную и не-

противоречивую цепь элементов, назначение которой состоит в создании определенного правового алгоритма [1].

Важная особенность категории «механизм правового регулирования» заключается в том, что она дает возможность видеть систему определенных свойств и элементов, действующих непрерывно и взаимосвязанно и осуществляющих правовую регламентацию общественных отношений. Категория «механизм правового регулирования» позволяет отличать правовое регулирование от социального регулирования, правового воздействия, психологического воздействия права и других близких к нему правовых явлений [2]. Таким образом, методологическая и практическая ценность данной категории очевидна.

Первым дал определение механизма правового регулирования профессор С.С. Алексеев. Так было положено начало обсуждению как указанного определения, так и проблемы в целом.

С.С. Алексеев предложил понимать под механизмом правового регулирования «взятую в единстве всю совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения» [2].

Данное определение, включая в себя «всю совокупность юридических средств», несомненно, давало слишком широкое понимание механизма правового регулирования.

В другой своей работе С.С. Алексеев определяет механизм правового регулирования как взятую в единстве систему правовых средств (юридических норм, правоотношений, актов и др.), при помощи которых осуществляется правовое воздействие на общественные отношения [2]. Как видим, в этом определении «вся совокупность» заменена «системой».

Однако оба приведенных выше определения имеют общий недостаток – правовое регулирование определяется через правовое воздействие. В таком подходе изначально содержится неточность. Тем не менее указанное определение механизма правового регулирования получило наибольшее признание в юридической литературе.

Имелись и другие подходы к проблеме механизма правового регулирования. Так, профессор В.М. Горшенев рассматривал механизм правового регулирования с позиции правовых форм деятельности органов государства и общественных организаций, т.е. через правотворческую и правоприменительную деятельность соответствующих субъектов [3].

В другой работе В.М. Горшенев, анализируя данную проблему уже с учетом позиции С.С. Алексеева, считает, что механизм правового регулирования переводит «нормативность права в упорядоченность общественных отношений» [3] и предлагает рассматривать механизм правового регулирования, с одной стороны, как способ воздействия права, выраженный в правовых нормах (дозволениях и запретах), а с другой – как способ реализации права – фактически совершаемые субъектами права действия.

Позиция В.М. Горшенева, одна из немногих, значительно отличалась от подхода к механизму правового регулирования, и предложенного С.С. Алексеевым. Большинство юристов рассматривают механизм правового регулирования (с некоторыми уточнениями) так же, как и С.С. Алексеев. Так, профессор В.Н. Хропанюк определяет механизм правового регулирования как систему правовых средств, с помощью которых осуществляется упорядоченность общественных отношений [4]. Профессор А.В. Малько считает, что механизм правового регулирования –

«это система правовых средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права» [5].

Все отмечают такой важный признак механизма правового регулирования, как «система правовых средств», но в остальном подобное единство во взглядах не наблюдается.

С.С. Алексеев говорит о воздействии на общественные отношения, В.Н. Хропанюк – об упорядоченности общественных отношений, А.В. Малько – о преодолении препятствий на пути удовлетворения интересов субъектов права.

Все это свидетельствует об уязвимости широкого определения механизма правового регулирования как воздействия права на общественные отношения. Целесообразнее дать более узкое определение: *механизм правового регулирования – это система правовых средств (элементов), осуществляющих одновременное взаимосвязанное регулирование общественных отношений определенного вида*. Как было сказано выше, регулирование – это действие права, но не всей его системы и не в любых формах и направлениях, а именно регламентация правовыми средствами определенного вида общественных отношений, осуществляемая в конкретной правовой ситуации. Это расстановка участников регулируемых отношений по их юридическим местам с помощью соответствующих правовых средств (правовых актов, правомочий, юридических фактов, обязанностей). А действие права в обществе в широком смысле (социальный механизм действия права) – это правовая ориентация, правовые установки, социальная среда, правовая информация, социальные последствия действия права и т. п. [6].

В юридической литературе нет единого взгляда на внутреннюю структуру механизма правового регулирования, т.е. на систему правовых средств.

С.С. Алексеев считает, что механизм правового регулирования состоит из трех основных элементов или частей: юридических норм, правовых отношений и актов реализации субъективных юридических прав и обязанностей [2].

А.В. Малько вполне обоснованно добавляет к ним юридический факт и охранительный правоприменительный акт [5].

В.А. Шабалин называет в качестве самостоятельного элемента механизма правового регулирования – законность [7].

С последней позицией трудно согласиться. Законность как требование точного и неуклонного соблюдения всеми субъектами права законов и подзаконных актов не может быть элементом механизма правового регулирования. Законность – это метод деятельности власти, это режим права, который затрагивает все элементы механизма правового регу-

лирования, начиная с принятия правовой нормы до ее реализации.

То же самое относится и к правосознанию, которое также иногда называют элементом механизма правового регулирования. Правосознание сопровождает все стадии правового регулирования. Оно присутствует в момент подготовки и принятия правового акта, оно необходимо для создания обоснованного и юридически грамотного правоприменительного акта (исключается лишь на стадии юридического факта-события). И законность, и правосознание – важнейшие факторы механизма правового регулирования. Они являются его основой, безусловным атрибутом, но не элементом регулирования. Без правосознания и законности любая стадия, любой элемент механизма будет сломанным, действующим неадекватно, искажающим подлинный смысл правового регулирования.

Вопрос о правильном определении элементов механизма правового регулирования имеет важное значение. Если же считать, что механизм правового регулирования состоит только из нормы права, правоотношения и актов реализации, то его познание теряет всякий теоретический и практический смысл. Каждый из названных элементов является самостоятельным правовым явлением фундаментального характера и изучается давно и достаточно глубоко. Скорее всего по этой причине во многих учебниках отсутствуют главы о механизме правового регулирования: зачем повторять уже сказанное о нормах права, правоотношении, формах реализации права. В таком аспекте идея механизма правового регулирования перестает быть необходимой.

На то, что норма права, правоотношение и акты реализации не исчерпывают механизма правового регулирования, обращает внимание В.Б. Исаков. По его мнению, категория «механизм правового регулирования» охватывает следующую систему юридических средств: норму права, юридический факт (состав), акт применения права, правоотношение, акты реализации прав и обязанностей [8].

Считаем, что структурный анализ механизма правового регулирования далеко не завершен. Возможны и другие подходы к анализу механизма правового регулирования, позволяющие раскрыть не только норму права, правоотношение и акты реализации в качестве его элементов, но и включить в них другие элементы (структурные части), играющие весьма заметную роль в регулировании правом общественных отношений.

Суть этого подхода состоит в анализе большего числа правовых средств, играющих важную роль в реализации права как регулятора общественных отношений.

Следует также отметить, что категория «механизм правового регулирования» очень объемна, многоаспектна, чрезвычайно содержательна. Точно

также объемно, многоаспектно и содержательно отражаемое ею правовое явление – механизм правового регулирования. Краткий перечень его основных элементов – нормы права, юридические факты, правоотношения, акты реализации далеко не исчерпывают всех нюансов, внутренних составляющих, специфических вариантов реального правового регулирования, вытекающих из разнообразия норм права, методов правового регулирования, видов правовых отношений и т.д.

Анализ охранительных правовых норм позволяет раскрыть одну из его особенностей и одновременно раскрыть богатство методов и средств механизма правового регулирования, показать место, роль и значение таких норм в системе разнообразных вариантов действия права.

Запрещающие нормы имеют важное значение в механизме правового регулирования. С их помощью обеспечивается закрепление и охрана общественных отношений, определяются границы дозволенного и недозволенного, они способствуют укреплению законности и правопорядка в обществе.

Наличие запрещающих норм в механизме правового регулирования свидетельствует об определенной степени ограничения свободы для субъектов права. Однако, как правильно отмечается в философской литературе «свобода и несвобода – это единство противоположностей». Несвобода общественно опасных и общественно вредных действий означает расширение рамок свободы для правомерных поступков законопослушных граждан.

Запрещающие нормы, действуя в обществе, всегда предназначены для всех субъектов, они обращены в первую очередь к тем, кто самостоятельно не может определиться с выбором правомерного поведения и склонен к деструктивным действиям в сфере правопорядка.

Запреты (табу) использовались в регулировании поведения людей с древнейших времен. Первоначально они имели синкретический, нерасчленимый характер, так как соединяли зачатки многих форм общественного сознания и выступали в качестве табу. Страх перед неведомой силой был главным гарантом их исполнения. С появлением государства сила, обеспечивающая выполнение запретов, постепенно теряет неведомое и неопределенное значение и получает реальное, рационально постигаемое выражение – надсмотрщик, полицейский и т.п. [9].

В демократическом обществе различные запрещающие нормы, содержащиеся в социальных нормах, как правило, выражают наиболее целесообразные, общечеловеческие требования к индивиду, его поведению. А запрещающие правовые нормы уже выражают государственные, властные требования к поведению субъектов права.

Государство, издавая такие нормы, преследует две основные цели: во-первых, защитить определенные общественные отношения, взять их под охрану, чтобы обеспечить им нормальные бесконфликтные условия существования и развития; во-вторых, сформировать в психике людей сдерживающие мотивы и обеспечить тем самым поведение, не наносящее ущерб охраняемым отношениям, правам и интересам граждан.

Наиболее очевидными запрещающими нормами являются уголовно-правовые. Правда, в соответствии с давно сложившейся законодательной техникой в уголовно-правовой норме нет прямого предписания определенного поведения, равно как и самого запрета. В частности, нормы особенной части уголовного права не сформулированы непосредственно (словесно) в форме запрета противоправных действий: не нарушать общественный порядок, не оскорблять личность, не похищать имущество и т.д. Они устанавливают санкции за подобные действия, т.е. определяют, что их совершивший подлежит наказанию. Здесь имеется в виду, что не желающий подвергнуться наказанию не совершит наказуемого действия (бездействия).

Такая абстрактная структура уголовно-правовой нормы, не содержащая прямого запрета, является более простой, но она имеет и определенные минусы, так как затрудняет воздействие на сознание людей. Суждение «не все, что просто – хорошо» в данном случае находит свое наглядное подтверждение.

Непосредственная цель запрета состоит в том, чтобы удержать людей от неправомерного поступка, не допустить его и тем самым добиться бесконфликтного состояния общественных отношений. Они используются в тех случаях, где государство имеет возможность посредством права предупредить возможные социальные эксцессы. Запрещающие нормы адресованы к тем субъектам, которые могут быть инициаторами неправомерного поведения.

Поэтому их реализация правового запрета происходит не только тогда, когда он нарушен и вызвал соответствующую реакцию со стороны правоохранительных органов или других уполномоченных субъектов, но и когда люди в повседневной жизни не совершают действий, запрещаемых нормами права [10].

Обычно считается, – «все, что правом не запрещено, – то им дозволено». И дозволено до тех пор, пока законодатель не обратит внимание на определенные деструктивные действия людей и не посчитает нужным их запретить. Причем в большинстве случаев не имеет значения, что эти действия ранее не одобрялись моралью, запрещались общественными организациями. Законодательное запрещение имеет ряд существенных признаков, оно означает подключение к системе запретов авторитета и силы государ-

ства, соответствующих частей его механизма, которые могут принудить к исполнению запрета вплоть до изоляции человека от общества, а в крайних случаях до его пожизненной изоляции.

Запрещающий вариант в механизме правового регулирования избирается законодателем тогда, когда он считает, что интересы охраны тех или иных общественных отношений требуют установления всеобщей обязанности воздерживаться от определенного поведения. Влияя на поведение людей, запрещающие нормы, как правило, обращены к персонально-неопределенным лицам и рассчитаны на заранее неизвестное число таких лиц, в силу чего они, как и любые правовые нормы, выступают общим масштабом, единой мерой поведения людей [11].

Другое дело, что, соблюдая уголовно-правовые запреты, люди, как правило, не думают о том, что их поведение соответствует этим запретам, за исключением появления особого соблазна [12] (когда приходится желать сопоставлять с запретом).

Запрещая совершать действия определенного вида, вредные и опасные для существующего правопорядка, право тем самым как бы устанавливает общие рамки для поведения людей. Такие общие правовые рамки означают общую обязанность не совершать действий, запрещенных правом. Нормы права, устанавливающие общие запреты, предусматривают действия, совершение которых влечет возникновение правоотношений по применению санкций [13]. Следует уточнить суждение Н.Г. Александра о том, что каждый запрет в отдельности можно условно рассматривать как эвентуальную обязанность для всякого и каждого воздерживаться от нарушения данного запрета [13]. Обязанности, устанавливаемые запрещающими нормами, существуют не в возможности, а они реальны. Другое дело, что восприятие их конкретными лицами бывает неодинаковым – одобрительным или нет. Для одних (законопослушных граждан) они естественны, такую обязанность они не ощущают как исполнение запрета, для других (маргиналов) они служат действенным регулятором поведения, предупреждая о возможных неблагоприятных последствиях в случае несоблюдения. Наконец, для третьих (правонарушителей) эти обязанности выступают уже правовым основанием привлечения к ответственности за совершение запрещающих проступков, когда они не выполнили функцию сдерживающего фактора и были нарушены.

Запрещающие нормы применяются в механизме правового регулирования в различных вариантах: как форма словесного выражения правовой нормы (прием нормотворчества); как метод воздействия на участников общественных отношений.

Использование запрета в качестве метода правового регулирования имеет свою специфику. Речь

идет о характере юридического веления, которое выражается как требование воздержания от определенных действий (бездействий).

Характер юридического веления бывает различным: предписание, указание, запрет, дозволение и т.п. Эти методы юридического воздействия на участников общественных отношений присущи всем отраслям права. В юридической литературе запреты вполне обосновано относятся ко всеобщей форме воздействия права на поступки людей [14]. Но им присущи свои собственные характерные признаки.

Их необходимо отличать:

1) от метода как одного из важнейших критериев разграничения норм права по отраслям, включающего в себя определенную совокупность юридических приемов и средств (общее юридическое положение субъектов права, способы формирования их прав и обязанностей, характер юридических мер воздействия и т.п.) [15];

2) от метода как способа реализации правовых норм – убеждения и принуждения.

Необходимость такого различия диктуется сложностью и многообразием вариантов механизма правового регулирования, среди которых термин «метод» употребляется в юридической литературе в самых различных значениях.

Нередко запрещающие нормы используются законодателем в качестве приема нормотворчества, форма выражения правовой нормы.

Так, п.5 ст.13 Конституции Российской Федерации сформулирован в виде прямого запрещающего веления: «Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственные изменения основ конституционного строя, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни».

Запрещающее нормативное предписание – это распространенное государственно-властное веление, непосредственно выраженное в тексте нормативного акта и состоящее в возложении на тех или иных лиц обязанности воздерживаться от запрещаемых действий. Запрещающих предписаний в нормативных актах достаточно много. Они содержатся в Конституции РФ, во всех принятых кодексах Российской Федерации, где нормы-запреты выражены при помощи слов «запрещается», «запрещено», «не допускается». («Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается» – ст. 24 Конституции РФ).

Используются и другие термины. Как показывает анализ нормативных правовых актов, такими терминами являются: «не может», «не признается», «не разрешается», «не вправе». Например, ст. 51 ГПК

РФ запрещает осуществлять представительство в суде судьям, прокурорам и следователям. Однако в ее формулировке нет слова «запрещается». Аналогичным образом сформулирована и ст. 16 и многие другие статьи ГПК РФ.

Отсутствие права на определенные действия в принципе нельзя сравнивать с запретом. Но в приведенном примере со ст. 51 ГПК РФ преследуется конкретная цель – не допустить представительство в суде судьям, прокурорам и следователям. Ее формулировка вполне могла бы выглядеть и следующим образом: запрещается быть представителями в суде судьям, прокурорам и следователям. Однако законодатель избрал другую формулировку. Вместе с тем, на мой взгляд, употребление слова «запрет» в определенных случаях более эффективно, чем замена его близкими по смыслу выражениями.

Наконец, запретительными по существу являются многие предписания права, цель которых – предотвращение нежелательных, опасных, вредных и т.п. действий людей, хотя при их формулировании не были использованы ни термин «запрет», ни близкие к нему по смыслу выражения.

Так, запретительный характер имеют все статьи особенной части уголовного кодекса РФ, многие нормы административного права, в частности, устанавливающие ответственность за административные проступки. Без преувеличения можно сказать, что нет ни одной отрасли права, где бы в той или иной степени не использовались запрещающие нормы в качестве правового предписания участникам общественных отношений. Преимущественное использование они находят в тех отраслях и институтах права, которые имеют первоочередное охранительное назначение (уголовное, административное право), т.е. там, где непосредственно реализуется охранительная функция права. И, напротив, в отраслях и институтах, менее связанных с охраной общественных отношений, предписания запретительного характера встречаются значительно реже, поскольку в них реализуется, в первую очередь регулятивная функция права (гражданское, семейное, трудовое право).

Вместе с тем, есть все основания для вывода, что, независимо от отраслевой принадлежности, все запреты имеют прежде всего охранительное назначение. Их цель – превентивная охрана регулируемых правом общественных отношений. Потому вполне обосновано запретительные предписания называют охранительными нормами. Они предназначены для обеспечения нормального развития общества, для создания ему необходимых условий существования. В этом смысле они выполняют важную позитивную функцию. Использование запрещающих норм в механизме правового регулирования несомненно усиливает действенность охранительной функции права.

Нормы, непосредственно предназначенные для охраны общественных отношений, зачастую выражены (сформулированы) не в виде позитивного правила поведения, а в виде требований воздержания от действий (бездействий), опасных или вредных для общества, государства и граждан.

Если при формулировании позитивного правила поведения в нормах права охранительная функция получает свое выражение лишь опосредованно, поскольку сам факт установления в правовой норме правила поведения, правила действий следует характеризовать как государственное веление, [16] то при установлении запрещающих норм мы имеем дело с непосредственными проявлениями охранительной функции. Подобные нормы являются одним из юридических средств обеспечения законности, укрепления правопорядка и одновременно «стимулятором» надлежащего поведения для некоторых участников общественных отношений в рамках правопорядка. Иными словами, запрещающие нормы направляют поведение людей, оказывая мотивационное влияние при выборе ими должного варианта поведения. Вместе с тем рассматриваемое нами направление правового воздействия имеет ряд существенных особенностей, на которых следует остановиться более подробно.

Прежде всего, запрещающие нормы в отличие от основной массы норм, указывающих желательные, необходимые варианты поведения субъектам права, предусматривают, наоборот, вид общественно опасного, общественно вредного или как минимум нежелательного поведения.

В данном случае регулируется поведение людей, но только в иной форме, чем посредством позитивных правил поведения (регулятивных норм). Если регулятивная норма указывает на то, как нужно действовать, чтобы наступил тот или иной результат, то запрещающие нормы, наоборот, указывают как не следует поступать, чтобы не наступили неблагоприятные последствия. Отсюда вытекает еще одно различие регулятивных и запретительных норм: действуя в соответствии с регулятивной нормой, субъект права приобретает то или иное личное или общественное благо, а действуя в соответствии с запрещающей нормой, он не получает никакого эффекта, кроме лишь того, что этим самым гарантирует себя от возможности применения к нему санкций.

Норма права по своему непосредственному содержанию есть своего рода стандарт, модель, указатель поведения людей в их взаимных отношениях друг с другом.

Запрещающие нормы, как отмечалось в литературе, выполняют роль «преград», стоящих на пути возможных нежелательных действий отдельных субъектов права, которые могут нарушать права и интересы человека, общества и государства, отрица-

тельно влиять на состояние правопорядка. Это своего рода сигнал, предупреждающий об опасности (в данном случае об ответственности). Наличие, например, уголовно-правовых норм есть констатация того факта, что определенные действия являются преступными и запрещаются, что при их нарушении наступят неблагоприятные для нарушителя последствия в виде уголовного наказания.

Однако следует иметь в виду, что регулирование поведения людей при помощи правовых запретов (велений) не самоцель и не конечная цель права. Запрет обязывает субъектов права воздерживаться от совершения определенных действий, либо, наоборот, требует от них совершения тех или иных действий не только в профилактических целях в отношении определенных лиц, а в целях закрепления, создания и обеспечения условий для тех отношений, которым мог бы быть причинен ущерб в случае совершения запрещаемых или несовершения требуемых законом действий [17].

Запрещающие нормы пресекают действия, совершение которых причиняет вред общественным отношениям и мешает нормальному функционированию общественной жизни. Имея целью предотвратить нежелательные гражданам, обществу и государству поступки, они выступают в качестве одного из действенных средств самоохраны общества против действий, нарушающих условия его существования и развития.

Их действие выражается не только и не столько в том, что вследствие его нарушения должен последовать тот или иной вид принуждения, но прежде всего в том, что их наличие в праве дает возможность знать о недозволенном поведении, а это в известной степени стимулирует в необходимом направлении поведение лиц, которые склонны к нарушению норм права.

Запрещающие нормы не следует отождествлять с санкцией правовой нормы, хотя они и очень близки по своему назначению поскольку как те, так и другие характеризуются прежде всего, властностью, принудительностью реализации в случаях совершения правонарушений. Однако санкция является указанием вида и меры государственно-правовых последствий, применяемых к субъекту права, нарушающему норму права, а запрещающая норма есть указание вида нежелательного действия участников регулируемых правом общественных отношений. Одна из целей запрета – предвосхитить применение санкций путем предупреждения нежелательного поведения.

Вместе с тем, следует иметь в виду, что роль запрещающих норм, не сводится только к предупреждению совершению правонарушений. Их существование есть также одно из средств воспитания граждан в духе соблюдения требований законности и правопорядка [16].

Все без исключения запрещающие нормы оказывают определенное психическое воздействие на людей. Однако у разных лиц они вызывают различную реакцию. Дело в том, что запрещающая норма так или иначе – одно из средств осуществляемого при помощи права психического воздействия на субъектов права, задача которого является возбуждение такого мотива поведения, который, вступая в борьбу с иными мотивами, преодолевал бы их и склонял субъекта права к требуемому поведению [18].

Человек, который и без наличия подобного запрета не совершил бы общественно опасных либо общественно-вредных действий, воспринимает установление запрета ободрительно, как подтверждение правильности понимаемых им целей и задач поведения в обществе, семье, быту, на производстве. Колеблющемуся человеку запрет поможет сформировать устойчивое, правильное поведение. Именно здесь психическое принуждение нередко оказывает свою решающую роль. А у человека с антиобщественными установками, эгоистично ведущего себя по отношению к правам и свободам других людей, к обществу, запрет вызывает несогласие, протест, внутреннее сопротивление и т.п.

Запрещающие нормы следует рассматривать и как определенные юридические обязанности участников регулируемых правом общественных отношений, поскольку последние обязаны воздерживаться от совершения неправомерных поступков. Такой путь правового регулирования отношений людей избирается законодателем в тех случаях, когда необходимо установить всеобщую обязанность воздерживаться от тех или иных действий. Эта обязанность не персонафицирована. Имея всеобщий характер, она не нуждается в подтверждении в конкретном правоотношении, а распространяется на всех субъектов права без наступления соответствующего юридического факта. Само издание запрещающей нормы есть уже юридический факт, порождающий обязанность.

Обязанности всегда прямо или косвенно соответствуют запрет, а запрету обязанность. Поэтому содержащееся в норме правило может быть изложено в утвердительной или отрицательной форме. Какого-либо общего правила здесь не существует. Использование той или иной формы изложения зависит от того, что именно хочет подчеркнуть законодатель, на что желает обратить внимание, кокой способ воздействия на людей с его точки зрения наиболее эффективен – запрет, предписание или дозволение [19].

Здесь на первое место выдвигается не законодательная техника, а законодательная политика, социальные факторы, предопределяющие соответствующую форму правовых предписаний, в том числе и запрещающих. Не будь таких норм право не смогло бы вступить в качестве надежного средства охраны общественных отношений.

Обязанность, устанавливаемая запрещающей нормой, отличается категоричностью, безусловно-стью. В содержание этой обязанности «включаются властный императив, запрещающий лицам уклоняться от предписанного поведения» [20].

Обязывая граждан воздерживаться от тех или иных действий, предоставляя государственным органам право применять принуждение за нарушение этой обязанности, запрещающие нормы, как и регулятивные нормы, способствуют укреплению складывающихся отношений и возникновению новых. В этой части (в части конечного социального результата) воздействие правовых запретов сходно с воздействием норм, выраженных в форме позитивных правил поведения.

Особенность запрещающей нормы состоит также в его возможности предусмотреть одновременно большее число индивидуальных вариантов поведения, большое число конкретных действий, нежелательных для других граждан, общества и государства. Например, запрещаемая ст. 29 Конституции РФ «пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» может выразиться в весьма различных действиях и может иметь самые различные конкретные проявления. Запрещающие нормы в большинстве своем указывают на целую группу возможных действий, одинаковых лишь по своей социальной опасности и антиобщественной направленности.

Особенность запрещающих норм заключается и в том, что для абсолютного большинства людей они, как правило, ничем себя не обнаруживают, поскольку соблюдение их требований не создает конкретных правоотношений охранительного типа: уголовно-правовых, административно-правовых и т.п. Наличие таких норм в большинстве случаев непосредственно не сказывается на выборе гражданами того или иного варианта поведения. «Решающее значение здесь приобретает сам факт законодательного осуждения этого поведения, соответствие запрета моральным требованиям общества» [16]. Правильно пишет профессор Н.Г. Александров, что «было бы нелепо всех лиц считать потенциальными преступниками и прямо на каждого гражданина возлагать юридическую обязанность не совершать запрещаемых действий, безотносительно к его положению и поведению» [21].

Нельзя считать, что, соблюдая запреты, установленные правовыми нормами, субъекты права являются участниками конкретных уголовно-правовых, административно-правовых и т.п. отношений. Для возникновения подобного правоотношения необходимо нарушение уголовного, административного и т.п. запрета, т.к. только с этими обстоятельствами закон связывает возникновение конкретного охранительного правоотношения для реализации юридической ответственности.

Соблюдая запрещающие нормы, участники общественных отношений одновременно исполняют обязанности, закрепленные в Конституции Российской Федерации. Исполняя конституционные обязанности, участники общественных отношений находятся в общих правоотношениях с государством, установившим эти запреты и возложившим тем самым обязанности по их соблюдению.

Таким образом, действующие запрещающие нормы в механизме правового регулирования выступают одним из наиболее существенных средств, методов и форм реализации охранительного назначения права.

Проведенный анализ их особенностей дает основания для следующих выводов:

- как форма словесного выражения правовой нормы, запреты имеют информационное назначение, предупреждая о наказуемом поведении;
- с точки зрения социального результата в развитии общественных отношений, запрет выполняет вспомогательную роль, осуществляя превентивную охрану общественных отношений;
- запрещающие нормы являются одним из важнейших средств психического воздействия на участников общественных отношений, склонных к совершению правонарушений;

- возлагая всеобщую обязанность, запрещающие нормы выступают основанием возникновения общих правоотношений между государством и субъектами права;

- в случаях правонарушений запрещающая норма является основанием возникновения конкретных охранительных правоотношений, содержанием которых является юридическая ответственность, а целью – восстановление социальной справедливости;

- специфика запрещающих норм состоит в возможности предотвращения большого числа возможных противоправных конкретных действий субъектов права, одинаковых лишь по своему общественно-опасному и общественно-вредному характеру;

- запрещающие нормы, воздействуя на поведение людей, направляя их поведение, сочетают признаки, свойственные регулятивным нормам, устанавливающим позитивные правила поведения. Ценность запрещающих норм особенно возрастает в постиндустриальном обществе, в условиях глобализма и научно-технического прогресса, ибо растет число опасностей для человечества, вызванных непредсказуемыми результатами достижений науки и техники, а также глобалистскими устремлениями транснациональных монополий.

Список литературы

1. Шундииков К.В. Цели и средства в праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 17.
2. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1967.
3. Горшенев В.М. Участие общественных организаций в правовом регулировании. М., 1963. С. 3.
4. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 1995. С. 341.
5. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. С. 625.
6. Казимирчук В.П. Социальный механизм действия права // Сов. государство и право. 1970. №10.
7. Шабалин В.А. Системный анализ механизма правового регулирования // Сов. государство и право. 1969. №10. С. 124-125.
8. Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. М., 1980. С. 14.
9. Вавилова И.А. Моральный и правовой запреты. Автор. канд. дисс. Л. 1968, С. 6.
10. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования, М., 1973. С. 51-53.
11. Наумов А.В. Теоретические вопросы применения уголовно-правовых норм. Автореферат докторской дисс. Киев, 1975. С. 7.
12. Имре Сабо. Основы теории права. М., 1978. С. 154-155.
13. Александров Н.Г. Право и законность в социалистическом обществе. М., 1955. С. 191.
14. Иоффе О.С. Нормы права и человеческие поступки. Сб. «Актуальные проблемы советского гражданского права». М., 1964. С. 16.
15. Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М., 1961. С. 61-71.
16. Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965.
17. Общетеоретический и отраслевой системы норм права. Монография. М., 2018, под. ред. Р.Л. Хачатурова.
18. Базылев Б.Т. Государственное принуждение и правовые формы его осуществления в советском обществе. Автореферат канд. дисс., Киев, 1969, С. 10.
19. Нашиц А. Правотворчество. С. 178-179.
20. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 2. С. 12.
21. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., Госюриздат, 1955. С. 89-90.

Reference list

1. Shudnikov K. Goals and means in law. Synopsis of a thesis of PhD in Law. Saratov, 1999. P. 17.

2. *Alekseev S.* The mechanism of legal regulation in a socialist state. M., 1967.
3. *Gorshenev V.* Participation of public organizations in legal regulation. M., 1963. P. 3.
4. *Khropanyuk V.* Theory of state and law. M., 1995. P. 341.
5. Theory of state and law: lectures course / Under the editorship of N. Matuzov and A. Mal'ko. P. 625.
6. *Kazimirchuk V.* Social mechanism of law // Soviet state and law. 1970. №10.
7. *Shabalin V.* System analysis of the mechanism of legal regulation. state and law. 1969. №10. P. 124-125.
8. *Isakov V.* The actual composition of the mechanism of legal regulation. M., 1980. P. 14.
9. *Vavilova I.* Moral and legal prohibitions. Synopsis of a thesis. L. 1968, P. 6.
10. *Gorshenev V.* Methods and organizational forms of legal regulation, M., 1973. P. 51-53.
11. *Naumov A.* Theoretical issues of application of criminal law. Synopsis of a thesis of the Doctor's dissertation. Kiev, 1975. P. 7.
12. *Imre Szabo.* Fundamentals of the theory of law. M., 1978. P. 154-155.
13. *Aleksandrov N.* Law and legality in a socialist society. M., 1955. P. 191.
14. *Ioffe O.* The rule of law and human actions. Collection "Actual issues of the Soviet civil law". M., 1964. P. 16.
15. *Alekseev S.* General theoretical issues of the Soviet law system. M., 1961. P. 61-71.
16. *Smirnov V.* The function of the Soviet criminal law. L., 1965.
17. General theoretical and branch system of legal norms. Monograph. M., 2018, under the editorship of R. Khachaturov.
18. *Bazylev B.* State coercion and legal forms of its implementation in Soviet society. Synopsis of a thesis of PhD dissertation, Kiev, 1969, P. 10.
19. *Nashits A.* Lawmaking. P. 178-179.
20. *Alekseev S.* General theory of socialist law. Vol. 2. P. 12.
21. *Aleksandrov N.* Legality and legal relations in the Soviet society. M., Gosyurizdat, 1955. P. 89-90.

УДК 34.023

Дорская А.А.,доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ПРОБЛЕМА ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ТРАВМА» В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В статье рассматриваются основные положения теории социальной травмы, активно разрабатываемой представителями зарубежной социологической науки. Показано, что на рубеже прошлого и нынешнего столетия актуализировались вопросы истории XX века, в том числе мировых войн. Продемонстрированы различные варианты влияния социальных травм на общество. В статье показано, что современные государства вырабатывают определённую политику памяти, находящую отражение в нормативно-правовых актах. Проведён сравнительный анализ общественной реакции на события Первой мировой войны в России в период военных действий, а также на современном этапе. Выявляется значение памятных дат в конструировании политики памяти по преодолению социальных травм. На примере двух мировых войн XX века показано, как одни травмирующие события могут быть вытеснены другими социальными травмами. Проанализированы законы различных европейских стран, направленные на оценку событий Второй мировой войны и установления юридической ответственности за отрицание злодеяний нацистов, в целом, и Холокоста, в частности. В статье рассмотрены нормативно-правовые акты России, Германии и Польши, регулирующие проблемы, связанные с отношением к событиям Второй мировой войны. Раскрываются причины изменения отношения общества к событиям данного исторического периода. Выявлена различная роль права, которое может выступать одним из инструментов как предотвращения, так и преодоления социальных травм.

Ключевые слова: социальная травма, Первая мировая война, Лига Наций, Вторая мировая война, официальная политика памяти, запрет героизации нацизма

Dorskaya A.,

Doctor of Law, Professor, Head of Chair of International Law of Herzen State Pedagogical University of Russia

THE ISSUE OF POSSIBILITY TO USE THE CONCEPTION "SOCIAL TRAUMA" IN THE LEGAL SCIENCE: THE RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

The article deals with the basic provisions of the theory of social trauma, actively developed by foreign representatives of sociological science. It is shown the issues of the history of the twentieth century, including world wars, were actualized at the turn of the past and present centuries. There are shown various options of the social traumas impact on society. The article focuses that the contemporary states develop a certain policy of memory, which is reflected in normative-legal acts. There has conducted a comparative analysis of the public response to the events of the First World War in Russia during the military activities, as well as at the present stage. The importance of the memorable acts in the construction of memory policy to overcome social traumas is revealed. The example of two world wars of the twentieth century shows how some traumatic events can be replaced by other social traumas. The laws of various European countries aimed at assessing the events of the Second World War and establishing the legal responsibility for denying the atrocities of the Nazis in general, and the Holocaust in particular, are analyzed. The article deals with the normative-legal acts of Russia, Germany and Poland, regulating the issues associated with the attitude to the events of the Second World War. The reasons of change of the attitude of society to the events of this historical period are revealed. The different role of the law, which can be one of the tools of both prevention and overcoming of social traumas, is identified.

Keywords: social trauma, First World War, League of Nations, Second World War, official policy of memory, prohibition of glorification of Nazism

Как цитировать статью: Дорская А.А. Проблема возможности использования понятия «социальная травма» в юридической науке: российский и зарубежный опыт // Вестник Академии права и управления. 2018. № 3(52). с. 18–24

Современные общественные вызовы требуют от науки междисциплинарного подхода. Причём если раньше научное взаимовлияние происходило, в основном, либо в гуманитарной, либо в естественнонаучной сферах, то сегодня взаимопроникновение терминологии, количественных и качественных показателей явлений, критериев их оценки стало обыденным явлением и воспринимается как вполне естественный процесс.

Одним их термином, возникших в последние десятилетия благодаря социологическим исследованиям, является «социальная травма».

Говоря об этимологии данного понятия, необходимо отметить, что слово «травма» происходит от древнегреческого «рана», однако, как отмечает Кэти Карут, в современной психиатрической и медицинской литературе всё чаще термин «травма» понимается как эмоциональный шок, причём настолько сильный, что он нарушает осознание времени, себя и мира [26, p.3]. Соответственно социальная травма – это событие или даже явление, которые не встраиваются в существующие схемы понимания общества, вызывающие массовый шок, стыд, протест, стремление забыть через преодоление и т.д.

Один из основоположников теории социальной травмы американский социолог Джеффри Александер (род. 1947 г.), говоря о её разработке, отмечает, что данная теоретическая модель – это результат коллективных интеллектуальных усилий в рамках исследовательского проекта, включавшего в себя сотрудничество с Роном Айерманом, Бернардом Гизеном, Нейлом Смелзером, Петром Штомпкой и Бьорном Уитроком, под эгидой Центра высших исследований в области поведенческих наук в Пало-Альто в 1998-1999 гг. [4, с.6-7].

Дж. Александер предложил классификацию существующих теорий социальных травм.

Во-первых, он выделил популярную теорию травмы. В данном контексте под травмой понимаются происходящие события, сокрушающие ощущение благополучия у коллектива или конкретного человека [4, с.9].

Первой разновидностью данной теории он выделил версию «философии Просвещения». В этом случае травма воспринимается как род рациональной реакции индивидуума или общества на резкую перемену, а поэтому предпринимаются попытки изменить те обстоятельства, которые привели к возникновению социальной травмы. Объекты или события, которые запускают травму, четко воспринимаются обществом, а последствия его реакции направлены на решение проблемы и на развитие. Например, Артур Нил считает, что социальными травмами американского общества являлись Гражданская война 1861-1865 гг., Великая депрессия 1929-1933 гг. и травмы Второй ми-

ровой войны 1941-1945 гг., приведшие к долгосрочным изменениям [31, p. 5].

Второй разновидностью является психоаналитическая версия. Между внешним сокрушительным событием и внутренней травматической реакцией конкретного человека или общества оказываются неосознаваемые эмоциональные страхи и искажающие познавательные процессы механизмы психологической защиты [4, с.12]. Из-за того, что травма как бы вытесняется, попытки распределения ответственности за травмирующее событие, реакция на травму для её преодоления, терпят неудачу. Как отмечает Р. Айерман, жертва просто забывает или отрицает произошедшее. Однако это не более, чем период латентности, который обязательно закончится, даже если он продолжался несколько десятилетий, и влияние травмы обязательно обнаружит себя [3, с.122-123]. В данном случае равновесие может быть возвращено, только когда возвращается память. Примером такого преодоления социальной травмы является увековечивание памяти жертв репрессий, когда через «политику памяти» прошлых преступлений нация самовосстанавливается [25, с.97].

Во-вторых, Дж. Александер выделил культурные травмы. Критерием выделения данного вида социальных травм является идея о том, что для осознания травмы сообществом социальный кризис должен перерасти в культурный. Т.е. важны не столько события, сколько их репрезентация [4, с.18].

Существенный вклад в развитие теории социальной травмы на примере стран бывшего социалистического лагеря внёс польский социолог Питер Штомпка (род. 1947 г.). К признакам травмирующих он относит: а) резкие, внезапные изменения, происходящие в короткий срок, б) изменения, затрагивающие несколько сфер общественной жизни, в) изменения, затрагивающие фундаментальные ценности общества, г) новации, противоречащие традициям, д) неожиданные изменения, вызывающие шок [24, с.8]. Социальные травмы в посткоммунистических обществах, прежде всего, проявляются в трёх основных сферах: демографической, в сфере социальной структуры и культуры.

Достижения социологии вполне применимы в юридической науке. На современном этапе юристы всё больше используют термин «социальная травма» в своих исследованиях [11, с.138-140;20, с. 27-30;16, с.107-112;15, с.209-211;6, с.49-51;5, с.67-72]. Рассмотреть такое влияние можно на примере отражения в законодательстве разных стран отношения к событиям Первой и Второй мировых войн.

На рубеже веков и даже тысячелетий стало уделяться большое внимание истории. Выражение «страна с непредсказуемым прошлым» стало характерно для большинства современных государств,

обладающих травматическим прошлым. А поэтому в российских и зарубежных исследованиях всё больше используются такие термины, как «политика памяти» (30), «коллективная память» [28, р. 270-288.], «историческая память» (27, р.187-198) и т.д.

«Переживание истории» может либо актуализироваться в связи с памятными датами, либо иметь постоянную основу в течение определённого времени. Естественно, что это отражается в правовой сфере.

Так, примером нового обращения к событиям начала XX века стало 100-летие Первой мировой войны, которая десятилетия до этого считалась «забытой». Безусловно, что и на уровне 2014 г. данные события и их осмысление являются травмирующими. Как отмечает А.М. Олешкова, сама идея прогрессивного развития, которая внушала уверенность и прозрачность бытия, было подорвана Первой мировой войной, обнажив кризисность и расколотость социальных интенций человека [18, с.32]. Война оставила после себя невиданное до этого времени число жертв. Погибло более 9 млн. солдат, ранения получили около 20 млн. Гуманитарной катастрофой стало небывалое прежде количество инвалидов. Например, только в Германии на социальное обеспечение претендовали 2,7 млн. человек, получивших инвалидность [12, с.7].

Само понятие «мировая война» изменило представления современников о масштабах военных действий, потерь, средствах ведения войны, о необходимости любыми способами пытаться сохранить мир и т.д.

Право выступало одним из инструментов преодоления данной социальной травмы. На международном уровне сразу после окончания Первой мировой войны была учреждена Лига Наций, целью которой было предотвращение новой широкомасштабной войны и мирное разрешение международных споров, стало разрабатываться понятие преступления геноцида, Версальский мирный договор предусматривал гарантии социальных завоеваний трудящихся, обеспечение прав малых стран и народов, репатриацию военнопленных, реституцию материальных ценностей и т.д. Государства пытались создать новые системы социального обеспечения пострадавшим от военных действий. Например, в Российской империи Министерство путей сообщения весной 1915 г. обратилось в Томский округ путей сообщения с предложением обеспечить заработком лиц, пострадавших от войны и частично потерявших трудоспособность. Главное управление почт и телеграфов в начале 1916 г. разрешило заменить до 50 % «существующего штата рассыльных и сторожей в почтово-телеграфных учреждениях» инвалидами войны, «сохранившими известную трудоспособность», и действительно к началу апреля 1916 г. на почтово-телеграфной службе

по стране было трудоустроено 1085 раненых воинов. Министерство народного просвещения в сентябре 1916 г. направило циркуляр руководству Западносибирского учебного округа, в котором призвало своих подчиненных «всемерно содействовать делу обучения увечных воинов в пределах учебного округа организацией для них курсов и мастерских» [10, с.40-41].

Во многих государствах мира 11 ноября в честь событий 1918 г., когда было подписано Компьенское перемирие, отмечается как День памяти или поминовения, День ветеранов или День перемирия. Однако в связи с тем, что Россия вышла из войны раньше, по инициативе российского парламента с 2014 г. День памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне, отмечается 1 августа (день вступления Российской империи в войну) [9].

События 1914-1918 гг. во многом перестали быть «травматичными» в связи с ещё более ужасающими страданиями и жертвами, которые понесли народы в годы Второй мировой войны. Безусловно, данная война, память о ней до сих пор являются травмирующими для многих стран и народов. Однако социальные травмы, возникшие в результате переживания этого исторического периода, абсолютно различны. Пока нельзя сказать об их преодолении.

Для германского народа, который стал воспринимать нацистское прошлое как собственную трагедию и трагедию других народов, основным вектором стало признание совершённых преступлений, принятие ответственности за них, создание условий, при которых похожая ситуация не могла бы повториться. Главные нацистские военные преступники были осуждены Международным Военным Трибуналом в Нюрнберге, руководство нацистской партии, личная полиция и СС в качестве преступных организаций были запрещены и ликвидированы, в советской зоне оккупации было уничтожено 400000 нацистских преступников, в западной зоне – 3600000 [17, с.172-173], Германия должна выплатить репарации в размере 20 млрд. долларов. В конце XX - начале XXI вв. в Германии был принят ряд законов, направленных на чёткое определение отношения к событиям Второй мировой войны. 8 мая 1985 г., в день окончания войны в Европе и подписания акта о капитуляции Германии, Президент ФРГ Р. фон-Вайцекер назвал данную дату «днём освобождения». В ГДР это было сделано на 35 лет раньше. В 2000 г. в ФРГ был принят закон о создании фонда «Память, ответственность и будущее», задачей которого стала организация сбора средств для выплат иностранным гражданам, насильственно угнанным в Германию во время Второй мировой войны. Из 4, 54 млрд. евро, собранных фондом, 443, 7 млн. евро было выделено для российских граждан [22,с.7]. В сентябре 1994 г. Бундестаг принял §86а Уголовного кодекса, запрещающий использовать на-

цистскую символику, лозунги, гимны и атрибутику [2]. За клевету в отношении еврейского народа и других потерпевших народов предусматривается наказание от 3 до 6 лет лишения свободы. Немецкие книги по истории должны подробно излагать злодеяния нацистского периода.

Однако в последние годы, несмотря на законодательные установки и предписания, стремление «переписать» историю Второй мировой войны наблюдаются достаточно систематически. Например, по случаю 75-летия Курской битвы государственные средства массовой информации издали большой материал, в котором попытались показать, что поражение в данном не столь уж важном сражении было, но оно «не стоило немцам таких уж огромных потерь», а в одном из центральных событий 50-дневной битвы, танковом сражении под Прохоровкой, оказывается, «советские войска потерпели сокрушительное поражение» [14]. Т.е. существовавшая многие десятилетия социальная травма преодолевается, но при этом создаются условия для возникновения новой травмы.

Для Польши Вторая мировая война является травмирующим событием, которое до сих пор определяет внутреннюю и внешнюю политику страны. Так, 28 сентября 2015 г., выступая на юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Президент Польши А. Дуда фактически поставил знак равенства между нападением фашистской Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. и вводом советских войск на территорию Польши по линии Керзона 17 сентября 1939 г., назвав его «атакой СССР на Польшу» [21].

Ещё в 1998 г. в Польше был создан Институт национальной памяти, деятельность которого была направлена на архивную и научно-исследовательскую работу [29]. В основном, Институт стал заниматься расследованием преступлений по отношению к польским гражданам, а также осуществления люстрационных процедур с 1944 до 1990 гг. Однако 26 января 2018 г. Сейм Польши принял пакет поправок в закон об Институте национальной памяти, комментируя которые Председатель Совета министров страны М. Моравецкий заявил, что Польша была первой жертвой Третьего рейха, а смерть и страдания в нацистских концлагерях были общей судьбой евреев, поляков и членов многих других народов и этнических групп [19]. Поправки предусматривают за публичные обвинения Польши в преступлениях, совершенных во время Холокоста,

название концлагерей в Освенциме или Майданеке «польскими», пропаганду бандеровской идеологии штраф или лишение свободы сроком до трёх лет [8].

Таким образом, социальная травма, полученная населением Польши в годы Второй мировой войны, до сих пор не преодолена и является важнейшим аргументом в формировании позиции страны по важнейшим вопросам современности.

Для российского общества к социальным травмам можно отнести не сами события Второй мировой войны, а попытки пересмотра её результатов. Российские специалисты в области уголовного права квалифицируют данные действия вплоть до признания их экстремистскими [23, с.18-21].

В начале XXI века неоднократно проводились эксперименты по принятию закона, препятствующего возникшей тенденции. Так, в 2009 г. была инициатива принятия Федерального закона «О противодействии реабилитации в новых независимых государствах на территории бывшего Союза ССР нацизма, нацистских преступников и их пособников», однако само название показывает, что такая идея была не слишком удачной. В 2013г. предлагался проект Федерального закона «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников, отрицанию Холокоста», отличавшийся большей продуманностью [7, с.259]. Однако только в мае 2014 г. в Уголовный кодекс РФ была введена статья 354.1, запрещающая «реабилитацию нацизма» [1]. О том, что формулировки данной статьи являются выверенными и соответствуют мнению большинства, свидетельствует их поддержка на международном уровне. 16 ноября 2017 г. Третий комитет Генеральной Ассамблеи ООН большинством голосов представителей 125 государств принял российскую резолюцию о борьбе с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами дискриминационных практик [13].

Таким образом, на примере обращения к событиям Первой и Второй мировых войн мы наблюдаем актуализацию исторических событий XX века на современном этапе, многие из которых до сих пор воспринимаются как социальная травма. Разрабатываемая социологами теория социальных травм может быть полезна для юридической науки, т.к. позволяет праву выступать инструментом как предотвращения, так и преодоления травмирующего общества событий.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ (ред. от 02.10.2018 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru> 02.10.2018 (Дата обращения: 02.10.2018 г.).
2. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии (в ред. от 13 ноября 1998 г. // Юридическая Россия. Федеральный правовой портал // <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942,100102944,100103613,100103645,100103663#text> (Дата обращения: 28.07.2018 г.).
3. Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. Т.12. №1. С.121-138.

4. *Александр Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. №3. С. 6-40.
5. *Бочкарев С.В.* Политико-правовой опыт Франции по осмыслению социальных трансформаций второй половины XIX в. // Вестник Академии права и управления. 2018. №2(51). С. 67-72.
6. *Бочкарев С.В.* Социальная травма и революция в правовом дискурсе. Опыт Франции и России // Герценовские чтения-2018. Актуальные проблемы права и гражданско-правового образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: Издательство «Печатный цех», 2018. С. 49-51.
7. *Варченко И.А., Литвяк Л.Г.* Уголовное законодательство зарубежных стран об ответственности за преступления, аналогичные ст. 354.1 УК РФ «реабилитация нацизма» (часть 2) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №11-1. С. 257-260.
8. В Сенате Польши поддержали законопроект, криминализирующий упоминания об участии поляков в Холокосте // <https://www.currenttime.tv/a/29009848.html> (Дата обращения: 28.07.2018 г.).
9. День памяти – окончание Первой мировой войны // Calend.ru. Календарь событий // <http://www.calend.ru/holidays/0/0/1324/> (Дата обращения: 28.07.2018 г.).
10. *Ерёмин И.А.* Трудоустройство инвалидов Первой мировой войны в Западной Сибири // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. №1(6). С. 40-43.
11. *Игнатьева М.В.* Нарушение социально-экономических прав человека как социальная травма // Герценовские чтения-2018. Актуальные проблемы права и гражданско-правового образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: Издательство «Печатный цех», 2018. С. 138-140.
12. *Лёффельбайн Н.* О героизме и страданиях инвалидов. Инвалиды Первой мировой войны в Веймарской республике при национал-социализме // Идеи и идеалы. 2015. Т. 1. №1(23). С. 7-19.
13. *Лихоманов П.* ООН приняла российскую резолюцию по борьбе с нацизмом // Российская газета. 2017. 16 ноября // <https://rg.ru/2017/11/16/oon-priniala-rossijskiuu-rezoliuciiu-po-borbe-s-nacizmom.html> (Дата обращения: 27.08.2018 г.).
14. *Мараховский В.* «В России себя переоценивают»: Германия начала выигрывать мировую войну // Информационное агентство «РИА Новости» // https://ria.ru/analytics/20180825/1527211670.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (Дата обращения: 25.08.2018 г.).
15. *Матчанова З.Ш.* Значение справедливого международно-правового регулирования труда для преодоления социальных травм // Герценовские чтения-2018. Актуальные проблемы права и гражданско-правового образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: Издательство «Печатный цех», 2018. С. 209-211.
16. *Матчанова З.Ш.* Террористический акт как социальная травма: криминологический анализ // Вестник Академии права и управления. 2018. №2(51). С. 107-112.
17. *Нань Х.* Разница в подходах к истории Второй мировой войны в Германии и Японии // Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне. Тезисы докладов российско-китайской научной конференции. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт Дальнего Востока» Российской академии наук, 2015. С. 171-177.
18. *Олешкова А.М.* Травма социальных изменений как неосознанное удовольствие // Система ценностей современного общества. 2014. №35. С.32-36.
19. Польский премьер комментирует закон о преступлениях Второй мировой войны // <https://news-front.info/2018/02/05/polskij-premer-kommentiruet-zakon-o-prestupleniyah-vtoroj-mirovoj-vojne/> (Дата обращения: 27.08.2018 г.).
20. *Потапов Ю.А.* Реабилитация как государственно-правовой фактор преодоления социальной травмы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. №2(78). С. 27-30.
21. *Президент Польши* на Генасамблее ООН вспомнил об «атаке СССР» в 1939 году // Информационное агентство REGNUM // <https://regnum.ru/news/1980289.html> (Дата обращения: 27.08.2018 г.).
22. *Филитов А.М.* Русские и немцы — трудный путь к примирению // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. №11(44). С. 7.
23. *Шляхова В.В.* Искажение юридических итогов второй мировой войны как форма проявления экстремистской деятельности // Право и государство: теория и практика. 2017. №1(145). С. 18-21.
24. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. №1. С.6-17.
25. *Шульга Р.Ю.* Забыть историю: официальная политика памяти в современной России // Гуманитарные науки и модернизация правовой системы государства: российский и зарубежный опыт. Труды IV Международной научно-практической конференции / Под ред. Г.Б. Гридневой, А.Б. Дидикина. Новосибирск: «Омега Принт», 2015. С. 94-100.
26. *Caruth C.* Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. 125 p.
27. *Cerdán J., Labayen M.F.* Memory and mass graves: Political strategies of independent documentaries // Atalante, 2017. Issue 23. P.187-198.
28. *Çiftçi E.* Migration, memory and mystification: Relocation of Suleymani tribes on the northern Ottoman-Iranian frontier // Middle Eastern Studies 54. 2018. Issue 2. P.270-288.

29. Instytutpamięcinarodowej // <http://ipn.gov.pl/> (Дата обращения: 27.08.2018 г.).
30. *León Galarza N.C.* Solo la sangresalva: Bloody repression and political memory in Guayaquil during the administration of Camilo Ponce (1959) [Solo la sangresalva: represión cruenta y memoria política en Guayaquil bajo el mandato de Camilo Ponce (1959)] // *Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura* 45. 2018. Issue 1. P.339-366.
31. *Neal A.* National Trauma and Collective Memory. Armonk, NY: Sharpe, 1998. 224 p.

Reference list

1. Criminal Code of the Russian Federation from 13.06.1996 №63-FL (as amended on 02.10.2018) // The Official Internet portal of legal information. // <http://www.pravo.gov.ru> 02.10.2018 (date of access: 02.10.2018).
2. Criminal Code of the Federal Republic of Germany (harm. from 13 November 1998 // Legal Russia. Federal legal portal // <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942,100102944,100103613,100103645,100103663#text> (date of access: 28.07.2018).
3. *Eyerman R.* Social theory and trauma // *Sociological review*. 2013. Vol. 12. №1. P. 121-138.
4. *Alexander J.* Cultural trauma and collective identity // *Sociological journal*. 2012. №3. P. 6-40.
5. *Bochkarev S.* Political and legal experience of France in understanding the social transformations of the second half of the XIX century. // *Bulletin of the Academy of Law and Management*. 2018. №2 (51). P. 67-72.
6. *Bochkarev S.* Social trauma and revolution in legal discourse. Experience of France and Russia // *Herzen readings-2018. Actual issues of law and civil law education. Proceedings of the all-Russian scientific-practical conference*. SBR.: Publishing house "Printing shop", 2018. P. 49-51.
7. *Varchenko I., litvyak L.* Criminal legislation of foreign countries on responsibility for crimes similar to Article 354.1 of the Criminal Code "Rehabilitation of Nazism" (Part 2) // *Humanities, socio-economic and social Sciences*. 2015. №11-1. P. 257-260.
8. The Senate of Poland supported the bill criminalizing the mention of the participation of poles in the Holocaust // <https://www.currenttime.tv/a/29009848.html> (date of access: 28.07.2018).
9. Memorial Day-the end of the First World War // *Calend.ru* Calendar of events // <http://www.calend.ru/holidays/0/0/1324/> (date of access: 28.07.2018).
10. *Eremin I.* Employment of disabled people of the First World War in Western Siberia // *Humanitarian issues of military affairs*. 2016. №1 (6). P. 40-43.
11. *Ignat'eva M.* Violation of socio-economic human rights as a social trauma // *Herzen readings-2018. Actual issues of law and civil law education. Proceedings of the all-Russian scientific-practical conference*. SBR.: Publishing house "Printing shop", 2018. P. 138-140.
12. *Loffelbein N.* About the heroism and suffering of the disabled. Invalids of the First World War in the Weimar Republic under national socialism // *Ideas and ideals*. 2015. Vol.1. №1 (23). P. 7-19.
13. *Likhomanov P.* The UN adopted a Russian resolution on combating Nazism // *Rossiyskaya Gazeta*. 2017. November 16 // <https://rg.ru/2017/11/16/oon-priniala-rossijskuiu-rezoliuciu-po-borbe-s-nacizmom.html> (date of access: 27.08.2018).
14. *Marakhovskiy V.* "In Russia itself overestimate": Germany began to win the world war // *News Agency "RIA Novosti"* // https://ria.ru/analytics/20180825/1527211670.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (date of access: 25.08.2018).
15. *Matchanova Z.* The importance of fair international legal regulation of labor to overcome social traumas // *Herzen readings-2018. Actual issues of law and civil law education. Proceedings of the all-Russian scientific-practical conference*. SBR.: Publishing house "Printing shop", 2018. P. 209-211.
16. *Matchanova Z.* Terrorist act as a social trauma: Criminological analysis // *Bulletin of the Academy of Law and Management*. 2018. №2 (51). P. 107-112.
17. *Nan H.* The difference in approaches to the history of World War II in Germany and Japan // *The role of the USSR and China in achieving victory over fascism and Japanese militarism in World War II. Abstracts of the Russian-Chinese scientific conference*. M.: Federal State Budgetary Institution of Science "Institute of the Far East" of the Russian Academy of Sciences, 2015. P. 171-177.
18. *Oleshkova A.* Trauma of social changes as unconscious pleasure // *System of values of modern society*. 2014. №35. P. 32-36.
19. Polish Prime Minister says the law about the crimes of the Second World War // <https://news-front.info/2018/02/05/polskij-premer-komentiruet-zakon-o-prestupleniyah-vtoroj-mirovoj-vojne/> (date of access: 27.08.2018).
20. *Potapov Yu.* Rehabilitation as a state-legal factor of overcoming social trauma // *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. №2 (78). P. 27-30.
21. The President of Poland at the UN General Assembly recalled the "Attack of the USSR" in 1939 // *News Agency REGNUM* // <https://regnum.ru/news/1980289.html> (date of access: 27.08.2018).
22. *Filatov A.* Russians and Germans — a difficult path to reconciliation // *Electronic scientific and educational journal "History"*. 2015. №11 (44). P.7.
23. *Shlyakhova V.* Distortions of the legal results of the Second World War as a form of extremist activity // *Law and the state: Theory and practice*. 2017. №1 (145). P. 18-21.

24. *Sztompka P.* Social change as an trauma // Sociological research. 2001. №1. P. 6-17.
25. *Shul'ga R.* Forget history: The official policy of memory in modern Russia // Humanities and modernization of the legal system of the state: Russian and international experience. Proceedings of the IV International scientific-practical conference / Under the editorship of G. Gridneva, A. Didikin. Novosibirsk: Omega Print, 2015. P. 94-100.
26. *Caruth C.* Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. 125 p.
27. *Cerdán J., Labayen M.F.* Memory and mass graves: Political strategies of independent documentaries // Atalante, 2017. Issue 23. P.187-198.
28. *Çiftçi E.* Migration, memory and mystification: Relocation of Suleymani tribes on the northern Ottoman-Iranian frontier // Middle Eastern Studies 54. 2018. Issue 2. P.270-288.
29. Instytutpamięcinarodowej // <http://ipn.gov.pl/> (Дата обращения: 27.08.2018 г.).
30. *León Galarza N.C.* Solo la sangresalva: Bloody repression and political memory in Guayaquil during the administration of Camilo Ponce (1959) [Solo la sangresalva: represi3ncruenta y memoriapolíticacn Guayaquil bajo el mandato de Camilo Ponce (1959)] // Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura 45. 2018. Issue 1. P.339-366.
31. *Neal A.* National Trauma and Collective Memory. Armonk, NY: Sharpe, 1998. 224 p.

УДК 342.7

Чернявский А.Г.,доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Московского института государственного управления и права**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ
В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

В данной статье обосновывается, что особенность права в гражданском обществе состоит в его функциональной целесообразности. С одной стороны, право способствует поддержанию уже сложившихся отношений, т.е. обеспечивает всеобщий устойчивый характер. С другой – право предвидит будущее развитие правового государства и гражданского общества. Право есть констатация настоящего, уже существующего (возможности и реальности поведения индивида), но и предполагает, по какому пути направит личность свою активность в будущем. В нем заложены и будущие возможные, еще только складывающиеся общественные отношения, своего рода «предвидение».

Ключевые слова: целостность общества, компонент, социальное управление, универсальный регулятор, формальная определенность, правовые предписания, общечеловеческая ценность, приоритеты правовой политики

Chernyavskiy A.,

Doctor of Law, Professor of Chair of State-Legal Disciplines of the Moscow Institute of Public Administration and Law

LEGAL MAINTENANCE OF PERSONAL FULFILLMENT IN THE CIVIL SOCIETY

The present article proves that the feature of law in a civil society lies in its functional expedience. On one hand, the law contributes to the maintenance of already established relations, i.e. it provides universal sustainability. On the other hand, the law foresees the further development of the legal state and civil society. The law is a statement of the present already existing (the possibilities and reality of the individual's behavior), but also it assumes on what path the individual will direct its activity in the future. It also includes possible future, still evolving social relations and a kind of "foresight".

Keywords: integrity of society, element, social management, universal regulator, formal definition, legal requirements, common human value, legal policy priorities

Современное общество и государство (как гражданское общество и правовое государство) являются воплощением идеи модернизации, иными словами, своего рода «модной» формой социального (равно и правового) общения. Взятый курс на модернизацию¹ страны настоятельно требует активизации граждан и их общественных объединений, иных структур гражданского общества. До сих пор все попытки модернизировать и демократизировать общество и государство проводились сверху в виде

тех или иных административных реформ. Следует подчеркнуть, что гражданское общество в России формируется с помощью государства, и ему предстоит долгий и противоречивый процесс становления.

Право – важнейший инструмент преобразования человеческого общества, так как оно обеспечивает целостность общества. Право представляет собой общечеловеческую ценность и, как следствие, является элементом культуры вообще и правовой культуры, в частности.

В чем же состоит многогранность права в гражданском обществе? Начнем с того, что право придает стройность и упорядоченность всем структурным компонентам гражданского общества и обеспечивает во многом реализацию разнообразных интересов субъектов гражданского общества. Кроме того, право выступает в качестве неперемennого компонента со-

¹ Применительно к гражданскому обществу возможно применение термина «инновация». В данном случае инновация предполагает переход от общества, ориентированного на стабильное существование, к появлению новых форм социальной (в том числе политической и правовой) активности личностей и их институтов, к постоянному стремлению не останавливаться на достигнутом.

циального управления (нормативно-интегрирующего элемента), одним из гарантов политической самореализации личности, не говоря уже о том, что оно выполняет роль важнейшего универсального регулятора общественной жизни.

Право есть порождение самого общества. Право в определенной мере является тем фактором, который ограничивает власть государства, так как компетенция государственных органов четко прописана в действующем законодательстве.

Социальное действие права проявляется в том, что оно, во-первых, определяет правовое положение всех его субъектов, во-вторых, очерчивает границы правового регулирования (в том числе указывает, с помощью каких средств и методов достигается удовлетворение личностью ее прав и свобод), в-третьих, направлено на поддержание постоянного воспроизводства целостной сферы общественной жизни, в-четвертых, способствует созданию новых институтов и одновременно предполагает стабилизацию динамики в этой сфере путем разрешения различных ситуаций, в том числе конфликтов интересов, в-пятых, направлено на интеграцию общества, обеспечение его единства и социального согласия в нем. И наконец, определяя правовые рамки и формальную определенность правовых предписаний, право обеспечивает единство всей системы социальной регуляции, ибо основано на общем интересе и общей воле [1]. Не случайно, по мнению Р. Иеринга, цель права – «уравновешивание интересов в обществе и нахождение баланса между ними» [2]. Право «ориентировано как на цивилизованный правопорядок, так и на экономическое процветание, на развитие гражданского общества, на идеалы справедливости, социальной гармонии и всеобщего блага» [3].

Право способствует обновлению гражданского общества, его поступательному развитию, является средством (инструментом) реформирования социально-экономических и политических отношений. Это связано с тем, что право находится в режиме постоянного динамического развития [4].

Право в гражданском обществе одновременно служит «общим благом» для всех и «благом» для каждой личности, т.е. «по своей естественно-правовой сути, общее благо всех и благо каждого – это одно и то же» [5].

Особенность права в гражданском обществе состоит в его функциональной целесообразности. С одной стороны, право способствует поддержанию уже сложившихся отношений, т.е. обеспечивает всеобщий устойчивый характер. С другой – право предвидит будущее развитие правового государства и гражданского общества. Право есть констатация настоящего, уже существующего (возможности и реальности поведения индивида), но и предполагает, по

какому пути направит личность свою активность в будущем. В нем заложены и будущие возможные, еще только складывающиеся общественные отношения, своего рода «предвидение». В правовой системе современной России прослеживается осязаемая связь между прошлым, настоящим и будущим.

Право имеет конкретную моральную ценность. В гражданском обществе цель права – законодательное признание экономической, политико-правовой и духовной автономии личности как источника нравственной и политико-правовой стабильности общества [6]. Право закрепляет возможность государственной защиты многим нравственным поступкам, ибо право и мораль реализуются в правах и принципах. Более того, мораль выступает источником обновления содержания правовых предписаний, а также идеологическим обоснованием необходимости права, способствует его упорядочиванию и легитимации в обществе.

Одной из задач права в гражданском обществе как меры человеческой свободы служит поддержание динамического равновесия между интересами личности и интересами общества путем выработки достаточно четкой системы правил «необходимого, возможного и желаемого поведения» [7].

Обеспечивая активные формы поведения личности, право очерчивает границы государственного вмешательства в личную жизнь и внутреннюю деятельность институтов гражданского общества, предусматривает четкие основания («законные основания») для ограничения экономической, политической, нравственной, юридической и т.д. свободы человека) и однозначный порядок негативного государственного вмешательства в случае применения юридической ответственности, обеспечивая сочетание свободы и справедливости [8].

В настоящее время Россия переживает как раз тот период, когда налицо переход от «общественного» к «индивидуальному» праву, когда интересы личности удовлетворяются через реализацию субъективного права на основе формального равенства и отсутствия (по крайней мере стремления к этому) государственного вмешательства в личную жизнь.

Право в гражданском обществе, являясь мерой свободы, очерчивает границы, которые, по словам известного русского юриста Б.Н. Чичерина, и есть основное начало права как нормы свободы [9]. Соглашение свободы одной личности с такой же свободой другой означает, что право всегда предполагает наличие субъективных прав и юридических обязанностей, взаимное уважение и умение учитывать интересы окружающих. Определяя меру свободы, право не только очерчивает границы свободы самореализации личности в гражданском обществе, но и способствует их осознанию.

Целесообразно проанализировать роль права в повышении социально-правовой активности и самореализации личности с позиций различных типов правопонимания [10]. С точки зрения позитивистского подхода право – это система общеобязательных норм, которые предусматривают конкретные юридические возможности, гарантированные государством, например осуществление избирательных прав, в случае нарушения защищаемого административным и уголовным законом.

В настоящее время, как на федеральном, так и региональном уровнях принято достаточно много нормативных правовых актов различной юридической силы. Много это или мало? Прежде чем ответить на этот вопрос, попытаемся проанализировать их содержание и действенность.

1. Эти акты регламентируют широкий спектр деятельности демократических институтов (общественная палата, социальный заказ и т.п.) и затрагивают разные интересы населения (экономические, духовные, политические, например социальные выплаты, благотворительность, обращения граждан).

2. Система нормативных правовых актов в сфере гражданского общества достаточно асистемна, имеет много пробелов, не унифицирована, в процессе принятия этих актов не учитывалось и не учитывается общественное мнение. Анализ ежегодных докладов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации о состоянии российского законодательства свидетельствует, что в действующем законодательстве фактически отсутствуют приоритеты правовой политики в отношении формирования и развития гражданского общества и его институтов.

3. Несмотря на развитие информационных технологий, российское общество слабо информировано об основных положениях этих нормативных правовых актов, особенно на местах. При этом речь идет и о федеральном, и о региональном законодательстве, а подчас и об их существовании вообще. Это, безусловно, один из факторов, не способствующих активности и самореализации личности. Кроме того, многие акты не получили должной легитимации в общественном сознании.

4. Большинство данных актов направлено на регулирование создания общественных или экспертных советов при соответствующих органах государства или должностных лицах, проведения общественных экспертиз, публичных мероприятий, нередко весьма далеких от интересов населения и поэтому носящих весьма формальный характер.

5. Действующая Конституция (идеальная модель), как известно, содержит общие положения, которые должны получить детальное регулирование (актуализацию) в текущем отраслевом законодательстве. Последнее придает этим положениям норма-

тивно-формальный характер. Однако значительная часть нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере гражданского общества, не обладает необходимой нормативностью в соответствии с формулой «если-то-иначе».

6. Определенная часть нормативных правовых актов содержит лишь положения, предусматривающие субъективные права личности и правовые возможности гражданских институтов. Что же касается юридических обязанностей, то они не прописаны в этих актах. Согласно ч. 2 ст. 5 Конституции РФ основная обязанность всех и каждого носит общий характер – соблюдать Конституцию РФ и законы. Было бы желательно предусмотреть более конкретные обязанности институтов гражданского общества, особенно по предотвращению негативных последствий от их «слишком активной» деятельности.

7. Определенную роль в регулировании отношений в обществе играют не только национальные правовые регуляторы, но и международные правовые акты и акты саморегуляции (например, уставы некоммерческих организаций и т.д.).

8. Все большее значение в механизме политико-правовой самореализации личности приобретают индивидуальные акты, которые охватывают *«не только... сферу частного, но и публичного права»* [11].

Безусловно, правовое регулирование отношений в гражданском обществе постоянно расширяется и усложняется. Вместе с тем оно, обладая нормативностью, не зависит от постоянно меняющейся общественной жизни, его действенность далеко не всегда прослеживается, и, как следствие, личность не удовлетворяется, как регулируются те или иные ее связи с обществом и государством.

Социологический тип правопонимания исходит из того, что право понимается как социальный институт. С этой точки зрения самореализация личности есть не что иное, как определенные юридические действия по разрешению конкретной проблемы, в том числе с использованием того или иного института гражданского общества.

Ценность социологического подхода к праву заключается в том, что, во-первых, гражданское общество – это сфера самореализации, т.е. практической деятельности личностей по воплощению в жизнь их прав и свобод, во-вторых, – сфера функционирования на правовой основе общественных и иных институтов, объединяющая людей и коллективные субъекты для обеспечения стабильности и одновременно развития общества, в-третьих, право обеспечивает условия и порядок разрешения споров между субъектами гражданского общества посредством исполнения юридических обязанностей или использования властных полномочий со стороны как демократических институтов (например, исключение из рядов

общественного объединения), так и государственных структур (привлечение к юридической ответственности через суд или иные правоохранительные органы). В современных условиях наблюдается практика разрешения тех или иных коллизий и споров путем саморегулирования в форме договоров, мировых соглашений. Это происходит с участием, например, адвокатуры как одной из институциональных форм гражданского общества [12].

В аспекте философского видения право есть проявляемая в действиях личности мера равенства, свободы и справедливости. Различают две разновидности справедливости: реальная, когда все социальные ценности должны быть равно распределены, и формальная – правление закона и выполнение допустимых ожиданий, что ведет к их совпадению [13].

В гражданском обществе справедливость понимается как рациональность и обоснованность действующего законодательства и одновременно точное следование закону всеми субъектами общества [14]. Справедливость, как известно, – один из основополагающих правовых принципов, можно сказать, аксиом права. В этой связи хотелось бы привести слова А.Ф. Кони: «Справедливость должна находить свое выражение в законодательстве, которое тем выше, чем глубже оно всматривается в жизненную правду людских потребностей и возможностей...» [15]. Право это есть не что иное, как представление о справедливости, правах человека и иных ценностях (экономических, социальных, политических, духовных). Безусловно, справедливость и другие общечеловеческие ценности лежат в основании любого человеческого (а гражданского особенно) общества. Тем не менее, юридическое признание человека высшей ценностью отнюдь не умаляет значение (ценность) таких понятий, как «порядок», «законность», «дисциплина», «ответственность» и т.п. Безусловно, все это составляет фундамент формирования гражданского общества и всестороннего развития личности.

Какой же из вышеназванных подходов приемлем к определению роли права в гражданском обществе? Вопрос сложный как с научной, так и практической точек зрения. Наверное, самое правильное было бы утверждать, что принципиальных отличий между ними нет, ибо они означают, что гражданское общество предполагает равные правовые возможности пользоваться тем или иным благом. Индивидуальные и коллективные субъекты гражданского общества постоянно взаимодействуют и сотрудничают в частной и публичной сферах – социологический подход. Позитивистский подход означает, что это взаимодействие происходит на основе законодательства, закрепляющего формальное равенство, свободу выбора, осуществление неотъемлемых и неотчуждае-

мых прав и свобод человека, правовых предписаний всеми (философский, либертарно-юридический подходы). Следовательно, все эти подходы имеют право быть, т.е. целесообразен смешанный вариант.

Имеется точка зрения, что право, принуждая человека к законопослушанию, тем самым выполняет двойные функции – принуждения и освобождения, т.е. «принуждая к законопослушанию, оно освобождает человека от диктата многих грозящих ему опасностей...». Поэтому «освобожденность оказывает тождественной социальной защищенности» [3]. С этим следует согласиться: свобода, справедливость материализуются в нормах и принципах права, выступающих как «равное мерило» поведения личности. В силу этого право носит общеобязательный (всеобщий) характер. Даже в тех случаях, когда человек подвергается юридической ответственности в виде лишения свободы, то в качестве как бы «дополнительного» ограничения его свободы выступает необходимость соблюдения правил, действующих в местах лишения свободы, с целью обеспечить интересы каждого заключенного.

При формировании гражданского общества в России нужно учитывать, что в условиях глобализации (хотим мы этого или нет) нарастает универсализация права [16], объективно обусловленная интеграцией экономики и т.д., тем более что основу гражданского общества составляют естественные права человека, закрепленные в соответствующих международно-правовых актах. При этом, безусловно, необходимо учитывать особенности как российской правовой системы в целом, так и региональную специфику. При регулировании отношений между субъектами гражданского общества сегодня на авансцену все в большей степени выступают правовые принципы, например равенство, справедливость, единство прав и обязанностей, законность и др., большинство которых прямо закреплено в действующем законодательстве. Можно утверждать, что, определяя нормативные основы гражданского общества, право выступает как система правовых принципов, предпосылок для самореализации личности.

Следует согласиться с мнением, что в этих условиях происходит стирание граней между частным и публичным правом, их взаимопроникновение друг в друга [17]. Безусловно, такую тенденцию можно проследить в правовых возможностях самореализации личности в институтах гражданского общества.

Право в гражданском обществе подчеркивает единство частных и публичных отношений, регулируя их в основном на началах диспозитивности. Правовые принципы (аксиомы), берущие старт в римском праве, в частности принцип единства прав

и обязанностей свидетельствует, что сущность права в гражданском обществе есть не что иное, как мера равенства, справедливости и свободы, что позволяет вычленил и одновременно обосновать единство частной и публичной сфер функционирования гражданского общества [18].

В Конституции РФ не употребляется термин «гражданское общество»². Интересен факт, что в одном из проектов Конституции содержался специальный раздел «Гражданское общество», в котором было несколько глав (например, «Общественные объединения», «Религиозные объединения» и т.д.). В конечном варианте посчитали, что такой раздел излишне усложняет основные положения Конституции. В юридической литературе имеет место весьма критическая характеристика Конституции РФ с точки зрения закрепления в ней правовых основ гражданского общества по вопросу общественного контроля за деятельностью публичной власти. Предлагается ввести в проект новой Конституции специальный раздел «Гражданское общество», в котором дать понятие гражданского общества, определить правовые основы и гарантии его функционирования [19].

Безусловно, такое предложение заслуживает внимания. Вместе с тем уже в действующей Конституции гл. 1 и 2 закрепляют основные положения, отражают сущность гражданского общества и одновременно позволяют разделить сферу действия гражданского общества и государства: права и свободы личности, признание естественных, неотъемлемых, неотчуждаемых прав, признание человека, его прав и свобод высшей ценностью, государственная защита прав и свобод, в том числе политических, проведение четкого различия между правами человека и правами гражданина. Нельзя не согласиться с утверждением, что «конституция должна выражать в первую очередь интересы гражданского общества и только потом – государства» [20].

Конституция РФ, принятая всеобщим голосованием, свидетельствует о взаимном соглашении по вопросу о разграничении сферы деятельности между государством и обществом, об их взаимных обязательствах, что ни в коей мере, на

наш взгляд, не опровергает положение о том, что государство – часть гражданского общества. Включение в Конституцию РФ основных положений Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г. и закрепление организационно-правовых средств воздействия личности на государственный аппарат подтверждает эту мысль. Наличие гарантий, обеспечивающих возможности влияния общества на государство, с точки зрения известного дореволюционного ученого Ф.Ф. Кошкина, называется конституцией, и государство, «подчинение которому праву гарантировано, есть конституционное государство» [21]. Эту мысль конкретизирует А.А. Жилин, называвший конституцией «только такие основные законы, в которых устанавливаются... начала участия граждан в управлении государством» [22].

Конституционное законодательство субъектов Российской Федерации часто содержит более широкий перечень прав и свобод, чем это предусмотрено Конституцией РФ. Так, например, в Конституции (Основном законе) Республики Саха (Якутия) записано, что по признаку неисчерпаемости прав общепризнанные права и свободы могут быть расширены» (ст. 35). Статья 20 Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкии подчеркивает, что перечень прав и свобод не является исчерпывающим. В ст. 58 Конституции Чувашской Республики предусмотрены дополнительные гарантии реализации прав и свобод граждан за счет финансовых, материальных и иных средств.

Необходимо также заметить, что в субъектах Федерации название и содержание глав и разделов конституций (уставов) отражают стремление законодателя подчеркнуть связь между личностью, обществом и государством. Это можно проследить на примере уставов Тамбовской, Оренбургской, Свердловской, Орловской, Курганской, Вологодской областей, в которых имеются специальные главы, носящие название типа «человек и государственная власть» (в разных вариациях). Особо хочется в этой связи назвать главу Устава Калужской области «Человек, гражданин, общество и система органов государственной власти».

Анализ конституционных актов позволяет утверждать, что и в действующей российской Конституции, и в конституционном законодательстве субъектов Федерации заложена естественно-правовая концепция права. Так, в ст. 2, 17, 18 Конституции РФ провозглашаются следующие устои гражданского общества: 1) человек, его права и свободы – высшая ценность, неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения и непосредственно действующие; 2) осуществление этих прав не должно нарушать права и свободы других лиц.

² В большинстве конституций зарубежных стран также отсутствуют специальные разделы, посвященные гражданскому обществу, хотя и закрепляются важнейшие его институты. В то же время в ст. 4 Конституции Болгарии говорится, что Болгария «создает условия для свободного развития человека и гражданского общества» (см. также ст. 9 Конституции Бутана). Предпологалось, что и в Европейской Конституции будет закреплено положение об институтах Европейского Союза, призванных поддерживать открытый и «регулярный диалог с представительными ассоциациями и гражданским обществом» (ст.1-47) (см.: Treaty Establishing Constitution for Europe. - Brussels, 2004).

Список литературы

1. *Чернявский А.Г.* Методологические аспекты соотношения природы права и человеческих интересов. Государство и право. 2017. №4. С. 94-97.
2. *Иеринг Р.* Борьба за право. М., 1991. С. 8.
3. *Бачинин В.А.* Телеологическая детерминация в сфере права // Право и политика. 2002. №3. С. 4.
4. *Малахов В.П.* Право в контексте общественного сознания. Принцип правопонимания. М., 2015. С. 6.
5. *Нерсесянц В.С.* Проблема общего блага в постсоциалистической России // Росс. правосудие. 2006. №4. С. 5.
6. *Чернявский А.Г., Погребная Ю.К.,* Идеологическая функция права. Москва. 2015. С. 149-159.
7. *Смоленский М.Б.* Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества // Журнал рос. права. 2004. №11. С. 75.
8. *Чернявский А.Г.* Юридическая ответственность. Москва. 2015. Сер. Высшая школа. Магистратура. С. 48-54.
9. *Чичерин Б.Н.* Наука и религия. М., 1879. С. 143.
10. *Чернявский А.Г.* Очерки о сущности права и правоведения, Вестник Академии права и управления. 2016. №43. С. 22-26.
11. *Марченко М.Н.* Тенденции развития права в современном мире. М., 2015. С. 338.
12. *Чернявский А.Г.* Социальные основания изменения пределов юридической ответственности. Москва. 2016.
13. *Роуз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск. 1995. С. 65-67.
14. *Чернявский А.Г., Червяков Н.Н.* Первоосновы права и поиск новых познавательных парадигм. Вестник Академии права и управления. 2018. №1(50). С. 47-53.
15. *Кони А.Ф.* Нравственный облик Пушкина // Кони А.Ф. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. Статьи и воспоминания о русских литераторах. Т.6. М., 1968. С. 25.
16. *Нерсесянц В.С.* Процессы универсализации права и государства в глобализующемся мире // Государство и право. 2005. №8.
17. *Гафуров З.Ш.* Социально-правовое государство и право человека на достойное существование // Государство и право. 2008. №8. С. 20.
18. *Чернявский А.Г.* Очерки о главнейших учениях прав. Юридическая наука. 2017. №4. С. 54-61.
19. Взаимодействие гражданского общества и государства в России: правовое измерение / под ред. О.И. Цыбулевской. Саратов. 2013. С. 54-57.
20. *Лагуткин А.В., Грудцына Л.Ю.* Конституция как архаичный правовой инструмент: постановка проблемы // Государство и право. 2016. №7. С.102.
21. *Кокоткин Ф.Ф.* Русское государственное право. В связи с основными началами общего государственного права. Симферополь. 1918. С. 201.
22. *Жилин А.А.* Учебник государственного права (пособие по лекциям). Часть 1. Общее учение о государстве в связи с основными началами иностранного государственного права. Пг., 1916. С. 201.

Reference list

1. *Chernyavskiy A.* Methodological aspects of correlation between the nature of law and human interests. State and law. 2017. №4. P. 94-97.
2. *Rudolf von Jhering.* The Struggle for Law. M., 1991. P.8.
3. *Bachinin V.* Teleological determination in the field of law // Law and policy. 2002. №3. P.4.
4. *Malakhov V.* Law in the context of public consciousness. The principle of law. M., 2015. P.6.
5. *Nersesyants V.* The issue of the common good in post-socialist Russia // Russian justice. 2006. №4. P.5.
6. *Chernyavskiy A., Pogrebная Yu.* The Ideological function of law. Moscow. 2015. P. 149-159.
7. *Smolenskiy M.* Law and legal culture as a basic value of civil society // Russian Magazine of Law. 2004. №11. P. 75.
8. *Chernyavskiy A.* Legal responsibility. Moscow. 2015. Series Higher school. Magistracy. P. 48-54.
9. *Chicherin B.* Science and religion. M., 1879. P. 143.
10. *Chernyavskiy A.* Essays on the essence of law and jurisprudence. Bulletin of Academy of law and management. 2016. №43. P. 22-26.
11. *Marchenko M.* Trends in the development of law in the contemporary world. M., 2015. P. 338.
12. *Chernyavskiy A.* Social grounds for changing the limits of legal responsibility. Moscow. 2016.
13. *Rose J.* Theory of justice. Novosibirsk. 1995. P. 65-67.
14. *Chernyavskiy A., Chervyakov N.* Fundamental principles of law and the search for new cognitive paradigms. Bulletin of Academy of law and management. 2018. №1 (50). P. 47-53.
15. *Koni A.* Moral appearance of Pushkin // Koni A. Collection: in 8 vol. Vol. 6. Articles and memories of Russian writers. Vol. 6. M., 1968. P.25.
16. *Nersesyants V.* Processes of universalization of law and state in a globalizing world // State and law. 2005. №8.
17. *Gafurov Z.* Social and legal state and the human right to a decent existence // State and law. 2008. №8. P.20.
18. *Chernyavskiy A.* Essays on the main doctrines of laws. Legal science. 2017. №4. P. 54-61.

19. Interaction of civil society and the state in Russia: Legal dimension / Under the editorship of O. Tsybulevskaya. Saratov. 2013. P. 54-57.
20. *Lagutkin A., Grudtsyna L.* The Constitution as an archaic legal instrument: Issue statement // State and law. 2016. №7. P. 102.
21. *Kokoshkin F.* Russian state law. In connection with the basic principles of general state law. Simferopol. 1918. P. 201.
22. *Zhilin A.* Textbook of public law (tutorial lectures). Part 1. General doctrine of the state in connection with the basic principles of foreign state law. Pg., 1916. P. 201.

УДК 349:681

Полякова Т.А.,

доктор юридических наук, профессор кафедры информационного права, правовой информатики и математики
Всероссийского государственного университета юстиции, главный научный сотрудник,
и.о. заведующего сектором информационного права и международной информационной безопасности
Института государства и права Российской академии наук

Минбалеев А.В.,

доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права, конституционного и
административного права Южно-Уральского государственного университета,
ведущий сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности
Института государства и права Российской академии наук

Бойченко И.С.,

кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора информационного права и международной
информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ¹

В статье авторы поднимают проблемы правового обеспечения информационной безопасности в процессе использования цифровых технологий в глобальной цифровой среде. Обращается внимание на проблемы правовой оценки, что представляет собой цифровизация и цифровые процессы, какие проблемы возникают при формировании государственной политики в этой сфере, в связи с необходимостью законодательно обеспечить правовое регулирование цифровой среды и происходящих в ней процессов. Особый акцент сделан на проблеме новых вызовов и угроз информационной безопасности, правовых рисков в вопросах глобальных вызовов на международном уровне и российском. Авторы также затрагивают проблемы защиты персональных данных при их трансграничной передаче в условиях действия вступившего в силу в США Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act (CLOUD Act). На примере Евразийского экономического союза рассматриваются вопросы обеспечения международной интеграции и сотрудничества в сфере обеспечения информационной безопасности в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровая трансформация, риски и угрозы, информационная безопасность, цифровые технологии, глобальная цифровая экономика, информационное общество, правовое обеспечение

Polyakova T.,

Doctor of Law, Professor of Chair of Information Law, Legal Informatics and Mathematics
of All-Russian State University of Justice, Chief Research Fellow,
Acting Head of the Sector of Information Law and International Information Safety
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Minbaleev A.,

Doctor of Law, Professor of Chair of Theory of State and Law, Constitutional and Administrative Law
of South Ural State University, Leading Research Fellow of the Sector of Information Law and International
Information Safety of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Boychenko I.,

PhD in Law, Research Fellow of the Sector of Information Law and International Information Safety
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

ISSUES OF LEGAL SUPPORT OF INFORMATION SAFETY DURING USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN A GLOBAL DIGITAL ENVIRONMENT

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания сектора информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН «Новые вызовы и угрозы в информационном пространстве: правовые проблемы обеспечения информационной безопасности».

In the article the authors raise the issues of legal support of information safety during use of digital technologies in a global digital environment. Attention is drawn to the issues of legal assessment, which is digitized and digitally processed, what problems arise in the formation of public policy in this area in connection with the need to legally ensure the legal regulation of the digital environment and the processes taking place in it. Special emphasis is placed on the issue of new challenges and threats to information safety, legal risks and global challenges of the international and Russian levels. The article authors touch upon the issues of personal data protection during their cross-border transfer under the terms of the Lawful Overseas Use of Data Act (CLOUD Act), which entered into force in the United States. The issues of international integration and cooperation in the field of ensuring information safety in the context of digital transformation are considered in the example of the Eurasian Economic Union.

Keywords: digital transformation, risks and threats, information safety, digital technologies, global digital economy, information society, legal support

Вопросы цифрового развития государства, общества, а, соответственно, и их влияния на трансформацию системы права, носят в современных условиях глобальный характер. Это, безусловно, касается не только на международно-правового обеспечения происходящих глобальных процессов, но и изменений, происходящих в национальном праве. Сегодня нельзя отрицать важность цифровизации, поскольку она оказывает непосредственное влияние на ключевые положения национальной политики в области развития цифровой экономики и в области обеспечения информационной безопасности. Об этом свидетельствуют как национальные стратегии, доктрины, являющиеся документами стратегического планирования, определяющими цели, задачи, приоритетные направления, силы, средства и меры по реализации внутренней и внешней политики государств, развития информационного пространства, информационного общества, формирования цифровой экономики, общества знания, обеспечения национальных интересов и реализации стратегических приоритетов, так и конкретные предложения по изменению законодательства, обусловленные современными вызовами.

Тема эта многогранна для научных исследований и очень важно отметить, что она имеет междисциплинарный характер. В настоящее время очевидно для всех, что это касается и проблем правового регулирования в связи с цифровым развитием, трансформацией права, соотношением международного и национального регулирования использования информационно-телекоммуникационных технологий, необходимостью правового осмысления использования таких цифровых технологий как робототехника и искусственный интеллект, виртуальная и дополненная реальность и др.

Это нашло свое отражение в Дорожной карте программы Цифровая экономика, утвержденной рас-

поряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. №1632-р, в которой предусмотрено более 50 мероприятий, связанных с разработкой и принятием целого ряда нормативных правовых актов в области цифровой экономики (направления развитие Цифровой экономики – нормативное регулирование). Нельзя не согласиться с тем, что глобальная цифровая трансформация создает широкий спектр вызовов и угроз, рисков для национальных экономик государств, их хозяйствующих субъектов и граждан.

Однако с уверенностью можно констатировать, что и в цифровом мире для научных исследований важно единообразное понимание, того, что же такое цифровизация, цифровая трансформация, экономика, экосистема цифровой экономики и другие появившиеся термины и понятия.

Очевидно, что нельзя все связывать только с использованием технологий блокчейн, которые не только значительно расширяют возможности рынков, но и создают для них реальные угрозы. Что представляет собой блокчейн? Анализ позволяет сделать вывод, что блокчейн можно рассматривать как децентрализованную распределенную базу данных («учетная книга») всех подтвержденных транзакций, совершенных в отношении определенного актива, в основе функционирования которой лежат криптографические алгоритмы, определенная база данных?. Но с позиции российского законодательства база данных, согласно ст. 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации, это «представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ)». Блокчейн же не просто совокупность информационных материалов, сведений, это значительно более сложный объект, который

можно рассматривать и как разновидность информационных технологий. Как сложноорганизованная система блокчейн и используемые в рамках нее информационные технологии сегодня это не просто база данных, хранящая данные о транзакциях криптовалюты Биткоин, как это было на первоначальном этапе, а уникальная система, предоставляющая возможность безопасно хранить и обрабатывать информацию на принципиально иных основах. Она позволяет хранить и обрабатывать информацию из самых разных сфер, что позволяет на базе тех или иных сайтов использовать различные электронные сервисы, как для осуществления предпринимательской деятельности, так и в социальной сфере, государственном и муниципальном управлении и в других направлениях. Полагают, что возможности использования блокчейн практически безграничны, поскольку позволяют безопасно обрабатывать любые сведения, информационные ресурсы, которые требуют идентификационной привязки к конкретному субъекту, и которые не могут быть изменены или удалены без согласия их обладателя. При этом любой пользователь может направить в данную систему информацию, но работать с ней будет только обладатель системы. Свойствами данной системы, отличающими ее от других, является также ее распределенность, публичность и достоверность, обеспечиваемая математически выверенными технологиями [1].

Однако угрозы информационной безопасности связываются сегодня и с этой, на первый взгляд надежной системой хранения и обработки информации. Специалисты указывают, что риски информационной безопасности блокчейн обусловлены следующими обстоятельствами: потеря ключей доступа может привести к неблагоприятным последствиям и угрозе потери информации, выявлены возможности злоупотребления правами администраторов, угроза получения доступа третьих лиц. Кроме того, нет общих правил использования распределенного реестра, криптовалюты, смарт-контрактов.

Также возникает вопрос о том, насколько условно это название – «цифровое» – терминология одинаково воспринимается не только на национальном уровне, но и на международном уровнях. Общеизвестно, что определиться и договориться о понятиях, особенно в связи с применением современных информационно-коммуникационных технологий, обеспечением информационной безопасности задача достаточно сложная, основывающаяся на технических знаниях, и требующая исследований в самых различных областях.

Представляется важным обратить внимание на то, что термин «цифровое» сегодня очень широко применяется в российском законодательстве. Так, исследование показало, что он содержится более чем в

600 федеральных законах (даже в Федеральном конституционном законе от 28 июня 2004 г. №5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации», Около 2000 актов Правительства Российской Федерации и т.д., а также около 100 терминов с коренным словом цифра, закрепленных в иных нормативных правовых актах и актах рекомендательного характера. Особо следует отметить, что данный термин используется в Налоговом и Гражданском кодексах Российской Федерации, в процессуальном законодательстве, а также в Семейном кодексе, Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации др.

Безусловным лидером по использованию является термин «цифровая экономика», рассматриваемый как хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг. Вместе с тем в Указе Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» экосистема цифровой экономики определяется как партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан».

Сегодня утверждена «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» (Паспорт приоритетного проекта утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 25.10.2016 № 9).

Согласно приказу Генпрокуратуры России от 14 сентября 2017 г. №627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» формирование высокотехнологичного надзора осуществляется на основе комплексной оптимизации выполнения надзорных функций единой безопасной *цифровой платформы* для обеспечения электронного взаимодействия органов прокуратуры всех уровней между собой и с другими государственными органами, внедрения современных механизмов и технологий противодействия киберпреступности и правонарушениям в *цифровой среде*. При этом под цифровой инфраструктурой понимается обеспечение реализации нового качества электронного взаимодействия органов прокуратуры всех уровней с гражданами, организациями, государственными органами на основе создания безопас-

ной высокотехнологичной универсальной цифровой среды, а под средой доверия – обеспечение технической, организационной и правовой защиты интересов граждан, бизнеса и государственных интересов при осуществлении взаимодействия в обновленной цифровой экосистеме органов прокуратуры. Одной из основных задач обозначено совершенствование правового регулирования с целью формирования единой цифровой среды (электронный обмен информацией) доверия экосистемы органов прокуратуры и создание системы взаимодействия с гражданами, обществом, организациями и учреждениями, которая позволяет использовать современные и перспективные каналы коммуникаций.

Одной из основных задач научно-технической политики государства в предстоящий период должно быть повышение восприимчивости экономики к инновациям и развитие наукоемкого бизнеса (п.33 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. №642). Указанный документ, также как и базовый документ стратегического планирования – Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. №683, задали новый вектор развития научно-технологического прогресса. Национальные стратегии, доктрины как уже отмечалось, сегодня определяют не только цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики государств развития информационного пространства, информационного общества, формирования цифровой экономики, общества знания, обеспечения национальных интересов и реализации стратегических приоритетов, но и задач по формированию системы обеспечения международной информационной безопасности. В настоящее время очевидно для всех, что это касается и проблем правового регулирования в связи с цифровым развитием. Глобальная цифровая трансформация создает значительный спектр вызовов и угроз, рисков для национальных экономик государств, их хозяйствующих субъектов и граждан, в том числе.

Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, одобренный Правительством Российской Федерации, определяет, что «информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) выступают одним из ключевых драйверов перехода к экономике, основанной на знаниях. Экспоненциальный рост технических характеристик, миниатюризация и снижение стоимости компонентов приводят к увеличению вычислительных мощностей и интеллектуальных возможностей техники, быстрой смене стандартов и технологических платформ информационных систем и сетей, соответствующих им товаров и услуг. Ускоренная эволюция

ИКТ, с одной стороны, и их быстрое «моральное устаревание», с другой, стимулируют спрос на новую продукцию. Так, развитие облачных сетей, новых архитектур и принципов организации вычислений влечет за собой трансформацию программного обеспечения и инфраструктурных решений, приводя к инновационным изменениям в бизнес-стратегии предприятий» [2].

Перспективы развития данного приоритетного направления определяют следующие вызовы: радикальная трансформация рынков ИКТ в условиях новой промышленной революции и активного развития цифровых технологий; усиление контроля за оборотом информации в информационно-телекоммуникационных сетях; увеличение объемов киберпреступлений и ее последствий; дисбаланс между требованиями обеспечения информационной безопасности и обеспечения информационных прав и свобод человека и гражданина; увеличение количества самозанятых граждан в информационной сфере, которые ищут заказы по всему миру и используют ИКТ не всегда во благо; шпионаж в сфере информационных технологий, незаконное патентование и др.

В качестве дополнительных угроз для Российской Федерации в указанной сфере отдельно можно выделить такие как: стремительное развитие единого глобального информационного пространства, за которым не успевает правотворческий процесс; усиление цифрового неравенства населения; неготовность к предоставлению гражданам услуг с использованием ИКТ на территории всего государства (сегодня пока сохраняется цифровое неравенство в данной сфере на уровне сравнения возможностей получения услуг гражданами в разных субъектах Российской Федерации); активное использование цифровых технологий в целях подрыва национальной безопасности, нарушения государственного и общественного порядка; низкий уровень информационной безопасности электронного документооборота; рост незащищенности персональных данных, личной и семейной тайны граждан.

Следует отметить, что вопросы обеспечения информационной безопасности в условиях цифровой среды активно рассматриваются на уровне международного сотрудничества. Так, в рамках Евразийского экономического союза государства-члены самостоятельно разрабатывают, формируют и реализуют национальную политику в сферах цифровизации экономики, связи и информатизации, обеспечения устойчивого функционирования и безопасности единого информационного пространства и инфраструктуры связи, в том числе реализуют национальные мероприятия по развитию цифровой повестки. В целях реализации основных направлений евразийского экономического союза государства-члены обеспечивают единую согласованную политику в соответствии

с требованиями союза, в связи с чем разработаны и унифицированы такие понятия как: «цифровая платформа», «цифровая повестка», «цифровая трансформация» «цифровая экономика», «цифровая экосистема» – «цифровое преобразование», «цифровое пространство Союза» «цифровой актив».

Огромный спектр вызовов и угроз в условиях глобальной цифровой трансформации связан также с рисками того, что без развития цифровой экономики и совместной реализации проектов в рамках цифровой повестки государства-члены лишают себя ряда возможностей использования цифровых технологий, как в процессе государственного управления, так и отдельных вопросов общественной жизни, в результате чего возникает дисбаланс во многих отраслях экономик государств-членов. Актуальным в связи с этим является вопрос о необходимости обеспечения более надежной институциональной формы защиты персональных данных при условии соблюдения баланса их защиты при трансграничном обмене.

Проблема обеспечения прав на персональные данные в условиях трансграничного обмена приобретает особую актуальность в свете вступления в силу в США Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act (CLOUD Act) [3]. Новеллы американского законодательства предоставляют возможность правоохранительным органам получить доступ к персональным данным пользователей сети Интернет независимо от того, в какой стране мира они хранятся. США сегодня начинает процесс заключения двусторонних международных соглашений с другими государствами о передаче им персональных данных с серверов американских компаний в любом государстве, с которым заключено подобное соглашение и соответственно получают возможность сбора персональных данных

граждан иностранных государств, которые так или иначе связаны с американскими компаниями в той или иной стране мира. Это означает, что, если российский гражданин общается с тем или иным гражданином другой страны, то его персональные данные смогут стать доступны государственным органам США. Таким образом, права организаций-поставщиков облачных сервисов на защиту прав на конфиденциальность данных пользователей могут быть серьезно ограничены международными соглашениями США с рядом государств, учитывая политику давления США на своих союзников и ряд государств мира, можно предположить, что в ближайшее время будут заключено несколько десятков таких соглашений, а в перспективе может вырасти до сотни.

Таким образом, особое значение в современных условиях приобретает международное сотрудничество, интеграционный фактор обеспечения дополнительной устойчивости и возможностей обеспечения информационной безопасности в ответ на глобальные вызовы цифровой трансформации. Отсутствие согласованной политики по обеспечению информационной безопасности государств в цифровой сфере является важным препятствием для достижения синергетических эффектов в развитии цифровой экономики государств и глобального цифрового пространства. Поэтому так важно развитие интеграционного сотрудничества с учетом глобальных вызовов цифровой трансформации, в обеспечении качественного и устойчивого экономического роста государств, в том числе для ускоренного перехода экономик на новый этап промышленной революции, формирования новых рынков и индустрий на основе современных цифровых технологий, синхронизация цифровых трансформаций.

Список литературы

1. Минбалеев А.В. Правовая природа блокчейн / А.В Минбалеев, Е.Г. Сафронов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2018. Т. 18, №2. С. 94-97.
2. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Официальный сайт Правительства РФ: URL <http://static.government.ru/media/files/41d4b737638b91da2184.pdf> (дата обращения: 4 сентября 2018 г.)
3. Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act («CLOUD Act») 06.02.2018 // <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4943>.

Reference list

1. Minbaleev A. The legal nature of blockchain / E. Safronov // Bulletin of South Ural State University. Series "Law". 2018. Vol. 18, №2. P. 94-97.
2. Forecast of scientific and technological development of the Russian Federation for the period up to 2030. Official website of the Government of the Russian Federation: URL <http://static.government.ru/media/files/41d4b737638b91da2184.pdf> (date of access: 4th of September, 2018.)
3. Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act («CLOUD Act») 06.02.2018 // <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4943>.

УДК 343.352

Афанасьева О.Р.,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

Шиян В.И.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА

Преступления коррупционной направленности признаются одной из главных транснациональных угроз экономической безопасности и обладают крайне высокой степенью общественной опасности, по этой причине противодействие ей признается одной из проблем, требующей консолидации усилий всех государств, общества и граждан. Криминологический анализ преступлений коррупционной направленности, совершенных на объектах транспорта, позволил определить не только их динамику в период с 2012 по 2017 гг., но и провести их сравнительное исследование с преступлениями коррупционной направленности, совершенными на территории Российской Федерации в целом. Отдельное внимание было уделено сравнительной характеристике динамике удельного веса преступлений коррупционной направленности в структуре всей зарегистрированной преступности в России и удельного веса преступлений коррупционной направленности, совершенных на объектах транспорта, в зарегистрированной преступности, совершенной на объектах транспорта, а также структуре коррупционной преступности на объектах транспорта. Было установлено, что в 2017 г. как и в предыдущие годы преобладали такие преступления как дача взятки (ст. 291 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ) и получение взятки (ст. 290 УК РФ). В статье представлены результаты исследования географии коррупционной преступности. Поскольку как для науки, так практической деятельности существенное значение имеет личность тех, кто совершает преступления, то в статье были представлены обобщенные результаты изучения лиц, совершающих преступления коррупционной направленности на объектах транспорта. Итоги проведенного исследования преступлений коррупционной направленности на транспорте позволяют своевременно выявлять криминальные угрозы и определять приоритетные направления профилактической деятельности.

Ключевые слова: криминологическая характеристика, коррупция, преступления коррупционной направленности, состояние преступности, личность преступника, объекты транспорта, ущерб

Afanas'eva O.,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair "Criminal Law, Criminal Process and Forensics" of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

Shiyan V.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Chair "Criminal Law, Criminal Process and Forensics" of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

THE STATE OF OFFENSES INVOLVING CORRUPTION ON TRANSPORT FACILITIES

Offenses involving corruption are recognized as one of the main transnational threats to economic security and they have a very high degree of social danger, therefore it is recognized countering as one of the issues that requires the consolidation of the efforts of all states, society and citizens. Criminological analysis of offenses involving corruption, committed on transport facilities, allowed to determine not only their wave in the period from 2012 to 2017, but also to conduct a comparative study with offenses involving corruption, committed on the territory of the Russian Federation broadly. Special attention was paid to the comparative description of the wave of relative share of offenses involving corruption in the structure of all recorded crimes in Russia and relative share of offenses involving corruption, committed on transport facilities, in the recorded criminality, committed on transport facilities, as well as the structure involving corruption on transport facilities. It was found that in

2017 as it has in previous years, the offenses as bribery (Article 291 of the Russian Criminal Code), official forgery (Article 292 of the Russian Criminal Code) prevailed. The article presents the results of the study of the geography of corruption criminality. Since both for science and practice the identity of those who commit offenses is essential; the article focuses the generalized results of the study of persons who commit offenses involving corruption on transport facilities. The results of conducted study of offenses involving corruption on transport facilities will allow timely to detect criminal threats and to identify priority areas of prevention activities.

Keywords: criminological characteristics, corruption, offenses involving corruption, state of criminality, criminal identity, transport facilities, damage

Коррупция (лат. *corruptio*) как противоправное общественно опасное многоаспектное и сложное социальное явление сопровождала человечество на протяжении всей истории его существования.

В настоящее время коррупция – одна из главных транснациональных угроз экономической безопасности. Широкая интеграция государств в мировую экономику, в том числе в международные кредитно-финансовые институты, наряду с позитивными политическими и социально-экономическими процессами влечет за собой объединение ранее разрозненных коррупционных структур, создание новых коррупционных схем и, как следствие, рост общественной опасности коррупции.

Преступления коррупционной направленности подрывают авторитет публичной власти, препятствуют стабильному развитию общества, эффективному управлению и экономическому росту страны, ущемляют права и законные интересы граждан, обладают крайне высокой степенью общественной опасности.

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. №683, коррупция отнесена к числу основных угроз государственной и общественной безопасности (ст. 43) [10].

Учитывая диапазон путей сообщения, их значение для обеспечения транспортной безопасности, остается актуальным изучение современного состояния и динамики преступности, в том числе коррупционной, на объектах транспорта.

В отличие от общероссийских показателей рост исследуемого вида преступлений был зафиксирован в 2014 г. Средний показатель темпов прироста преступности за период с 2014 по 2016 г. составил 11%, в то время как в целом по России он не превысил и 1,5%.

В 2017 г. тенденция меняется, отмечается снижение преступлений коррупционной направленности. Причем на объектах транспорта темпы снижения значительно выше (в 2,5 раза), чем в целом по России (табл. 1, рис. 1).

Другим отличием является то, что удельный вес (доля) преступлений коррупционной направленности, совершенных на объектах транспорта, в структуре всей преступности на транспорте превышает в 3,5 раза (среднее значение) аналогичный общероссийский показатель. Следовательно, на объектах транспорта преступления коррупционной направленности совершаются чаще. Об этом наглядно свидетельствуют представленные на рис. 2 данные.

Результаты анализа структуры коррупционной преступности на объектах транспорта позволяют говорить о сохранении в 2017 г. основной тенденции – превалирование таких преступлений как дача взятки (ст. 291 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ) [2. с. 104-108]. За исследуемый период среднее значение удельного веса этих составов преступлений составляет 14,8%, в то время как общероссийский показатель – 8,7% (рис.3).

Таблица 1

Динамика преступлений коррупционной направленности в период с 2012 по 2017 гг.

	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Всего преступлений коррупционной направленности	49513	42506	32 204	32 455	32 924	29634
Прирост, %		-14,2	-24,2	0,8	1,4	-10,0
Преступлений коррупционной направленности на объектах транспорта	2218	2164	2199	2547	2912	2169
Прирост, %		-2,4	1,6	15,8	14,3	-25,5

Как цитировать статью: Афанасьева О.Р., Шиян В.И. Состояние преступлений коррупционной направленности на объектах транспорта // Вестник Академии права и управления. 2018. № 3(52). с. 37–44

Рис. 1. Динамика количества всех зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в России и зарегистрированных преступлений коррупционной направленности, совершенных на объектах транспорта (2012-2017 гг.)

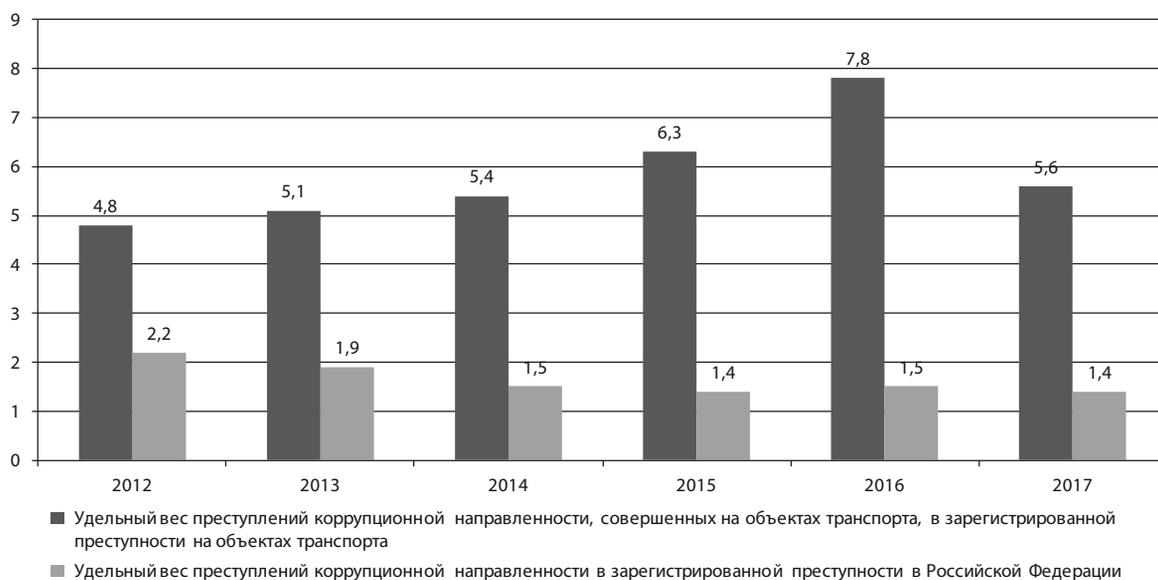

Рис. 2. Динамика удельного веса преступлений коррупционной направленности в структуре всей зарегистрированной преступности в России и удельного веса преступлений коррупционной направленности, совершенных на объектах транспорта, в зарегистрированной преступности, совершенной на объектах транспорта (2012-2017 гг.)

Отметим, что за последние три года (с 2015 по 2017 гг.) наблюдается устойчивая динамика ежегодного уменьшения следующих видов преступлений, относящихся к числу коррупционных:

- дача взятки ст. 291 УК РФ (- 85,3% к 2015 г.);
- получение взятки ст. 290 УК РФ (- 62,7% к 2015 г.);
- злоупотребление должностными полномочиями ст. 285 УК РФ (- 9,8% к 2015 г.)

Традиционно, в абсолютном большинстве случаев (90%) преступления коррупционной направленности на объектах транспорта выявляются сотрудни-

ками органов внутренних дел. В то же время среди этой категории лиц выявлены и правонарушители, т.е. те, кто совершил обозначенные виды преступлений. Несмотря на то, что их доля незначительная – 3,96%, говорить о положительной тенденции не приходится, поскольку любое преступление, совершаемое сотрудниками органов внутренних дел, подрывает авторитет правоохранительной системы у населения, причиняет колоссальный вред имиджу сотрудников правоохранительных структур, обуславливает падение уровня общественного доверия к системе МВД и рост негативных оценок ее деятельности.

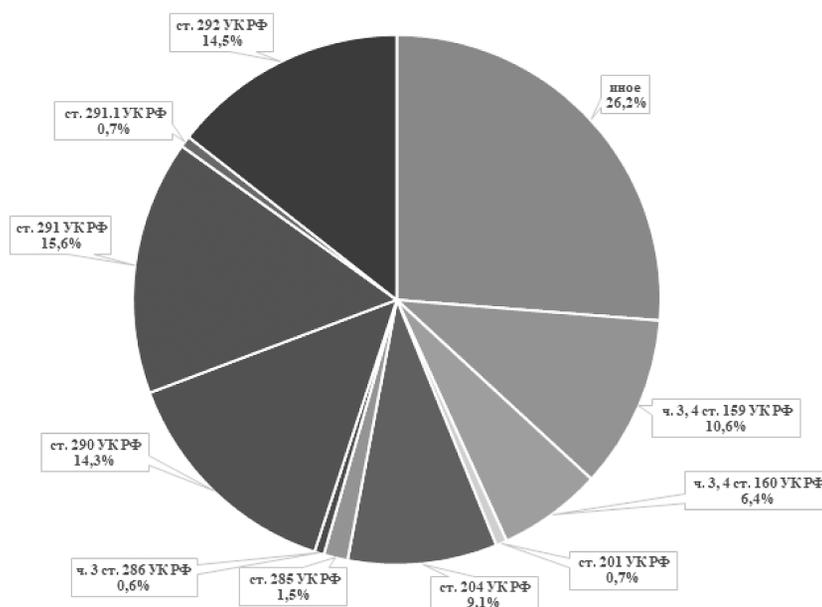

Рис. 3. Структура преступности коррупционной направленности на объектах транспорта в Российской Федерации по итогам 2017 г.

Совершенствование мер предупреждения преступности предполагает изучение ее состояния не только в целом по России, но и регионах, т.к. несмотря на сходность проблем, у каждого из них есть своя специфика. Западными учеными данное течение в криминологии еще в XIX в. названо «география преступности» [12].

В России основательное изучение особенностей региональной преступности ведет отсчет с XIX века. В XX столетии исследования в сфере территориального изучения преступности стали самостоятельным направлением в криминологии, что обусло-

вило появление «региональной криминологии» [6, с. 14 – 15].

Лидером криминальной статистики по количеству зарегистрированных преступлений коррупционной направленности на протяжении последних шести лет является территория оперативного обслуживания УТ МВД РФ по УФО.

Наименьшее число зарегистрированных преступлений отмечается на территории оперативного обслуживания Восточно-Сибирского ЛУ МВД РФ. И в тоже время в 2017 г. фиксируются максимальные темпы их роста (по сравнению с 2015 г. +36% гг.) (табл. 2).

Таблица 2

Динамика регистрации преступлений коррупционной направленности по линейным управлениям на транспорте Российской Федерации в 2012-2017 гг.

	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Всего зарегистрировано в России преступлений коррупционной направленности	49513	42506	32204	32455	32924	29634
Зарегистрировано в России преступлений коррупционной направленности, совершенных на объектах транспорта	2218	2164	2203	2559	2912	2169
Зарегистрировано преступлений коррупционной направленности Восточно-Сибирским ЛУ МВД РФ	49	74	84	55	65	75
Зарегистрировано преступлений коррупционной направленности Забайкальским ЛУ МВД РФ	109	42	88	137	117	65
Зарегистрировано преступлений коррупционной направленности УТ МВД РФ по ЦФО	247	242	297	301	260	194
Зарегистрировано преступлений коррупционной направленности УТ МВД РФ по СЗФО	353	265	237	420	412	370
Зарегистрировано преступлений коррупционной направленности УТ МВД РФ по ЮФО	93	30	74	61	73	80

Зарегистрировано преступлений коррупционной направленности УТ МВД РФ по СКФО	145	110	189	178	185	198
Зарегистрировано преступлений коррупционной направленности УТ МВД РФ по ПФО	378	410	376	387	320	237
Зарегистрировано преступлений коррупционной направленности УТ МВД РФ по УФО	495	494	495	556	675	576
Зарегистрировано преступлений коррупционной направленности УТ МВД РФ по СФО	205	352	245	257	608	200
Зарегистрировано преступлений коррупционной направленности УТ МВД РФ по ДФО	144	145	114	195	197	174
Зарегистрировано преступлений коррупционной направленности Симферопольское ЛО МВД РФ			4	12		

Согласно данным официальной статистики, представленным в табл. 2, тенденция роста в 2017 г. наблюдается также на территориях оперативного обслуживания следующих территориальных органов МВД России на транспорте: УТ МВД РФ по ЮФО (31% к 2015 г.), УТ МВД РФ по СКФО (+11% к 2015 г.).

Существенное значение как для науки, так и для практики имеет изучение личности тех, кто совершает преступления. В частности для тех сотрудников правоохранительных органов, которые занимаются раскрытием, расследованием и предупреждением преступлений [7;1, с. 29-39].

Еще в XIX столетии субъектов предупреждения преступности ориентировали на то, что расследование преступлений требует не только знания законодательства, неутомимого труда и способности уполномоченных чинов общей полиции, но и осведомленности о нравственной и умственной природе правонарушителя. «Одним исполнением законной формальности и составлением

протоколов нельзя достичь удовлетворительных результатов» [5].

Оценка статистических показателей, характеризующих лиц, совершивших преступления, позволяет получить обобщенные данные о таких лицах, т.е. установить границы и структуру массива преступников, что составляет не только начальный этап криминологического познания личности преступника, но и целенаправленно противодействовать преступности, а также прогнозировать тенденции ее развития.

Заметим, что в России за исследуемый период наблюдалась волнообразная динамика лиц, выявленных за совершение преступлений коррупционной направленности на объектах транспорта. Максимальное их число было зарегистрировано в 2015 г., минимальное – в 2012 г. С 2015 г. фиксируется последовательное снижение их числа (рис. 4).

Наибольшее число лиц выявляется на территории оперативного обслуживания УТ МВД РФ по Приволжскому федеральному округу (табл. 3).

Рис. 4. Динамика количества зарегистрированных преступлений коррупционной направленности, совершенных на объектах транспорта, и лиц, выявленных за их совершение (2012-2017 гг.)

Динамика регистрации лиц, выявленных за совершение преступлений коррупционной направленности, по линейным управлениям на транспорте Российской Федерации в 2012-2017 гг.

	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Всего выявлено лиц, совершивших преступления коррупционной направленности в Российской Федерации	13565	16167	15895	16926	16680	15940
Выявлено лиц, совершивших преступления коррупционной направленности на объектах транспорта в Российской Федерации	882	1110	1131	1310	1188	1047
Выявлено лиц, совершивших преступления коррупционной направленности Восточно-Сибирским ЛУ МВД РФ	37	44	36	21	40	53
Выявлено лиц, совершивших преступления коррупционной направленности Забайкальским ЛУ МВД РФ	29	30	27	73	65	41
Выявлено лиц, совершивших преступления коррупционной направленности УТ МВД РФ по ЦФО	152	194	247	226	175	135
Выявлено лиц, совершивших преступления коррупционной направленности УТ МВД РФ по СЗФО	117	118	125	184	194	130
Выявлено лиц, совершивших преступления коррупционной направленности УТ МВД РФ по ЮФО	21	38	29	50	48	59
Выявлено лиц, совершивших преступления коррупционной направленности УТ МВД РФ по СКФО	73	116	62	87	85	130
Выявлено лиц, совершивших преступления коррупционной направленности УТ МВД РФ по ПФО	192	229	264	300	174	152
Выявлено лиц, совершивших преступления коррупционной направленности УТ МВД РФ по УФО	80	115	99	104	121	133
Выявлено лиц, совершивших преступления коррупционной направленности УТ МВД РФ по СФО	86	143	161	136	182	138
Выявлено лиц, совершивших преступления коррупционной направленности УТ МВД РФ по ДФО	95	83	81	116	104	76
Выявлено лиц, совершивших преступления коррупционной направленности Симферопольское ЛО МВД РФ			0	13		

Преступления коррупционной направленности относятся к числу наиболее доходных преступных деяний. Кроме того, их цена огромна, поскольку складывается не только из размера ущерба, причиненного непосредственно коррупционными преступными деяниями (табл. 4), но и ущерба от преступлений и негативных явлений, находящихся в непосредственной взаимосвязи с коррупцией. В их числе преступления в сфере экономической деятельности, преступления террористического характера и экстремистской направленности, незаконный оборот оружия и наркотиков, торговля людьми (траффикинг), а также различного рода катастрофы. В этой связи возникает множество трудностей по возмещению ущерба. Исследователи справедливо замечают, что «значительные суммы невозмещенного ущерба в ряде случаев связаны с недостатками в деятельности правоохранительных органов, которые не принимают меры к установлению и аресту преступных доходов, пытаясь при этом улучшить свои показатели» [4, с. 70].

Кроме того, достаточно сложно доказать преступное происхождение имущества, поскольку кор-

рупционеры тщательно скрывают его, оформляют на третьих лиц. Значительная часть коррупционных доходов выводится за рубеж. Безусловно, значительная работа по возвращению доходов, полученных преступным путем, проводится. Так, «за два последних года по запросам Генеральной прокуратуры Российской Федерации арестовано свыше 350 млн. долл. США, шесть крупных объектов недвижимого имущества (в том числе элитные особняки и отели в курортных зонах) стоимостью в сотни миллионов евро» [4, с. 73].

Исследователи отмечают, что возврат доходов и имущества, полученных в результате совершения преступлений, возможен только на основании судебного акта – приговора или решения. Однако Генеральная прокуратура Российской Федерации не имеет каких-либо полномочий по организации исполнения судебных актов за рубежом. Это может привести к отказу в удовлетворении запросов Генеральной прокуратуры Российской Федерации [4, с. 74].

Безусловно, в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства осуществляется взаимодействие судов, прокуроров, сле-

дователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями. Порядок этого взаимодействия регламентирован нормами УПК РФ (Раздел XVIII). Вместе с тем, в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации отсутствует норма, регламентирующая процедуру ареста и конфискации имущества за пределами страны.

К числу обозначенных выше проблем следует отнести длительные сроки рассмотрения ходатайств о правовой помощи, которые обусловлены необходимостью проведения многочисленных судебных процедур.

Учитывая вышеизложенное, к числу основополагающих относятся проблемы организационно-правового характера.

Показатели, представленные в табл. 4 наглядно свидетельствуют, что максимальный размер ущерба, причиненного преступлениями коррупционной направленности, зафиксированна территории оперативного обслуживания УТ МВД РФ по Центральному

федеральному округу. Подобное обстоятельство объясняется тем, что ЦФО в общероссийском пространстве занимает особое место, поскольку является не только географическим, но и финансовым центром России. ЦФО один из самых урбанизированных округов страны, с самой высокой плотностью проживающего в нем населения. Округ занимает первое место в России по основным фондам экономики. На долю округа приходится 45% всех налогов и сборов в федеральный бюджет.

Необходимо акцентировать внимание на том, что приведенные в статье количественные показатели это лишь данные официальной статистики. Традиционно коррупционная преступность относится к числу наиболее высоколатентных. Например, коэффициент латентности¹ получения взятки (ст. 290 УК РФ) равен 75, дачи взятки (ст. 291 УК РФ) – 70 [9, с. 625].

По экспертным оценкам отечественных специалистов [3, с. 336; 11, с. 98; 8, с. 181], выявление коррупционных преступлений, в первую очередь точности, составляет всего 1 – 2% от фактического числа совершенных деяний.

Таблица 4

Динамика размера ущерба, причиненного преступлениями коррупционной направленности, по территориальным подразделениям органов внутренних дел на транспорте в 2012-2017 гг. (в тыс. руб.).

	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Ущерб, причиненный преступлениями коррупционной направленности в РФ (в тыс. руб.)	20821800	25970718	29646813	33443858	76536691	37374223
Ущерб, причиненный преступлениями коррупционной направленности, совершенным на объектах транспорта в РФ, (в тыс. руб.)	144710	269207	143907	373051	158155	146503
В том числе (в тыс. руб.):						
Восточно-Сибирское ЛУ МВД РФ	684	100	7	49	1783	6977
Забайкальское ЛУ МВД РФ	243	366	2945	92	3432	11224
УТ МВД РФ по ЦФО	22595	4577	46518	130878	53039	71466
УТ МВД РФ по СЗФО	24859	7707	556	7923	1460	2794
УТ МВД РФ по ЮФО	2757	26203	5142	11160	1297	8021
УТ МВД РФ по СКФО	24887	4508	8406	3379	3594	3129
УТ МВД РФ по ПФО	7574	64949	39119	50823	6689	14443
УТ МВД РФ по УФО	16331	27376	13571	62731	17898	9266
УТ МВД РФ по СФО	24801	7850	16217	943	62292	3252
УТ МВД РФ по ДФО	19979	125571	11426	103969	6671	15931
Симферопольское ЛО МВД РФ	-	-	0	1104	-	-

¹ Коэффициент латентности – важнейший инструмент оценки и измерения латентной преступности, который показывает, во сколько раз фактическая преступность больше зарегистрированной.

Список литературы

1. *Афанасьев П.Б.* Социально-демографическая характеристика лиц, совершающих умышленное причинение тяжкого вреда здоровью // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2016. №3. С. 29-39.
2. *Борисов А.В.* О некоторых ошибках при квалификации коррупционных преступлений, совершаемых в сфере автомобильного хозяйства // Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании IV Московский юридический форум. XII Междунар. науч.-практич. конф. (Кутафинские чтения): мат-лы конференции: в 4-х частях. 2017. С. 104-108.
3. *Годунов И.В.* Противодействие организованной преступности. М.: Высшая школа, 2003. 497 с.
4. *Журбин Р.В., Илий С.К.* Проблемы возмещения ущерба от коррупционных преступлений и правонарушений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. №3(59). С. 70-77.
5. Заметки по чтениям отдельного корпуса жандармов штабс-капитана Захарова о деятельности чинов полиции при исследовании государственных преступлений. Саратов: Типография Губернского Правления, 1881.
6. *Кондратьюк Л.В.* Криминологические проблемы, вытекающие из региональных различий преступности // Изучение территориальных особенностей насильственной преступности. М., 1983.
7. Личностные характеристики преступников: монография / Под ред. Ю.М. Антонына. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
8. *Лунеев В.В.* Эпоха глобализации и преступность. М.: Норма, 2007. 272 с.
9. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. 839 с.
10. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. №1 (часть II). ст. 212.
11. *Федоровская М.А.* Коррупция и должностные преступления в Российской Федерации: состояние, проблемы, перспективы. М., 2004.
12. *Чернов А.В.* Криминогенная обстановка в Сибирском федеральном округе: Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / А.В. Чернов. Иркутск: Юрид. центр, 2006.

Reference list

1. *Afanas'ev P.* Socio-demographic characteristics of persons who commit intentional infliction of serious harm to health // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2016. №3. P. 29-39.
2. *Borisov A.* On some errors in the qualification of corruption offenses committed in the field of road economy // Law and Economics: Interdisciplinary approaches in science and education IV Moscow legal forum. XII International scientific-practical conference (Kutafin readings): Proceedings of the conference: In 4 parts. 2017. P. 104-108.
3. *Godunov I.* Combating organized criminality. M.: Higher school, 2003. 497 p.
4. *Zhurbin R., Iliy S.* Issues of compensation of damage from corruption offenses and criminality // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2017. №3 (59). P. 70-77.
5. Notes on the readings of a separate corps of gendarmes of staff captain Zakharov on the activities of police officers in the study of state offenses. Saratov: Printing House of the Provincial Government, 1881.
6. *Kondratyuk L.* Criminological issues arising from regional differences in criminality // Study of territorial features of violent criminality. M., 1983.
7. Personality characteristics of criminals: Monograph / Under the editorship of Yu. Antonyan. M.: YUNITI-DANA, 2016.
8. *Luneev V.* The era of globalization and criminality. M.: Norma, 2007. 272 p.
9. Theoretical bases of research and analysis of latent criminality / Under the editorship of S. Inshakov. M.: UNITY-DANA: Law and law, 2013. 839 p.
10. The Decree of the President of the Russian Federation from December 31, 2015 №683 "On the strategy of national security of the Russian Federation" // Official Gazette of the Russian Federation. 04.01.2016. №1 (part II). Article 212.
11. *Fedorovskaya M.* Corruption and malfeasance in the Russian Federation: State, issues, prospects. M., 2004.
12. *Chernov A.* The criminal situation in the Siberian Federal district: Theory and practice of criminal law and criminal process / A. Chernov. Irkutsk: The Yuridicheskij tsentr, 2006.

УДК 343.625

Ережипалиев Д.И.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры общей юриспруденции и правовых основ безопасности
Национального Исследовательского Ядерного Университета «МИФИ»,
ведущий научный сотрудник
НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Некоркин Д.А.,

советник отдела по обеспечению деятельности
Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка

ЗАЩИТА ДЕТЕЙ ОТ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье на основе анализа действующего законодательства и правоприменительной практики освещены актуальные проблемы в сфере защиты детей от семейного насилия. Предлагаются пути их решения. Отмечается, что, несмотря на наличие обширной нормативной правовой базы, в настоящее время сохраняется необходимость формирования на федеральном уровне единых подходов к защите детей от насилия. Обосновывается точка зрения, согласно которой правовой институт лишения родительских прав не позволяет в полной мере защитить права детей от злоупотребления родителями своими правами. Приведены конкретные предложения по совершенствованию законодательства о защите детей от семейного насилия.

Ключевые слова: семейное законодательство, основания лишения родительских прав, несовершеннолетние, семейное насилие, педофилия

Erezhipaliev D.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of General Jurisprudence and Legal Bases
of Security of the National Research Nuclear University MEPhI,
Leading Researcher of the Research Institute of Academy
of the Prosecutor's General Office of the Russian Federation

Nekorkin D.,

Advisor of the Department on Maintenance Activity of the Children's Rights Commissioner for the President of the Russian Federation

PROTECTION OF CHILDREN FROM FAMILY VIOLENCE: ISSUES OF LEGAL REGULATION AND SUGGESTED SOLUTIONS

In the article topical issues in the field of protection of children from family violence are covered on the basis of the analysis of the current legislation and law enforcement practice. The ways of their solution are offered. It is noted that there is currently a need to form unified approaches to the protection of children from family violence at the Federal level, despite the presence of an extensive regulatory framework. The article author substantiates the point of view under which the legal institution of deprivation of parental rights does not allow to fully protect the rights of children from abuse of their rights by parents. Specific proposals to improve the legislation on the protection of children from family violence are presented.

Keywords: family law, grounds for deprivation of parental rights, minors, family violence, pedophilia

Законодательство России о защите детей от семейного насилия формируется с ориентацией на общепризнанные принципы и нормы международного права. Однако правоприменительная прак-

тика в рассматриваемой сфере регулярно обозначает проблемы и новые угрозы.

В Российской Федерации государственная социальная политика в отношении детей стала активно

Как цитировать статью: Ережипалиев Д.И., Некоркин Д.А. Защита детей от семейного насилия: проблемы правового регулирования и способы их решения // Вестник Академии права и управления. 2018. № 3(52). с. 45–50

формироваться лишь с 1990-х годов. Важную роль в ее формировании сыграла ратификация в 1990 году Конвенции о правах ребенка, одобренной 20 ноября 1989 г. Генеральной Ассамблеей ООН, как главного международного документа по защите интересов детства [1, с. 11].

Указанная Конвенция провозгласила право ребенка быть защищенным от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке. Каждое государство обязано обеспечивать реализацию указанного права, принимая для этого все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительские меры.

В нашей стране основные положения Конвенции о правах ребенка первоначально получили свое отражение в Национальном плане действий в интересах детей [2]. Меры по защите прав ребенка значительно расширились в связи с принятием Гражданского кодекса Российской Федерации (1994 г.), Семейного кодекса Российской Федерации (1995 г.), Уголовного кодекса Российской Федерации (1996 г.).

Главным актом признания государством своих обязательств перед детьми стало принятие Федерального закона от 24.07.1998 №124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 24.07.1998 №124-ФЗ), устанавливающего основные гарантии прав и законных интересов ребенка, предусмотренных Конституцией РФ, в целях создания правовых, социально-экономических условий для реализации прав и законных интересов ребенка. Указанным законом было впервые введено понятие «дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации» [3]. К их числу были отнесены и такие дети, которые стали жертвами насилия.

В 2013 г. Россией ратифицирована Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений, согласно которой каждый ребенок имеет право на такие меры защиты со стороны его или ее семьи, общества и государства, которые необходимы в силу его или ее положения как несовершеннолетнего [4, с. 15].

В целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних, а также совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве принят ряд нормативных правовых актов¹.

¹ К их числу следует отнести: федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характе-

В рамках очередного этапа социально-экономического развития страны была реализована Стратегия действий в интересах детей [5], которая дала значительный импульс развитию законодательства, регламентирующего вопросы соблюдения прав несовершеннолетних в целом и защите детей от насилия в частности.

Несомненно, изданный Президентом Российской Федерации Указ от 29.05.2017 №240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» является продолжением Стратегии действий в интересах детей, что подчеркивает приоритетность для общества и государства задачи по улучшению положения детей.

Импульсом к совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере становятся уже наступившие негативные последствия для детей. Достаточно вспомнить трагические события, произошедшие в январе текущего года в Республике Бурятия и Пермском крае, связанные с вооруженными нападениями учеников в школах, а также рост детских суицидов двумя годами ранее.

В 2017 г. были внесены изменения в Федеральный закон от 23.06.2016 №182-ФЗ и ст. 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 №149-ФЗ в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению [6]. Внесены изменения и в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [7].

Таким образом, в настоящее время в нашей стране продолжается процесс формирования нормативной правовой базы, направленной на создание эффективных защитных механизмов.

Вместе с тем, несмотря на принимаемые законодательные меры, резервы по совершенствованию законодательства о защите детей от семейного насилия в данной сфере имеются. Не случайно в специальных исследованиях отмечается, что семейное законодательство содержит множество оценочных, собирательных понятий, которые неизбежно влекут разные подходы у правоприменителя к их толкованию и применению [8, с. 4]. Так, например, ст. 1, 4, 19, 29, 30, 37, 49, 54, 69, 85, 90 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ): «под защитой государства»,

ра, совершенные в отношении несовершеннолетних»; от 25.11.2013 № 317-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации по вопросам охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве»; от 05.05.2014 № 104-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и др.

«взаимопомощь и ответственность», «обеспечение приоритетной защиты», «не противоречит существу семейных отношений», «близкие родственники», «совместная жизнь», «интересы», «добросовестный супруг», «вложения, значительно увеличивающие стоимость», «злостное уклонение», «длительность брака», «недостаточность содержания» и т.д. [8, с. 5].

Кроме того, в настоящее время нет каких-либо объективных факторов, наличие которых обусловило бы существенное улучшение состояния законности в рассматриваемой сфере [9, с. 91].

Так, особую тревогу вызывает рост числа несовершеннолетних, потерпевших от преступлений против половой неприкосновенности (см. рис. 1).

В 2017 г. количество несовершеннолетних, потерпевших от указанных преступлений, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года выросло на 4,3% (с 10 942 до 11 410).

В настоящее время правоприменительная практика в сфере защиты детей от семейного насилия обозначила новую проблему, требующую законодательного разрешения. Указанная проблема связана с отсутствием надлежащих правовых механизмов, регулирующих вопросы лишения родительских прав, если родители совершили противоправные действия (физическое или психическое насилие) в отношении детей, которые не являются родными и членами его семьи.

Согласно абз. 5 ст. 69 СК РФ родители (один из них) могут быть лишены родительских прав, если они жестоко обращаются с детьми, в том числе осуществляют физическое или психическое насилие над ними, покушаются на их половую неприкосновенность.

В данной норме не конкретизируется: совершаются противоправные действия родителем в отношении своего ребенка или в отношении чужого. В связи с этим на практике возникают определенные трудности с применением указанной нормы, точнее сказать, практика применения этих норм не столь однозначна.

Так, из обращения гр. К. в интересах ее малолетнего ребенка И., 2012 г.р., проживающих в Республике Крым, г. Евпатория, следовало, что отец ребенка гр. Б. в 2011 году был осужден на 15 лет лишения свободы за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 153 УК Украины, то есть удовлетворение половой страсти неестественным способом с применением физического насилия, совершенное в отношении малолетней П., которая не является каким-либо родственником ни гр. Б., ни гр. К. Кроме того, ранее гр. Б. в 2002 году был осужден Евпаторийским городским судом АР Крым за аналогичное преступление. Таким образом, гр. Б. имел рецидив преступлений.

В целях оградить своего сына от возможного противоправного поведения бывшего супруга, посягающего на половую неприкосновенность детей, гр. К. обратилась с исковым заявлением в Евпаторийский городской суд о лишении гр. Б. родительских прав в отношении своего ребенка.

Евпаторийский городской суд и Верховный Суд Республики Крым отказали истце в удовлетворении ее требований, решение суда вступило в законную силу 29 апреля 2015 г.

Другое обращение матери гр. С. в интересах ее сына В., 1999 г.р., проживающих в Курганской области. Отец ребенка осужден 30.10.2014 г. к 7 годам 6 месяцам лишения свободы по преступлениям, пред-

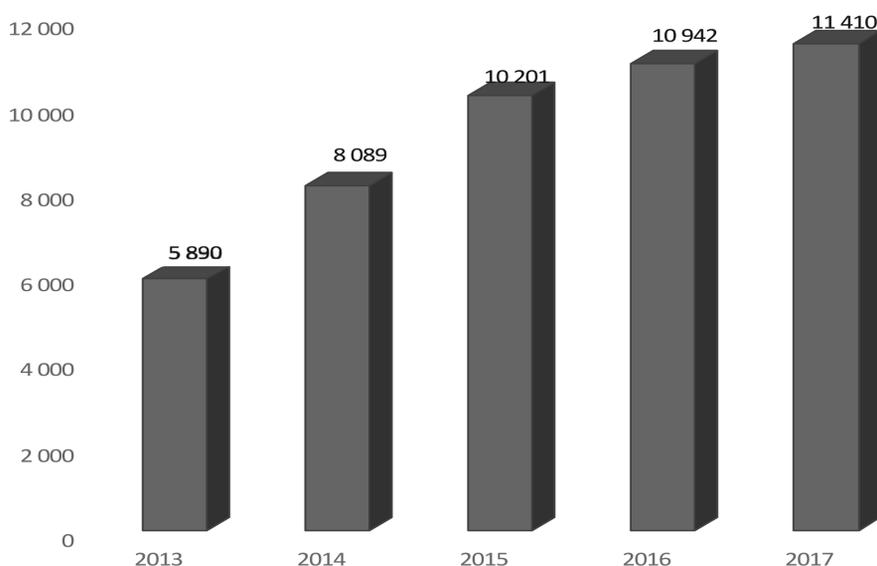

Рис. 1. Динамика числа несовершеннолетних, признанных потерпевшими от преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, за 2013–2017 гг.

усмотренным ч. 1, 3 ст. 134, ч. 1, 2 ст. 135 УК РФ, совершенных в отношении несовершеннолетней Г., не достигшей 14 летнего возраста. Брак между супругами расторгнут в декабре 2014 года.

В целях оградить своего сына от возможного противоправного поведения бывшего супруга, посягающего на половую неприкосновенность детей, а также на возможные последующие сложности при поступлении ребенка в образовательную организацию, устройстве на работу в правоохранительные органы, С. обратилась с исковым заявлением в Курганский городской суд о лишении отца родительских прав в отношении сына. Однако судом так же отказано в удовлетворении исковых требований.

В обоих случаях органы опеки и попечительства в заключении, представляемом в суд, считали возможным и целесообразным лишить отцов родительских прав в отношении своих детей, несмотря на то, что преступления ими были совершены в отношении чужих детей. Таким образом, при толковании абз. 5 ст. 69 СК РФ органы опеки и попечительства исходили из того, что основанием для лишения родительских прав является покушение на половую неприкосновенность не только своих, но и детей других родителей.

Суд, отказывая истицам в удовлетворении требований, исходил из того, что отцы совершили преступление не в отношении своего ребенка, а в отношении чужих детей, поэтому в их действиях отсутствует виновность поведения и положение абз. 5 ст. 69 СК РФ к ним применимо быть не может. Преступные деяния негативно характеризуют ответчиков как личность и человека, но не являются основанием для лишения родительских прав.

Однозначного ответа на толкование положения абз. 5 ст. 69 СК РФ не дает и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 №44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав», указывая лишь то, что родители могут быть лишены родительских прав по основаниям, предусмотренным в ст. 69 СК РФ, только в случае их виновного поведения.

Полагаем, что судебные решения, которыми родителям, совершившим преступления против половой свободы несовершеннолетних, то есть фактически страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), сохранена возможность по освобождению из мест лишения свободы принимать участие в воспитании собственного ребенка, может привести к причинению вреда его психофизическому развитию, сложностям при последующем трудоустройстве, а также не исключается возможность совершения родителем преступле-

ния против половой свободы уже в отношении собственного ребенка.

При этом, в силу абз. 6 ст. 69 СК РФ родители (один из них) могут быть лишены родительских прав, если они являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией. Очевидно, что с учетом особой остроты и общественной опасности преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, наличие у родителя расстройства сексуального предпочтения, должно также учитываться при лишении их родительских прав.

Оптимальным решением обозначенной проблемы, на наш взгляд, является принятие федерального закона о внесении изменений и дополнений в СК РФ, в части совершенствования норм, регламентирующих основания лишения родительских прав.

Полагаем необходимым дополнить ст. 69 СК РФ нормами, предусматривающими возможность лишать родительских прав родителей, которые совершили преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не являющегося для него родным ребенком или членом его семьи, и страдают расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости.

При этом оговоримся, что авторы не придерживаются подобной точки зрения, как единственно правильной и возможной, поскольку лишение родительских прав представляет собой исключительную меру, влекущую за собою серьезные правовые последствия как для родителя, так и для его ребенка [10, с. 18]. На наш взгляд, необходимо совершенствовать и такую предупредительную меру, как ограничение в родительских правах. Однако в настоящее время основным сдерживающим фактором для более широкого применения механизма ограничения родителей в правах является недостаточно четко организованная система работы по выводу семей из кризисных ситуаций [11, с. 74]. Сразу после изъятия ребенка у родителей к работе с ними и ребенком должны подключаться специалисты социальной службы. Именно их сопровождение должно помогать родителям выходить из трудной жизненной ситуации и в конечном итоге снимать наложенное ограничение и приводить к возврату ребенка родителям и восстановлению семейных связей.

В том же время полагаем, что в существующем виде правовой институт лишения родительских прав не позволяет в полной мере защитить права детей от злоупотребления родителями своими правами. На наш взгляд, ситуация при которой в процессе лишения родительских прав учитывается наличие у родителя хронического алкоголизма, но при этом не принимается во внимание наличие у него расстройства

сексуального предпочтения (педофилии), представляется не совсем правильной.

Поэтому, на наш взгляд, целесообразно ст. 69 СК РФ дополнить абзацем 8 следующего содержания: «совершили преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдают расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости».

Представляется, что подобное предложение согласуется с положениями Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений, согласно которой каждое государство обязано принимать все необходимые законодательные или иные меры, направленные на предупреждение всех форм сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений в отношении детей и на защиту детей.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993. С. 11.
2. Указ Президента РФ от 14.09.1995 №942 «Об утверждении Основных направлений государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (Национального плана действий в интересах детей)».
3. Свод Законов РФ от 03.08.1998 №31. Ст. 3802.
4. Бюллетень международных договоров. 2014. №6. С. 15.
5. Указ Президента Российской Федерации от 01.06.2012 №761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // Свод законов РФ. 2012. №23. Ст. 2994.
6. Федеральный закон от 07.06.2017 №109-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и статью 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // Свод законов РФ. 2017. №24. Ст. 3478.
7. Федеральный закон от 07.06.2017 №120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // Свод законов РФ. 2017. №24. Ст. 3489.
8. *Беспалов Ю.Ф.* Семейное законодательство РФ: некоторые дефекты, проблемы правоприменения и направления совершенствования // Семейное и жилищное право. 2018. №2. С. 4-5.
9. Ребенок и семья. Роль государства и общества в профилактике семейного насилия: материалы международной научно-практической конференции. 1 июня 2017 года. Липецк: Издательство «Ритм». 2017. С. 91.
10. *Альбинов И.Р.* Совершенствование норм о лишении родительских прав в контексте мер по укреплению правовой защищенности семьи // Нотариус. 2018. №1. С. 18.
11. Деятельность прокурора по защите прав несовершеннолетних, проживающих в семьях, находящихся в социально опасном положении / [А.В. Гришин и др.]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2014.

Reference list

1. Convention on the rights of the child (approved by the UN General Assembly 20.11.1989) // Collection of international treaties of the USSR. Issue XLVI. 1993. P.11.
2. Decree of the President of the Russian Federation №942 of 14.09.1995 "On approval of the main directions of the state social policy for the improvement of the situation of children in the Russian Federation until 2000 (National action plan for children)".
3. The Code of Laws of the Russian Federation from 03.08.1998 №31. Art. 3802.
4. The Bulletin of international treaties. 2014. №6. P. 15.
5. Decree of the President of the Russian Federation of 01.06.2012 №761 "On the National Strategy for Children for 2012-2017" // The Code of Laws of the Russian Federation. 2012. №23. Art. 2994.
6. Federal Law of 07.06.2017 №109-FL "On amendments to the Federal Law "On the basics of the system of prevention of child neglect and juvenile delinquency" and Article 15.1 of the Federal Law "On information, information technologies and information protection" regarding the establishment of additional mechanisms for countering activities aimed at encouraging children to commit suicide" // The Code of Laws of the Russian Federation. 2017. №24. Art. 3478.
7. Federal Law №120-FL of 07.06.2017 "On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of establishing additional mechanisms for countering activities aimed at encouraging children to commit suicide" // The Code of Laws of the Russian Federation. 2017. №24. Art. 3489.
8. *Bespalov Yu.* Family law of the Russian Federation: Some defects, issues of law enforcement and areas of improvement // Family and housing law. 2018. №2. P. 4-5.

9. The child and family. The role of the state and society in the prevention of family violence: Proceedings of the international scientific and practical conference. 1st of June, 2017. Lipetsk: Publishing House "Ritm". 2017. P. 91.
10. *Al'bikov I.* Improvement of rules on deprivation of parental rights in the context of measures to strengthen the legal protection of the family // Notary. 2018. №1. P. 18.
11. Activities of the Prosecutor to protect the rights of minors living in families in a socially dangerous situation / [A. Grishin, etc.]; Academy of Prosecutor General's Office. M., 2014.

УДК 349.2, 340.142

Васильев И.А.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского государственного университета

ДОГОВОРЫ МЕЖДУ КЛУБОМ И ФУТБОЛИСТОМ КАК КРИТЕРИЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА СПОРТСМЕНА В ПРАКТИКЕ СПОРТИВНОГО АРБИТРАЖНОГО СУДА (CAS)¹

Подход к определению статуса футболиста как профессионала или любителя сформулирован в Регламенте ФИФА по статусу и переходам футболистов. Разграничение профессионалов и любителей положено ФИФА в основу правоотношений футболистов и клубов и последовательно проводится в положениях Регламента. Однако, степень регулирования признаков отнесения спортсмена к одному из двух статусов достаточно невысока. Нам представляется, что это умышленное решение ФИФА, направленное на предоставление дискреции юрисдикционным органам, а также Спортивному арбитражному суду (CAS) рассматривать статус футболиста в каждом деле в зависимости от конкретных обстоятельств. В настоящей статье на примере практики CAS рассматриваются различные договоры, заключаемые между клубом и игроком, и их влияние на определение статуса футболиста в качестве профессионала или любителя.

Ключевые слова: регламент ФИФА по статусу и переходам футболистов, статус футболиста, профессиональный футболист, футболист-любитель, признаки разграничения статусов футболистов, практика Спортивного арбитражного суда (CAS)

Vasil'ev I.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of Theory and History of State and Law of Saint Petersburg State University

AGREEMENTS BETWEEN THE CLUB AND FOOTBALLER AS A FRAMEWORK FOR DETERMINATION OF THE STATUS OF THE SPORTSPERSON IN PRACTICE OF THE COURT OF ARBITRATION FOR SPORT (CAS)

Approach to determining the status of a footballer as a professional or amateur is included in FIFA Regulations on the Status and Transfer of Players. The distinction between professionals and amateurs is provided by FIFA in basis of legal relations between footballers and clubs and consistently conducted in the provisions of the Rules. However, the regulations of the characteristics of the sportsman`s disposition to one of the two statuses is rather low. It seems to us that this is a deliberate decision of FIFA aimed at providing discretion to jurisdictional bodies, as well as to the Court of Arbitration for Sport (CAS) to consider the status of a footballer in each case depending on specific circumstances. In this article, the example of the CAS practice demonstrates various agreements, concluded between the club and the player, and their impact on determining the status of a footballer as a professional or amateur.

Keywords: FIFA Regulations on Status and Transfer of Players, status of footballer, footballer professional, footballer amateur, distinguishes between professional and amateur footballers, practice of Court of Arbitration for Sport (CAS)

Регламент ФИФА по статусу и переходам футболистов (далее – Регламент ФИФА, Регламент) регулирует две группы правил применительно к правоотношениям футболистов и клубов [9]. Обе группы дифференцируются в положениях ст. 1 Регламента

как руководство для нормотворчества национальных ассоциаций, являющихся членами ФИФА.

РФФИ в рамках научного проекта 18-311-00244 «Обобщение и анализ правовых позиций Спортивного арбитражного суда (CAS) в отношении определения статуса профессионального футболиста».

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке

Первая группа правил представлена в ст.ст. 2-8, 10, 11, 12bis, 18, 18bis, 18ter, 19, 19bis Регламента и должна быть имплементирована в регламенты национальных ассоциаций. Что включает в себя данная группа? Во-первых, принципы приобретения и утраты статуса футболиста: профессиональные футболисты и футболисты-любители (ст. 2); повторное приобретение статуса любителя (ст. 3); завершение карьеры футболиста (ст. 4). Во-вторых, принципы регулирования регистрации футболистов: что представляет из себя регистрация (ст. 5); регистрационные периоды (ст. 6); паспорт футболиста (ст. 7); заявительный порядок регистрации (ст. 8); аренда профессиональных футболистов (ст. 10); последствия отсутствия регистрации футболиста (ст. 11); задолженности клубов (ст. 12bis). В-третьих, принципы отношения ФИФА к влиянию третьих лиц на правоотношения клуба и футболиста, а также владения третьими лицами экономическими правами на игроков: специальные условия, относящиеся к контрактам между профессиональными футболистами и клубами (ст. 18); влияние третьей стороны на клубы (ст. 18bis); владение третьей стороной экономическими правами (ст. 18ter). В-четвертых, принципы осуществления международных трансферов несовершеннолетних футболистов: защита прав и интересов несовершеннолетних футболистов (ст. 19); регистрация и ведение реестра несовершеннолетних игроков в футбольных академиях (ст. 19bis).

Вторую группу правил ФИФА рекомендует включать в акты национальных ассоциаций, с учетом положений национального права, включая, при наличии, коллективных соглашений: ст.ст. 13-17 Регламента ФИФА. В настоящей группе присутствуют следующие правила: договоры должны соблюдаться (ст. 13); договоры могут быть расторгнуты по инициативе одной из сторон по основанию нарушения обязательств другой стороной² (ст. 14); договоры могут быть расторгнуты по инициативе профессионального спортсмена по «справедливому основанию»³ (ст. 15); договоры не могут быть расторгнуты в одностороннем порядке в течение сезона (ст. 16); расторжение договора по инициативе одной из сторон без справедливого основания влечет уплату данной стороной компенсации, и размер такой компенсации может быть определен договором (ч.ч. 1, 2 ст. 17); расторжение договора по инициативе одной из сторон без основания влечет применение к ней спортивных санкций (ч.ч. 3-5 ст. 17).

В настоящей статье мы рассмотрим включенные в первую группу правил правоотношения футболистов и клубов, а именно принципы приобретения и утраты статуса футболиста, включая причины такого внимания.

Определение статуса спортсмена как профессионала или любителя имеет значение для пространства на него гарантий, предусмотренных Регламентом ФИФА, а также обуславливает возникновение обязательств клубов вследствие переходов (трансферов) игроков. Статус профессионального игрока определяется в положениях ст. 2 Регламента, согласно которой профессиональным футболистом является лицо, которое подписало трудовой договор с клубом и получает вознаграждение за свою связанную с футболом деятельность в размере, превышающем понесенные им для этого фактические расходы⁴. Соответственно, все не удовлетворяющие данному определению игроки считаются любителями.

Статус футболистом, как можно заметить, зависит от его собственных действий и должен быть зарегистрирован в национальной футбольной ассоциации, с которой аффилирован клуб. Требование о регистрации является императивным: только зарегистрированный за клуб в качестве профессионала или любителя игрок вправе выступать в соревнованиях под эгидой национальной ассоциации. Позиция ФИФА в данном случае вполне понятна: факт регистрации футболиста в национальной ассоциации означает его согласие с регламентирующими актами ФИФА, УЕФА и самой национальной ассоциации. Для регистрации игрока за национальную ассоциацию, как следует из положений ст. 9 Регламента, потребуется получить международный трансферный сертификат от предыдущей ассоциации (International Transfer Certificate). Кроме того, регистрация футболиста как профессионала осуществляется только по представлению в ассоциацию копии трудового договора. Важно отметить, что ассоциация вправе не учитывать любые дополнительные соглашения к договору, которые не были ей предоставлены. При этом профессиональный игрок может вернуться в статус любителя с учетом одного ограничения – он вправе зарегистрироваться как любитель не ранее 30 дней со дня его последнего выступления за клуб в качестве профессионала [9; п. 2 ст. 3]. Статус игрока фиксируется в его паспорте, и, как следует из положений ст. 7 Регламента обязанность обеспечения клуба, за который зарегистрирован футболист, паспортом игрока возложена на национальную ассоциацию. Для этого ассоциация либо выдает паспорт игрока, если он впервые зарегистрирован в качестве футболиста, или передает паспорт от аффилированного с ней клуба, или получает паспорт от другой ассоциации.

Разграничение профессионального и любительского статусов игроков отражается не только на

²Ср. «just cause».

³Ср. «sporting just cause».

⁴«A professional is a player who has a written contract with a club and is paid more for his footballing activity than the expenses he effectively incurs. All other players are considered amateurs».

гарантиях футболистов, но также влияет и на обязательства клубов, с которыми они состоят в трудовых отношениях. Например, переходы (трансферы) профессиональных футболистов при соблюдении условий, закрепленных в вышеуказанном Регламенте, вызывают возникновение между клубами правоотношений по поводу осуществления компенсации за подготовку и обучения игрока [9; ст. 20], выплаты из механизма солидарности [9; ст. 21]. Достаточно интересное исследование в части практики оценки Палатой ФИФА по разрешению споров и CAS договорного отказа сторон от компенсации было осуществлено Fransde Weger [11]. В отношении игроков-любителей Регламент не предлагает таких инструментов выравнивания финансовых возможностей клубов. Другой пример связан с отсутствием для соревнований, в которых принимают участие только футболисты-любители, двух периодов регистрации, зафиксированных в ст. 6 Регламента. Для таких соревнований национальные ассоциации устанавливают собственные периоды регистрации. К международным трансферам игроков-любителей применяются особые положения, закрепленные в Приложении 3 к Регламенту. Если в отношении футболиста-любителя сохраняются санкции, примененные в рамках его предшествующей национальной ассоциации, тогда о таких санкциях предшествующая ассоциация, в соответствии со ст. 12 Регламента, сообщает в текущую ассоциацию в письменной форме. Для аналогичной ситуации с участием профессионального игрока обмен информацией возможен только при помощи специальной информационной системы (Transfer Management System (TMS)).

В практике Палаты вопрос о статусе футболиста возникает в связи со спорами во исполнение трудовых договоров, включая их расторжение в одностороннем порядке, спорами об осуществлении компенсации за подготовку и обучение игрока и выплаты из механизма солидарности.

Важность позиций юрисдикционных органов ФИФА в отношении статуса футболистов затруднительно переоценить, более подробно соответствующие правовые позиции за 2015-2016 гг. нами были последовательно и подробно рассмотрены в некоторых предыдущих публикациях [10; 12]. К примеру, в одном из дел, рассматриваемых Палатой ФИФА по разрешению споров [8], игрок был зарегистрирован за клуб в качестве профессионала до своего 23-летия, и данный клуб был обязан выплатить предыдущему клубу игрока компенсацию за его подготовку и обучение⁵. Аргументом против осуществления такой вы-

платы являлось, согласно позиции зарегистрировавшего клуба, что футболист был зарегистрирован как любитель, а не как профессионал⁶. В подтверждение клуб предоставил копию гражданско-правового договора, направленного на интеграцию футболиста в качестве любителя в команды клуба⁷. Юридической основой такой позиции являлась название контракта «гражданско-правовой договор футболиста-любителя» и то, что игроку была предоставлена стипендия в определенном размере в год для компенсации его расходов, но футболист никогда не получал заработную плату за свои услуги от клуба⁸.

В данном примере отсутствовали трудовые отношения между клубом и футболистом, что должно было, согласно мнению клуба, препятствовать возникновению обязательства по осуществлению компенсации за подготовку и обучение игрока. Вне трудовых отношений, в силу положения ст. 2 Регламента ФИФА, невозможно приобретение статуса профессионального футболиста, а значит и названного нами обязательства. При этом регистрация футболиста, обязательная для клуба, как следует из положений ст. 5 Регламента, может осуществляться на основании разных соглашений. Регистрация в национальной ассоциации за конкретным клубом является условием, чтобы игрок выступал за клуб в статусе профессионала или любителя. Аргументация заявителя строилась вокруг опровержения будто бы существующей презумпции определения национальной ассоциацией игрока в результате регистрации⁹. Помимо регистрации ассоциацией игрока, такой презумпцией не может и не должно обладать ни название представленного договора между клубом и футболистом, ни даже статус, который указан в Системе ФИФА отслеживания трансферов (Transfer Market System (TMS)). Поэтому, согласно позиции клуба, даже рассматриваемый в деле «гражданско-правовой договор футболиста-лю-

EUR 180,000, plus 5% interest p.a. as from 28 September 2014 and the reimbursement of the advance of costs in the amount of CHF 4,000».

⁶ Cp. «...the Respondent rejected the Claimant's claim for the payment of training compensation, stating that the player was registered with it as an amateur».

⁷ Cp. «... non-professional civil contract», the object of which is the «integration of the player in any of the teams of [the Respondent] as a non-professional player».

⁸ Cp. «... concluded a non-professional civil contract with the player and that the player was registered with its youth team as an amateur. In particular, the Respondent referred to the wording of the contract and asserted that the player was granted a scholarship in the amount of EUR 3,000 per year in order to compensate his expenses, but that he never received a salary from the Respondent».

⁹ Cp. «... status indicated by a National Association on registration forms, the denomination of the contract concluded or TMS do not supersede art. 2 par. 2 of the FIFA Regulations on the Status and Transfer of Players».

⁵ Cp. «Claimant asserted that it appeared that the player was registered as a professional for the first time with the Respondent before the end of the season of the player's 23rd birthday and that, consequently, it was entitled to receive training compensation from the Respondent in the amount of

бителя» не может менять критерии определения статуса игрока в качестве профессионала или любителя, изложенные в ст. 2 Регламента.

Палате по разрешению споров потребовалось рассмотреть «гражданско-правовой договор футболиста-любителя» не с точки зрения его названия, а определяя природу отношений между сторонами на основании изучения условий такого соглашения. В данном случае договор предусматривал условие о праве клуба в одностороннем порядке продлить правоотношения сторон. Клуб воспользовался условием и на следующий сезон назначил футболисту стипендию, в шесть раз превышающую предыдущую, а также оплату проживания и текущих расходов, плюс бонусы за выступление в играх первой команды клуба. Кроме того, договор включал условие об обязательстве игрока в случае расторжения им соглашения в одностороннем порядке, возместить клубу стоимость его подготовки в определенном размере¹⁰. Палата по разрешению споров провела сравнение между критериями профессионального статуса футболиста, перечисленными в положениях ст. 2 Регламента ФИФА, и суммы, причитающиеся игроку согласно рассматриваемому договору. Проведя такое сравнение, не остается другого вывода, кроме как признания, что игрок получал за свою деятельность в качестве футболиста больше, чем просто компенсацию понесенных им затрат¹¹. В этой связи важно подчеркнуть, что заработная плата игрока, как условие статуса профессионального игрока в соответствии с положениями ст. 2 Регламента представляет определяющий признак

¹⁰ Ср. «... contract contained a provision stipulating that the player would render his services to the Respondent as a nonprofessional player and that, for the season 2014/2015, the player was entitled to receive from the Respondent a scholarship in the amount of EUR 3,000 in order to compensate his expenses. Furthermore, the DRC judge noted that the contract indicated that, for the season 2015/2016, in the event the Respondent decided to exercise the unilateral option to extend the contract, the player would be entitled to receive the amount of EUR 18,000 plus the accommodation and maintenance expenses. Equally, the DRC judge noted that the contract provided for bonus payments ranging from EUR 50 to EUR 500 in case the player would be called or played with the Respondent or with its first team and that, should the player terminate the contract before the expiration date, he would have to reimburse to the Respondent the training costs up to the amount of EUR 700,000».

¹¹ Ср. «Taking into consideration the criteria set out in art. 2 par. 2 of the Regulations as well as the amounts payable to the player on the basis of the aforementioned contract, the DRC judge concluded that it was beyond a doubt that the player was in fact paid more for his footballing activity than the expenses he effectively incurred. In this regard, the DRC judge was eager to emphasize that a player's remuneration as per the criteria set out in art. 2 par. 2 of the Regulations constitutes the decisive factor in the determination of the status of the player and that the legal nature or the designation of the contract is of no relevance in this regard».

в определении статуса футболиста и что выявление юридической природы и названия и предназначения договора не имеет в данном случае никакого значения. Настоящий подход был ранее подтвержден Спортивным арбитражным судом (далее – CAS, арбитраж) в решении Arbitration CAS 2006/A/1177 Aston Villa FC v. B.93 Copenhagen [3], в котором арбитраж отметил, что определение профессионального статуса, представленное в Регламенте ФИФА является только основой для определения статуса игрока и индивидуально дополняется разными признаками. Данное решение Спортивного арбитражного суда достаточно часто приводится в практике юрисдикционных органов УЕФА и CAS, поэтому мы подробно прокомментируем его в одном из наших следующих исследований. Для полноты картины, Палата подчеркнула, что согласно данному решению CAS классификация игрока, проведенная национальной ассоциацией или его клубом, не предопределяет статус футболиста¹². Следовательно, в настоящем споре игрок являлся профессиональным футболистом, несмотря на заключение с ним «гражданско-правового договора футболиста-любителя» и внесение его национальной ассоциацией в регистрационные формы как любителя. Поэтому его клуб, зарегистрировавший игрока по данному договору до 23 лет, обязан осуществить компенсацию за подготовку и обучение футболиста предыдущему клубу.

Толкование сформулированных в Регламенте обязательных и рекомендательных правил регулирования труда профессиональных футболистов, а также позиций в отношении их содержания, высказанных вышеуказанными юрисдикционными органами ФИФА при разрешении споров, последовательно осуществляется в практике Спортивного арбитражного суда. В настоящем исследовании мы обратимся к фундаментальным позициям CAS, связанным с оценкой влияния в той или иной ситуации конкретного договора между игроком и клубом на профессиональный или любительский статус.

В решении **Arbitration CAS 2004/A/691 FC Barcelona SADv. Manchester United** [1] арбитражу потребовалось дать оценку предварительному договору¹³ и сравнить его с «не профессиональным ученическим договором»¹⁴. В данном деле несовершеннолетний игрок подписал договор футболиста-любителя и предварительный договор с клубом, причем приложением к последнему являлся проект трудового договора.

При решении такой задачи CAS предложил не рассматривать обе договорные модели совместно, а обратиться к их исследованию отдельно. Трудовой

¹² Ср. «...classification of a player made by the association of his club is not decisive to determine the status of a player».

¹³ Ср. «Pre-Contract».

¹⁴ Ср. «non-professional Scholarship Agreement».

договор и предварительный договор в рассматриваемом деле в действительности различались. Первый не вступал в юридическую силу автоматически благодаря соблюдению каких-либо его условий, а требовал отдельного согласия на то клуба и футболиста [1; para 26]. Именно такое понимание трудового договора было фактически подтверждено самим клубом, который послал игроку проект трудового договора¹⁵. Такой проект существенно отличался от предварительного договора, но никогда не подписывался футболистом. Однако клуб занял позицию [1; para 27], согласно которой он рассматривал договор с игроком-любителем и предварительный договор как содержащие действительные и подлежащие исполнению сторонами обязательства, а CAS не должен предрешать действительность и квалификацию потенциального нарушения игроком трудовых отношений на основании договора с любителем и предварительного договора¹⁶.

Как не трудно заметить, клуб в рассматриваемом споре предлагал фактически легализовать третий статус футболиста: наряду с профессиональным игроком и любителем, находящийся между ними «обучающийся». И соответственно заключать со спортсменом «договор на обучение», не влекущий приобретения статуса профессионального игрока. Однако, CAS обоснованно возразил введению такой конструкции в правоотношения клуба и футболиста [1; para 31]: в положениях Регламента ФИФА не отмечается множества контрактов: игрок является либо профессионалом, либо любителем, в зависимости от соответствия предъявляемым к тому критериям¹⁷.

¹⁵ Cp. «The Appellant derives its complaint from the Amateur Contract and the Pre-Contract. As to the Employment Contract, the Appellant stated in its written submissions that the same was to enter into force “if agreed” latest on 1 January 2005. It is evident from the terms of the PreContract (whereas under clause TWO “the parties undertake [...] to sign and commence the working relationship”, whereas “non-signature of the contract of employment by F.C. Barcelona or the Player” would bring about the consequences of clause FIVE of the Pre-Contract and whereas under SEVEN the “annexed model contract of employment” was to be registered) that the Employment Contract was not to enter automatically into force upon fulfilment of any conditions, but required a separate consensus of the parties. Such understanding was confirmed by the conduct of the Appellant which sent to the Player a new draft of an employment contract (the “Proposed Employment Contract”) in February 2004. The Proposed Employment Contract differed slightly from the Employment Contract and had a start and ending date but was never signed by the Player».

¹⁶ Cp. «...it considered only the Amateur Contract and the Pre-Contract to contain valid and enforceable obligations. The Panel has thus not to decide on the validity, the qualification or the potential breach by the Respondent of the Employment Contract».

¹⁷ Cp. «... construction of a third category of “training contracts”, standing between mere amateur and professional employment contracts has no basis in the applicable FIFA Regulations. Article 1 of the FIFA Regulations is unequivocal to this point and

Клуб аргументировал любительский характер заключенного с футболистом договора совокупностью представленных в деле фактов: (1) название контракта, (2) прямое исключение применения закона государства, регулирующего отношения с профессиональными игроками; (3) игроку не было в то время, когда он подписал контракт, 16 лет. Все это в совокупности, как полагал клуб [1; para 32], говорит о том, что футболист был слишком молод, чтобы законно вступить в трудовые отношения в соответствии с трудовым законодательством Испании¹⁸.

По умолчанию, некий «предварительный договор» как таковой не меняет статус футболиста как любителя, если не содержит ни одного из условий, которые определяют спортсмена как профессионала, в соответствии с положениями ст. 2 Регламента ФИФА. Очень важно подчеркнуть, что в данном решении арбитраж обратил внимание [1; para 33], что признаки, свидетельствующие о профессиональном статусе футболиста, должны были в данном деле быть включены в проект трудового договора¹⁹. При этом на статус игрока не влияет гипотетическое нарушение норм национального законодательства, если оно препятствует заключению трудового договора при наличии действующего договора футболиста-любителя и (или) предварительного договора.

Одностороннее расторжение трудового договора рассматривается в группе принципов ФИФА о поддержании контрактной стабильности между игроками и клубами, выраженных в положениях Главы IV Регламента (в действующей редакции, а на момент рассмотрения спора – Глава VIII). Оценивая действие статей главы по кругу субъектов, CAS пришлось

there is no subset of “training” contracts: According to the FIFA Regulations, a player is either an amateur or a non-amateur, depending whether he meets the requirements of art. 2 para. 1 and art. 2 para. 2 (amateur) or art. 2 para. 3 (non-amateur). Tertium non datur».

¹⁸ Cp. «As the Amateur Contract evidences, the remuneration offered to the Player did not exceed the actual expenses incurred by the Player through its football activity. Further elements confirm that the Amateur Contract was to establish an amateur football player relationship between the Player and the Appellant in the terms of art. 2 para. 1 of the FIFA Regulations; i.e. the title of the contract, the explicit exclusion of Royal Decree 1006/1985 (regulating the labour relationship of professional players), and, ultimately, the fact that the Player was, at the time when he signed the Contracts, not yet 16 years old and thus too young to validly enter an employment relationship under Spanish Labour Law (cf. art. 7 of the “Estatuto del Trabajador”)».

¹⁹ Cp. «This result remains the same if the Amateur Contract and the Pre-Contract are not reviewed jointly but individually. Also the Pre-Contract per se did not change the Player’s status as an amateur since it did not contain any of the elements which define a non-amateur according to art. 2 para. 3 of the FIFA Regulations. Such elements were conditional only upon signing of the Employment Contract».

решать дилемму: распространяются ли положения главы на договоры клубов и футболистов с любым статусом или только с игроками-профессионалами? В действующей редакции Регламента Глава IV прямо говорит о договоре между клубом и профессиональным игроком: «Контрактная стабильность между клубом и профессионалом». Однако, в редакции Регламента на период возникновения спора была еще большая неопределенность в регулировании, поэтому арбитражу пришлось высказаться по этому вопросу. Так, признавая существующее нечеткость в регулировании, CAS, основываясь на контексте Регламента и направленности его норм, сделал вывод, что глава о контрактной стабильности распространяется на договоры, не являющиеся соглашениями с игроками-любителями в том смысле, который придается им положениями ст. 2 Регламента. Таким образом, позиция арбитража в данном деле повлекла впоследствии уточнение содержания главы о контрактной стабильности в последующих редакциях Регламента ФИФА. Вместе с тем, данный Регламент регулирует юридические и экономические аспекты трансфера футболистов в соответствии с принципом свободного перемещения работников [7], поэтому все его положения по вопросам свободы трансфера футболистов должны толковаться буквально.

В решении по делу CAS 2004/A/691 FC Barcelona SAD v. Manchester United арбитраж обратил внимание на отказ от формального восприятия договорных отношений клуба и футболиста при определении статуса последнего. Если между сторонами заключено соглашение, именуемое договором с футболистом-любителем, то это не презюмирует и не предопределяет его статус, в отличие от фактического содержания. Так, если игрок на основании договора никогда не получал вознаграждения, кроме возмещения понесенных им в силу участия в любой деятельности, связанной с футболом, расходов, тогда он является любителем [1; para 44]. В данном споре CAS признал, что футболист, подписывая договор с клубом, являлся игроком-любителем, и на его статус не повлияло заключение предварительного договора.

В деле **Arbitration CAS 2006/A/1027 Blackpool F.C. v. Club Topp Oss** [2] арбитраж разобрал достаточно сложную ситуацию о природе предшествующих договорных отношений футболиста с несколькими клубами. С последним из клубов игрок заключил в письменной форме трудовой договор, что свидетельствует о выплате данным клубом экономической стоимости услуг футболиста в соответствии с обязательствами, которые игрок вправе был ожидать в силу заключенного договора. Подобная ситуация не была обнаружена в правоотношениях игрока с другим клубом где отсутствовал договор в письменной форме. Поскольку футболисту были выплачены определенные бонусы,

схема оплаты труда игрока со стороны последнего клуба существовала и документально была подтверждена. В результате CAS обоснованно пришел к выводу о профессиональном статусе игрока.

При рассмотрении спора **Arbitration CAS 2010/A/2069 Galatasaray A.S. v. Aachener TSV Alemannia F.C.** [4] арбитраж поддержал высказанную им ранее в решении Arbitration CAS 2006/A/1177 Aston Villa FC v. B.93 Copenhagen [3; para 7.4.5] позицию о критерии разграничения профессионального и любительского статусов футболистов²⁰. В положениях ст. 2 Регламента выделяется единственный критерий, такого разграничения – если игроку выплачивается больше, чем фактически понесенные расходы в связи с его профессиональной деятельностью за клуб. Таким образом, получение футболистом любого вознаграждения в размере, большем, чем расходы, понесенные им при участии в любой деятельности за клуб, связанной с футболом, указывают на получение им статуса профессионала [4; para 18].

Обязательства клубов по осуществлению компенсации за подготовку и обучение футболиста, связанные с профессиональным статусом, подробно были рассмотрены в деле **Arbitration CAS 2015/A/4214 Nömme JK Kaljuv. FK Olimpik Sarajevo** [6]. Обращаясь к положениям ст. 20 Регламента ФИФА и п. 1 ст. 2 Приложения 4 к Регламенту, арбитраж отметил, что компенсация выплачивается клубу игрока: (1) когда игрок подписывает свой первый контракт в качестве профессионала и зарегистрирован как профессионал; (2) каждый раз, когда профессиональный игрок переходит по трансферу в клуб другой ассоциации (как во время, так и в конце его контракта) до конца сезона 23-го дня рождения²¹. Кроме того, согласно п. 1 ст. 3 Приложения 4 к Регламенту, «... для каждого последующего перехода профессионального игрока до конца сезона его 23-го дня рождения только последний клуб, за которым был зарегистрирован футболист, имеет право на получение компенсации за период, в течение которого игрок был фактически зарегистрирован за

²⁰ Cp. «The only relevant criterion according to this provision is thus one of remuneration. In the Panels' view, the receipt by the player of any remuneration other than for the actual expenses incurred during the course of their participation in or for any activity connected with association football is what alone distinguishes an amateur from a non-amateur player».

²¹ Cp. «Training compensation shall be paid to the player's training club(s): (1) when a player signs his first contract as a professional and (2) each time a professional is transferred until the end of the season of the 23rd birthday», just as article 2 paragraph 1 of Annexe 4 of the Regulations provides, inter alia, that «Training compensation is due when: i. a player is registered for the time as a professional; or ii. A professional is transferred between clubs of two different associations (whether during or at the end of his contract) before the end of his season of his 23rd birthday».

этот клуб»²². Обращаясь к положениям п. 2 ст. 3 Регламента ФИФА, следует выделить еще одну гарантию для предыдущего клуба футболиста: если игрок перерегистрируется в качестве профессионала в течение 30 месяцев после его восстановления в качестве любителя, его новый клуб выплачивает компенсацию за подготовку и обучение в соответствии со ст. 20²³. Как отметил CAS, это положение защищает работу, проводимую клубами на более раннем этапе в случае, когда игрок должен вернуться к профессиональному статусу после того, как он изменил свой статус с профессионального на любителя на более ранней стадии своей карьеры [6; para 79].

В деле **Arbitration CAS 2015/A/4148 & 4149 & 4150 Sheffield Wednesday FC v. Louletano Desportos Clube & Internacional Clubede Almancil & Associação Académica de Coimbra** [5] арбитраж обратил внимание на иррелевантность размера превышения фактически понесенных футболистом затрат. Отличительный признак профессионального игрока, как мы отмечали, – когда выплаты больше, чем затраты, понесенные в результате осуществления им деятельности за клуб, связанной с футболом. И, как считает CAS, не имеет значения, насколько больше: «намного» или «немного» [5; para 4], так как Регламент ФИФА не фиксирует минимальный размер оплаты труда профессионального футболиста. Значит, игрок может рассматриваться как профессионал даже если им подписан трудовой договор с незначительной оплатой труда.

Перечисленные нами в настоящем исследовании принципы Регламента ФИФА относятся, на первый взгляд, к гражданскому праву, например, «contracts must be respected», или принципы, которые закрепляют основы компенсаций. Но при этом, существуют некоторые аспекты «спортивного» характера в связи с договором между клубом и футболистом (к примеру, «contracts may be terminated by Professionals for sporting just cause»), являющиеся примером области трудо-правового регулирования, если проводить сравнение с российским правовым порядком.

Спортивный арбитражный суд в процессе разрешения споров о статусе футболиста в зависимости от содержания заключенного договора, позволяет уточнять содержания положений Регламента ФИФА, как нами было продемонстрировано на примере дела Arbitration CAS 2004/A/691 FC Barcelona SADv. Manchester United FC. Такое влияние распространяет-

ся и регламентирующие акты национальных спортивных ассоциаций, обязанных выстраивать свое регулирование субординационно и на основе актов ФИФА. Такие процессы сегодня являются, пожалуй, распространенными и потому вполне естественными [13; 14].

Заключение клубом и футболистом какого-либо соглашения («гражданско-правового договора с любителем», «предварительного договор» с приложением проекта трудового контракта и т.п.), не презюмирует и не предопределяет статус футболиста, в отличие от фактического содержания. По аналогии и название контракта не играет большой роли при определении профессионального или любительского статуса игрока.

В основном CAS в рассмотренных нами спорах, касающихся разграничения статусов профессионального игрока и любителя, анализирует критерий разграничения фактических расходов и оплаты труда. Правда, подчеркнем, что это не говорит о перевесе при регулировании статуса футболиста в сторону иных отношений, к примеру – гражданско-правовых, в сравнении с трудовыми.

Проанализированные решения Спортивного арбитражного суда свидетельствуют о наличии отношений найма между клубами и футболистам. Но, как представляется, это не свидетельствует в пользу гражданско-правового регулирования таких отношений. Права на регистрацию футболистов (экономические права) предоставляют особый «товар», но за ними находится цель использования труда спортсмена, трудовая деятельность, которая неотделима от игрока, следовательно, природа отношений между клубом и футболистом с точки зрения российской правовой системы – трудо-правовая.

Вопрос, который возникает из квалификации статуса футболиста – обязательно ли наличие письменного трудового договора для того, чтобы игрока являлся профессионалом? Как нами было отмечено, в деле Arbitration CAS 2006/A/1027 Blackpool F.C. v. Club Torr Oss, арбитраж счел, что не имеет значение название контракта, а важны понесенные в его исполнение клубом фактические расходы как признак трудовых отношений, превышающие размер компенсации игроку понесенных им расходов. Но, например, в нашей правовой системе мы разграничиваем фактический трудовой договор и трудовой оговор как юридический факт. Если нет письменного документа, будет ли это говорить об отсутствии статуса профессионала? Получается, что CAS следует логике ФИФА и требует наличия заключенного в письменной форме договора, не ограничивая его правовую природу исключительно «трудовым договором»²⁴. В этом возможно усмотреть различие с нашей правовой системой.

²² Cp. «For every subsequent transfer of a professional player until the end of the season of his 23rd birthday, only the last club for which the player was registered is entitled to training compensation for the period that the player was effectively registered for this club».

²³ Cp. «If a player re-registers as a professional within 30 months of being reinstated as an amateur his new club shall pay training compensation in accordance with article 20».

²⁴ Cp. вп. 2 ст. 2 Регламента ФИФА: «A professional is a player who has a written contract with a club...»

Другой вывод, который можно сделать по итогам проанализированной практики CAS заключается в том, что любые затраты, понесенные игроком вследствие участия в матче или тренировке за клуб, к примеру, транспортные расходы, расходы на проживание, стоимость страховки, стоимость экипировки могут быть возмещены игроку, не ставя под угрозу его любительский

статус. Формулируя положения ст. 2 Регламента, ФИФА оставила возможность для широкого усмотрения клубом и футболистом их правоотношений в экономическом аспекте, не навязывая жесткого перехода между статусами при выполнении некоего условия (которым могло быть, например, максимальная сумма компенсации клубом фактически понесенных игроком затрат).

Список литературы

1. Arbitration CAS 2004/A/691 FC Barcelona SAD v. Manchester United FC, award of 9th of February 2005 // <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/691.pdf> (дата обращения: 20.06.2018).
2. Arbitration CAS 2006/A/1027 Blackpool F.C. v. Club Topp Oss, award of 13th of July 2006 // <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/1027.pdf> (дата обращения: 20.06.2018).
3. Arbitration CAS 2006/A/1177 Aston Villa FC v. B.93 Copenhagen, award of 28th of May 2007 // <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/1177.pdf> (дата обращения: 20.06.2018).
4. Arbitration CAS 2010/A/2069 Galatasaray A.S. v. Aachener TSV Alemannia F.C., award of 16th of August 2010 // <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/2069.pdf> (дата обращения: 20.06.2018).
5. Arbitration CAS 2015/A/4148 & 4149 & 4150 Sheffield Wednesday FC v. Louletano Desportos Clube & Internacional Clube de Almancil & Associação Académica de Coimbra, award of 17th of February 2016 // <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/4148,%204149,%204150.pdf> (дата обращения: 20.06.2018).
6. Arbitration CAS 2015/A/4214 Nömme JK Kalju v. FK Olimpic Sarajevo, award of 28th of April 2016 // <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/4214.pdf> (дата обращения: 20.06.2018).
7. Case C-415/93 Union Royale Belge des Societes de Football Association v. Jean-Marc Bosman, Royal Club Liegeois SA v. Jean-Marc Bosman and others, Union des Associations Europeennes de Football (UEFA) v. Jean Marc Bosman (Bosman). Judgment of 15. 12. 1995 // [http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?pro=&nat=or&oq=&dates=&lg=&language=en&jur=C%2CT%2CF&cit=none%252CC%252CCJ%252CR%252C2008E%252C%252C%252C%252C%252C%252C%252Ctrue%252Cfalse%252Cfalse&td=%3BALL&pcs=Oor&avg=&page=1&mat=or&parties=Bosman&jge=&for=&cid=551828](http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?pro=&nat=or&oq=&dates=&lg=&language=en&jur=C%2CT%2CF&cit=none%252CC%252CCJ%252CR%252C2008E%252C%252C%252C%252C%252C%252C%252C%252Ctrue%252Cfalse%252Cfalse&td=%3BALL&pcs=Oor&avg=&page=1&mat=or&parties=Bosman&jge=&for=&cid=551828) (дата обращения: 20.06.2018).
8. Decision of the Dispute Resolution Chamber (DRC) judge passed in Zurich, country B, on 25th of September 2015 // <https://www.fifa.com/about-fifa/official-documents/governance/dispute-resolution-chamber.html> (дата обращения: 20.06.2018).
9. Regulations on the Status and Transfer of Players // <https://www.fifa.com/about-fifa/official-documents/law-regulations/index.html> (дата обращения: 20.06.2018).
10. *Vasiliev I., Aroyan M.* The main issues on paying the Training Compensation in 2015 FIFA Dispute Resolution Chamber's Cases // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2017. №4. С. 479-499.
11. *Weger F.* Training compensation and the relevance of a valid waiver // International Sports Law. 2013. Vol.13. Issue 3-4. Pp. 236-241.
12. *Ароян М.Ю., Васильев И.А.* Основные проблемы осуществления клубами компенсации за подготовку и обучение футболиста: обзор практики Палаты ФИФА по разрешению споров за 2016 г. // Петербургский юрист. 2017. №2. С. 74-90.
13. *Дорская А.А.* Основные способы интернационализации права: история и современность. В сборнике: Актуальные проблемы юридической науки и практики. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2017. С. 40-44.
14. *Дорская А.А.* К вопросу об основных этапах интернационализации права // Юридическая наука. 2017. №3. С. 45-51.

Reference list

1. Arbitration CAS 2004/A/691 FC Barcelona SAD v. Manchester United FC, award of 9th of February 2005 // <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/691.pdf> (date of access: 20.06.2018).
2. Arbitration CAS 2006/A/1027 Blackpool F.C. v. Club Topp Oss, award of 13th of July 2006 // <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/1027.pdf> (date of access: 20.06.2018).
3. Arbitration CAS 2006/A/1177 Aston Villa FC v. B.93 Copenhagen, award of 28th of May 2007 // <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/1177.pdf> (date of access: 20.06.2018).
4. Arbitration CAS 2010/A/2069 Galatasaray A.S. v. Aachener TSV Alemannia F.C., award of 16th August 2010 // <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/2069.pdf> (date of access: 20.06.2018).
5. Arbitration CAS 2015/A/4148 & 4149 & 4150 Sheffield Wednesday FC v. Louletano Desportos Clube & Internacional Clube de Almancil & Associação Académica de Coimbra, award of 17th of February 2016 // <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/4148,%204149,%204150.pdf> (date of access: 20.06.2018).

6. Arbitration CAS 2015/A/4214 Nömmе JK Kalju v. FK Olimpic Sarajevo, award of 28th of April 2016 // <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/4214.pdf> (date of access: 20.06.2018).
7. Case C-415/93 Union Royale Belge des Societes de Football Association v. Jean-Marc Bosman, Royal Club Liegeois SA v. Jean-Marc Bosman and others, Union des Associations Europeennes de Football (UEFA) v. Jean Marc Bosman (Bosman). Judgment of 15. 12. 1995 // <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?pro=&nat=or&oqp=&dates=&lg=&language=en&jur=C%2CT%2CF&cit=none%252CC%252CCJ%252CR%252C2008E%252C%252C%252C%252C%252C%252C%252Ctrue%252Cfalse%252Cfalse&td=%3BALL&pcs=Oor&avg=&page=1&mat=or&parties=Bosman&jge=&for=&cid=551828> (date of access: 20.06.2018).
8. Decision of the Dispute Resolution Chamber (DRC) judge passed in Zurich, country B, on 25th of September 2015 // <https://www.fifa.com/about-fifa/official-documents/governance/dispute-resolution-chamber.html> (date of access: 20.06.2018).
9. Regulations on the Status and Transfer of Players // <https://www.fifa.com/about-fifa/official-documents/law-regulations/index.html> (date of access: 20.06.2018).
10. *Vasil'ev I., Aroyan M.* The main issues on paying the Training Compensation in 2015 FIFA Dispute Resolution Chamber`s Cases // Bulletin of Saint Petersburg State University. Law. 2017. №4. P. 479-499.
11. *Weger F.* Training compensation and the relevance of a valid waiver // International Sports Law. 2013. Vol.13. Issue 3-4. Pp. 236-241.
12. *Aroyan M., Vasil'ev I.* Main issues on training compensation: Dispute resolution chamber`s practice for 2016 // Peterburgskiy Yurist. 2017. №2. P. 74-90.
13. *Dorskaya A.* The main ways of internationalization of law: History and modernity. In the proceedings: Topical issues of legal science and practice. Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, 2017. P. 40-44.
14. *Dorskaya A.* On the main stages of internationalization of law // Legal science. 2017. №3. P. 45-51.

УДК 34.023

Игнатьева М.В.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

НАРУШЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТРАВМА: ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ¹

В статье рассматриваются юридические аспекты восприятия нарушения прав человека как социальной травмы. Проведён исторический экскурс становления системы прав человека на национальном и международном уровнях. К социальным травмам, которые могут быть преодолены с помощью правовых средств, отнесены геноцид, расовая дискриминация, ограничение политических прав граждан, ограничение на доступ информации, сокращение доступа к культурным ценностям. Особое внимание уделено такому преступлению международного характера как терроризм, наносящий огромный удар по обществу и имеющий травматические последствия на протяжении долгого времени. Показано, что на современном этапе к социальным травмам можно отнести несоблюдение социально-экономических прав и свобод граждан, таких как достойный уровень заработной платы, наличие жилья, работы, доступность образования и социального страхования. Выявлена специфика России, рассмотрены основные нарушения трудового законодательства, а именно незаконное задержание заработной платы, незаконное увольнение работников, незаконно наложенные дисциплинарные взыскания и другие нарушения.

Ключевые слова: права и свободы личности, правовое государство, социальная травма, политический институт, социальные проблемы

Ignat'eva M.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of International Law
of Herzen State Pedagogical University of Russia

HUMAN RIGHTS VIOLATION AS A SOCIAL TRAUMA: THE LEGAL DIMENSION

The article discusses the legal aspects of perception of human rights violation as a social trauma. A historical review of the formation of the human rights system is conducted at the national and international levels. Social traumas that can be overcome by legal means include genocide, racial discrimination, restriction of political rights of citizens, restriction on access to information, reduction of access to cultural values. Particular attention is paid to such crime of international significance as terrorism, which is a huge blow to society and it has traumatic consequences for a long time. It is shown that at the present stage social traumas include non-compliance with social-economic rights and freedoms of citizens, such as decent wages, availability of housing, work, access to education and social security. The specificity of Russia is revealed, the major violations of labour legislation, that is non-payment of wages, illegal dismissal of workers, illegally imposed disciplinary sanctions or other violations are considered in this article.

Keywords: rights and freedoms of personality, constitutional state, social trauma, political institution, social problems

Как известно, центральным институтом конституционного права являются права и свободы человека и гражданина, который содержит нормы в этой сфере и регулирует взаимоотношения государства и личности, а также регулирует их правовой статус [4, с.76-152].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-011-01233 «Правовой

Всем известен тот факт, что нарушение основных прав и свобод человека встречаются достаточно часто и происходят в результате бездействия или незаконных действий органов государственной власти. В связи с этим происходит нарушение в обычном укладе жизни граждан, тем самым нарушаются нормы Основного закона государства.

фактор в динамике социальной травмы: российский опыт»

Как цитировать статью: Игнатьева М.В. Нарушение прав человека как социальная травма: правовое измерение // Вестник Академии права и управления. 2018. № 3(52). с. 60–63

В настоящее время, как и раньше [3, с.213-224], достаточно часто стали проявляться межконфессиональные, а также, политические и социальные конфликты, которые порождают, так называемые социальные травмы, не только в самом государстве, но и во всем мире.

Необходимо отметить, что еще с древности вопросы о свободе личности, отношений ее с государством поднимались практически во всех учениях. А главное место занимали вопросы защиты прав и основных свобод человека, которые стали проявляться достаточно рано, в том числе и в международных отношениях между государствами.

Еще в средневековой Западной Европе появились первые упоминания об элементах системы защиты прав человека. Так, например, в Англии права человека были зафиксированы уже в Великой хартии вольностей 1215 года. Великая хартия вольностей во многих отношениях обогнала свое время и стала востребованной лишь в эпоху нового времени.

Международно-правовая защита прав и свобод человека начала формироваться уже в буржуазную эпоху. Гуго Гроций в своей книге «О праве войны и мира» (1625г.) писал о справедливости войны ради защиты «чужих подданных, если над ними творят явное беззаконие» [1, с. 154].

Общеизвестно, что формирование общего представления о правах человека начало формироваться в XVI-XIX веках в самых передовых странах Западной Европы. В конце XVII века первое место в этой сфере снова заняла Англия, именно там появился закон о неприкосновенности личности (Habeas Corpus Act 1679), помимо этого впервые были четко сформулированы идеи «естественных прав» в трудах Дж. Локка.

Следующим шагом в развитии прав человека стало принятие двух документов: Декларации прав человека и гражданина во Франции 1789 и Билля о правах в США 1791 г.

Постепенно стали вырабатываться основные элементы механизма защиты прав человека. Так, на Венском конгрессе 1815 года была принята Декларация, которая осуждала торговлю людьми, дальнейшее закрепление этого вопроса произошло в Брюссельских актах 1890 года и в действующем по сей день Женевском соглашении 1926 года [7, с. 67].

Очень серьезным шагом в этой области стала кодификация правил ведения войны и защиты жертв вооруженных конфликтов в Женевских конвенциях 1864, 1906, 1929 гг., Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг. Эти документы особо отметили гуманитарную направленность в международном праве. Эти документы установили определенные обязательства государств в отношении граждан [10, с. 286].

В настоящее время Россия активно участвует в разрешении проблем в сфере правозащитной дея-

тельности, а также в поиске решений международных проблем, связанных с взаимодействием государств в области прав человека, которые необходимы для развития международных отношений.

Стоит отметить, что Всеобщая декларация прав человека 1948 г. стала основой для всех международно-правовых документов в этой сфере. Все основные документы в области прав человека разрабатывались, опираясь на её основные положения.

Изучая данный вопрос, можно увидеть то, что в современном обществе постоянно происходят нарушения прав человека, которые включают в себя следующее: ограничение свободы граждан; преследование отдельных категорий лиц; уничтожение культурного наследия; ограничение свободы слова и прочее.

Эта проблема стала привлекать внимание мировой общественности. В связи с этим были сделаны некоторые шаги для урегулирования проблем в этой сфере. К таким шагам следует отнести принятие Европейским Союзом в 2000 году Хартии Европейского Союза об основных правах. Этот документ представляет собой совокупность всех прав и признается в качестве основных.

В 1996 году Россия вступила в Совет Европы, а через два года ратифицировала Европейскую Конвенцию защиты прав человека и основных свобод. Граждане России получили возможность защищать свои права в Европейском Суде по правам человека [6, с. 5].

Удивительно, но в современном мире основное место во многих сферах, особенно в сфере прав человека, занимает не какой-либо успех или развитие, а наоборот пробелы и промахи, все это составляет так называемые социальные события, которые приводят к травмам.

В современных условиях при процессах перестройки общественной жизни и уклада, требуются немалые усилия по преодолению социальных конфликтов и социальных травм в обществе.

На экономическое, политическое и социальное развитие государства огромное влияние оказывает, так называемая «рассогласованность правовых норм», которая и приводит к социальным травмам.

Социальная травма в современном обществе имеет свои специфические черты: затруднительное преодоление социальной травмы обществом; существующее социальное неравенство населения; и самое основное — это рост преступности.

В связи с этим, нельзя говорить о том, что социальная травма зависит только от неэффективности права. Последствия социальной травмы гораздо шире и ощущаются в повседневной жизни общества.

В современном мире в различных государствах существуют различные модели взаимоотношений в сфере соблюдения прав и свобод человека. Каждое государство при определенных условиях и обстоятельствах может изменять содержание социальных прав

человека. При чрезвычайных обстоятельствах государство может приостанавливать реализацию определенных прав и ограничивать свободу определенных лиц.

Однако и в этом случае должны присутствовать определенные границы на соблюдение прав и свобод личности, которые нельзя нарушать. При этом личные права человека не могут быть ограничены или отменены.

Анализируя опыт государств, можно выделить основные нарушения прав человека, которые происходили со стороны государств и отдельных политических объединений и влекли за собой серьезные конфликты и социальные травмы: геноцид; расовая дискриминация; ограничение политических прав граждан; ограничение на доступ информации; сокращение доступа к культурным ценностям [11, с. 33].

Чтобы предотвращать нарушения прав человека, которые ведут к разрушительным последствиям, необходимо установление взаимной ответственности государств и граждан.

Наверное, самой глобальной проблемой современности, является проблема терроризма, которая имеет транснациональный характер и угрожает стабильности во всем мире [8, с.97-103; 9, с.107-112].

Общеизвестным является и тот факт, что при осуществлении актов терроризма права человека нарушаются самым непосредственным образом, а именно погибают люди, происходит уничтожение их имущества. В этом проявляется прямая связь терроризма с нарушением прав человека.

Помимо вышесказанного, терроризм влечет за собой другие негативные последствия, такие как: останавливает процесс развития общества; тормозит процесс свободного политического, экономического, социального развития; приводит к дестабилизации общества.

Существует и множество других проблем, которые также угрожают стабильности мирового сообщества. И все эти факторы так или иначе затрагивают сферу прав человека.

Права и свободы граждан не могут быть безграничными, так как любого человека окружает общество, в котором он живет. В Конституции любого государства закреплены принципы взаимного уважения граждан, выполнения обязанностей гражданином. Возможности одних людей не должны ущемлять и травмировать интересы остальных. При этом государственная власть обязана содействовать в их восстановлении.

В разных странах, в том числе и в России, социальные травмы часто оказывают противоположное воздействие, то есть усиливают непримиримость и сокращают солидарность и сплоченность общества до предельно низких уровней. Травма, приобретает силу и значимость тогда, когда ее последствия охватывают все человечество и устремляются в бесконечность.

Основной особенностью социальных и экономических прав человека от гражданских прав является то, что первые, а вторые приобретаются с рождения. Немаловажным является и конкретизация социальных и экономических прав человека, от которых зависит уровень жизни населения каждого государства.

Конституция Российской Федерации закрепляет широкий комплекс экономических и социальных прав граждан, к их числу относят следующие права: право на труд; вознаграждение за труд; на социальное обеспечение; на охрану здоровья и медицинскую помощь и прочие.

Что касается соблюдения этих прав человека то оно возможно в том случае, когда этому способствует экономически развитое общество, которое и обеспечивает большинству граждан достойный уровень жизни, а также создается эффективный правовой механизм для осуществления этих прав. Действенные гарантии социально-экономических прав являются предпосылкой формирования правового государства [2, с. 12].

Все это привело к тому, что длительное время социально-экономические права человека и гражданина были на втором плане и не нуждались в особом их регулировании. Так как было невозможно четко квалифицировать эти права, не было острой необходимости в их регулировании.

При разработке Всеобщей декларации прав человека были сомнения о том, стоит ли выделять эту группу прав граждан в отдельную категорию, так как было мнение, что обеспечение этих прав будет ущемлять остальные права и свободы, в связи с этим, долгое время, они считались второстепенными, которые при необходимости не обеспечивались и не защищались в суде, а их реализация полностью зависела от государственных органов.

Для реализации этих прав, необходимы действия государства по их обеспечению, а также принятие мер по предоставлению каждому гражданину достойных условий жизни и труда.

В законодательстве многих стран сложилась система этих минимальных стандартов — это уровень заработной платы, жилья, работы, образования и социального страхования [5, с. 219].

В России же, жалобы на нарушение этой группы прав занимают далеко не последнее место. Очень часто выявляются нарушения трудового законодательства, а именно незаконное задержание заработной платы, незаконное увольнение работников, незаконно наложенные дисциплинарные взыскания и другие нарушения.

В России, травмы часто оказывают противоположное воздействие, то есть усиливают непримиримость и сокращают солидарность и сплоченность общества до очень низкого уровня. Травма, приобретает силу и значимость тогда, когда ее последствия охватывают все население.

Но между тем, следует отметить, что в настоящее время действует механизм защиты прав человека и он постоянно совершенствуется появлением

новых органов необходимых для того, чтобы появлялись положительные тенденции по соблюдению прав и свобод человека.

Список литературы

1. *Гроций Г.* О праве войны и мира. Три книги. М.: изд. Репринт, 1956. 868 с.
2. *Гордон Л.А.* Социально-экономические права человека: содержание, особенности, значение для России // Общество и реформы. М., 1997. С. 1-12.
3. *Дорская А.А.* Правовой статус подданного Российской империи в начале XX века: вероисповедный аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2002. Т. 2. №2. С. 213-224.
4. Интернационализация конституционного права: современные тенденции / Под ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой. М.: ИГП РАН, 2017. 224 с.
5. *Лубенникова С.А.* Понятие и содержание социально-экономических прав человека и гражданина // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. №2-2. С. 217-220.
6. *Лукашук И.И.* Международное право: особенная часть: учебник. М.: Волтерс Клувер, 2008. 544 с.
7. *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. Под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. 209 с.
8. *Матчанова З.Ш.* Развитие российского антитеррористического законодательства как способ преодоления социальной травмы // Российское государственное управление. 2018. №2. С. 97-103.
9. *Матчанова З.Ш.* Террористический акт как социальная травма: криминологический анализ // Вестник Академии права и управления. 2018. №2 (51). С. 107-112.
10. Теория международного права: Учебник / под ред. Г.И. Тункина. М.: Зерцало-М, 2016. 416 с.
11. *Рудинский Ф.М.* Права человека в современном мире // Марксизм и современность. 2000. №1(15). С. 32-39.

Reference list

1. *Hugo Grotius.* On the law of war and peace. Three books. M.: Publishing house Reprint, 1956. 868 p.
2. *Gordon L.* Socio-economic human rights: Content, features, significance for Russia // Society and reforms. M., 1997. P. 1-12.
3. *Dorskaya A.* Legal status of a citizen of the Russian Empire in the early twentieth century: Religious aspect // Proceedings of the Herzen State Pedagogical University of Russia. 2002. Vol. 2. №2. P. 213-224.
4. Internationalization of constitutional law: Modern trends / Under the editorship of N. Varlamova and T. Vasil'eva. M.: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2017. 224 p.
5. *Lubennikova S.* The concept and content of social-economic rights of a human being and citizen // Bulletin of the Buryat State University. 2015. №2-2. P. 217-220.
6. *Lukashuk I.* International law: Special part: Textbook. M.: Volters Kluver, 2008. 544 p.
7. *Martens F.* Modern international law of civilized Nations. Vol.1. Under the editorship of V. Tomsinov. M.: Zertsalo, 2008. 209 p.
8. *Matchanova Z.* Development of Russian anti-terrorist legislation as a way to overcome social trauma // Russian state studies. 2018. №2. P. 97-103.
9. *Matchanova Z.* Terrorist act as a social trauma: Criminological analysis // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2018. №2 (51). P. 107-112.
10. Theory of international law: Textbook / Under the editorship of G. Tunkin. M.: Zertsalo-M, 2016. 416 p.
11. *Rudinskiy F.* Human rights in the contemporary world // Marxism and modernity. 2000. №1(15). P. 32-39.

УДК 342.723

Кобзева Е.И.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория права и природоресурсное право»
Российского университета транспорта (МИИТ)

Мамина О.И.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория права и природоресурсное право»
Российского университета транспорта (МИИТ)

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Вопрос о функциях государства на любом этапе его развития является одним из важнейших в общей теории государства, так как именно в них проявляется сущность и социальное назначение государства как политической организации общества.

Представленная статья посвящена исследованию правоохранительной функции как одной из традиционно выделяемых функций государства, направленному на определение места и роли государства в вопросах обеспечения безопасности интересов общества и личности.

В работе также анализируется соотношение понятий «правоохранительная функция», «правоохранительные органы» и «правоохранительная деятельность».

Ключевые слова: государство, теория государства, функции государства, правоохранительная функция, правоохранительные органы, правоохранительная деятельность, национальная безопасность

Kobzeva E.,

PhD in Law, Associate Professor of the Chair "Theory of Law and Natural Resource Law"
of Russian University of Transport (MIIT)

Mamina O.,

PhD in Law, Associate Professor of the Chair "Theory of Law and Natural Resource Law"
of Russian University of Transport (MIIT)

THE ESSENCE AND CONTENT OF THE LAW ENFORCEMENT FUNCTION OF THE STATE

The issue of the functions of the state at any stage of its development is one of the most important in the general theory of the state, since it is in them that the essence and social purpose of the state as a political organization of society is manifested.

The article is focused to the investigation of the law enforcement function as one of the traditionally allocated functions of the state aimed at determining the place and role of the state in matters of ensuring the security of the interests of society and the individual.

The paper also analyzes the correlation of the concepts "law enforcement function", "law enforcement agencies" and "law enforcement activities".

Keywords: state, theory of state, state functions, law enforcement function, law enforcement agencies, law enforcement activities, national security

Термин «функция» (functio) в переводе с латинского языка означает «осуществление», то есть деятельность или работу, связанную с реализацией этой деятельности. Однако, в энциклопедической ли-

тературе прослеживается определенная тенденция к более расширенному толкованию этого термина. В частности, «функция» раскрывается как деятельность, обязанность, работа, роль, назначение, внеш-

Как цитировать статью: Кобзева Е.И., Мамина О.И. Сущность и содержание правоохранительной функции государства // Вестник Академии права и управления. 2018. № 3(52). с. 64–68

нее проявление какого-либо объекта в данной системе отношений и т.п.

Теоретические особенности, связанные с понятием и классификацией функций современного государства являются исключительно важными и приоритетными для практической деятельности и государственно-правового строительства, так как данная категория является, безусловно, одной из фундаментальных и основополагающих в теории права и государства. Этим объясняется и тот факт, что многие вопросы, которые касаются данного понятия, остаются нерешенными. Таким вопросом является определение понятия «функции государства» [1].

Применительно к государству этот термин традиционно означает «основные направления деятельности государства, обусловленные его сущностью и содержанием, а также стоящими перед ним на том или ином этапе его развития целями, задачами и его социальным назначением» [2].

Функции государства, представляющие собой главные направления его деятельности, складываются из многоаспектной работы всего государственного механизма в целом. Они носят комплексный, собирательный характер, реализуются посредством различных методов и форм, включая правотворческую деятельность, воплощение в жизнь принятых законов и подзаконных нормативных правовых актов, контроль и надзор за ходом правореализации, разрешение возникающих правовых споров и коллизий, борьбу с неправомерным поведением, привлечение к законной юридической ответственности виновных, повышение уровня правовой культуры и сознания людей. Эти функции оказывают воздействие на самые разнообразные отношения, возникающие в экономической, социальной, политической и духовной сферах жизнедеятельности общества, которые нуждаются в государственном регулировании [3].

Государство, как сложная социальная организация, осуществляет многогранную деятельность, которая охватывает самые различные стороны общественной жизни. Практическая деятельность государства, его активность выражается в функциях. Именно они способствуют реализации государственной идеи, тех законодательных и конституционных положений, которые являются основой успешного развития государства и общества в целом. Функции государства устанавливаются в зависимости от стоящих перед ним на том или ином этапе развития задач.

Функции государства, представляющие собой главные направления его деятельности, складываются из многоаспектной работы всего государственного механизма в целом. Они носят комплексный, собирательный характер, реализуются посредством различных методов и форм, включая как правотворчество, так и правоприменение, состоящее в реализации

нормативных правовых актов, контроле и надзоре за ходом право реализации, разрешении возникающих правовых споров и коллизий, борьбе с неправомерным поведением, привлечении к законной юридической ответственности виновных, повышении уровня правовой культуры и сознания людей.

Одной из важнейших функций любого государства является охрана действующего законодательства и обеспечение правопорядка. В этой связи нарушение законности и правопорядка может привести к подрыву авторитета государственной власти. Приоритетным направлением правоохранительной деятельности государства является защита законных интересов и прав граждан, защита собственности. Таким образом, и реализуется более важная цель – стабильность в обществе. Правоохранительная функция включает в себя:

- охрану права и обеспечение правопорядка;
- строительство правоохранительных органов;
- отправление правосудия;
- защиту прав, законных интересов и свобод граждан [4].

В современных условиях правоохранительная функция государства является определяющей и одной из приоритетных. При этом она приобрела помимо внутреннего и внешний характер.

В настоящее время содержанием правоохранительной функции государства считается противодействие преступности и иным противоправным деяниям, или социальный контроль над преступностью и иными нарушениями норм права [5].

В связи с вышесказанным актуальным представляется вопрос соотношения понятий «правоохранительная функция государства», «правоохранительная деятельность» и «правоохранительные органы».

Поверхностно анализируя данные дефиниции с точки зрения теории права, можно вывести формулу: направление деятельности государства – форма его реализации – элемент государственного аппарата, реализующий данное направление. Однако считать целесообразным разобраться в этом вопросе более подробно.

Как считает Р.И. Загидуллин «правоохранительная деятельность (как направление правоохранительной функции государства) – это государственная деятельность, осуществляемая специально уполномоченными государственными правоохранительными органами для охраны права, установленного законами правопорядка с использованием соответствующих юридических мер воздействия к нарушителям в строгом соответствии с законом и соблюдением определенных законом правил (процедур)» [6].

Однако с точки зрения конституционного понимания законности, стоит признать, что в ее осуществлении, так или иначе, участвуют все государ-

ственные органы, органы местного самоуправления, администрации государственных и негосударственных организаций в рамках своих профессиональных задач и реализации собственных функций, не обязательно связанных с деятельностью в области охраны правопорядка.

Само понятие «правоохранительная деятельность» было введено в научный оборот в начале 60-х годов XX века. Проводя анализ данного понятия, можно сделать вывод, что сама специфика правоохранительной деятельности состоит в осуществлении ее специальными органами государства, а именно правоохранительными. Тем не менее, правоохранительную деятельность не следует жестко связывать с какими-то определенными органами государства, так как достаточно широкий круг государственных органов, реализующий данную деятельность, довольно часто меняется (сужается или, наоборот, расширяется). Ее необходимо отличать в сравнении с иного рода деятельностью. Именно по такому пути следует идти, выделяя соответствующие признаки.

Если рассматривать правоохранительную (правозащитную) деятельность в более широком смысле, то она анализируется как деятельность, которая направлена в первую очередь на обеспечение прав и свобод человека в том объеме, сформированном и закреплённом международно-правовыми нормами, а также интересов государства и общества в целом [7]. В более узком смысле под правоохранительной деятельностью можно понимать деятельность государства в целом или его специальных уполномоченных государственных органов по обеспечению и защите конкретных прав и свобод граждан, которые имеют место и соответствующее закрепление в действующем законодательстве определенного государства [8]. В русском языке эти два вида деятельности обычно обозначаются с помощью двух различных понятий. Так, первый вид деятельности фиксируется как правозащитная, а вторая – как деятельность непосредственно правоохранительная. Механизм реализации правоохранительной функции государства включает в себя такие элементы как субъекты осуществления функций, а также непосредственно их деятельность, осуществляемая в определенных формах на основе установленных принципов, методов и средств. Центральное место в этом механизме принадлежит правоохранительной системе [9]. Правоохранительная система включает в себя целый комплекс государственно-правовых мер, средств, методов, нашедших свое применение в нейтрализации негативных и противоправных явлений и эффективной охране общественных отношений. Более точное и полное определение таково: «Правоохранительная система – это совокупность государственно-правовых средств, методов и гарантий, правоохранительная деятельность, охранительные

юридические нормы и правоотношения, охранительные элементы правосознания и правовой культуры, правоохранительные органы, законность и правопорядок, складывающийся в результате реализации охранительных норм, обеспечивающих защищенность человека от противоправных нарушений» [10].

Как можно заметить в данном определении правоохранительная деятельность выступает в качестве отдельного элемента всей системы в целом. Но в тоже время, невозможно представить ее вне правосознания, без субъектов, или же вне правопорядка. Действительно, целесообразно здесь говорить о защищенности и человека, и гражданина, и общества, включая само государство. По мнению некоторых исследователей, правоохранительная деятельность государства тоже может рассматриваться в широком и узком смысле, как уже было акцентировано внимание на этом аспекте выше. В широком понимании данного понятия охватывается, в том числе, и законодательная деятельность государства. На самом деле, если право не отождествлять с законом, если право проявляет себя на уровне потребности в законе, если право объективируется в фактических отношениях, а государство вынуждено обеспечивать объективацию правовых требований, тем самым государство уже охраняет право от всяких посягательств. Более узко понимать данную категорию можно тогда, когда ее связывают непосредственно с деятельностью государства по обеспечению правопорядка, защите норм права, восстановлению справедливости, возведенных в закон. Еще более детально данную категорию можно рассмотреть, если ее понимать как исключительно деятельность правоохранительных органов государства. Это наиболее распространенный и привычный взгляд на правоохранительную деятельность. Но и в этом аспекте нужны определенные корректировки. По сути, ведь уже не может идти речь о правоохране, когда суд рассматривает дело о правонарушении. Ведь правовая норма уже нарушена. В этом смысле контрольно-надзорные органы или руководители учреждений и предприятий реализуют правоохранительную функцию в большей степени, нежели карательные учреждения [11].

В целом же правоохранительная деятельность с юридической стороны как форма реализации функции надзора слишком объемна, сложна и многоаспектна и подлежит дополнительному исследованию. Стоит отметить, что в настоящее время в законодательстве Российской Федерации это понятие до сих пор не сформулировано. Также нет и легального определения понятия «правоохранительный орган», то есть, не определены критерии и признаки, которым он должен соответствовать, и не поименованы собственно те государственные органы, которые являются правоохранительными.

Практически единственное выявленное нами исключение содержится в ст. 1 Федерального закона от 21 июля 1997 г. №114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации», которая определяет, что таможенные органы, входят в систему правоохранительных органов Российской Федерации [12].

При этом традиционно правоохранительными органами считаются государственные органы (преимущественно – органы исполнительной власти), уполномоченные осуществлять деятельность по охране правопорядка и законности, защите прав и свобод человека (правоохранительную деятельность) [13]. Одновременно учебные программы по дисциплине «Правоохранительные органы», изучаемой студентами юридических ВУЗов, как правило, ориентированы на изучение организации и деятельности органов прокуратуры, юстиции, МВД и ФСБ России, адвокатуры, нотариата и других государственных и негосударственных институтов (учреждений) Российской Федерации, осуществляющих или содействующих правосудию и обеспечению общественного порядка и безопасности, а также судов [14]. Но в современных условиях, а также в связи с существенным изменением положения судов в юридическом процессе достаточно устойчивым и обоснованным считается сформированное большинством исследователей мнение об особом положении судов в системе государственных органов [15].

В целом, в России к правоохранительным органам относят прокуратуру Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации, Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС), Федеральную службу безопасности, Министерство внутренних дел, правоохранительные подразделения Федеральной таможенной службы, Министерство юстиции Российской Федерации, с подведомственными ему Федеральной службой исполнения нака-

заний и Федеральной службой судебных приставов. Стоит отметить, что в настоящее время реформирование системы органов, реализующих правоохранительную функцию государства, продолжается.

Круг органов правоохраны постоянно изменяется в целях повышения эффективности деятельности данных подразделений. Действительно, любая социальная организация объективно порождает систему, которую наделяет правами и обязанностями как по защите себя в целом от внешних опасностей, так по сдерживанию противоречий внутри себя самого [16]. В связи с этим вполне обоснованным представляется включение в список правоохранительных органов недавно созданной Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации – федерального органа исполнительной власти, в задачи которого включено участие в охране общественного порядка, обеспечение общественной безопасности и режима чрезвычайного положения, борьба с терроризмом и обеспечение режима контртеррористической операции, борьба с экстремизмом, территориальная оборона Российской Федерации, а также задачи по осуществлению вневедомственной охраны.

Правоохранительная деятельность как форма реализации правоохранительной функции государства в условиях становления правового государства решает очень разнообразные и разноаспектные задачи. В реализации правоохранительной функции государства, в частности, четко проявляется обеспечение национальной безопасности, основными элементами которой являются безопасность личности, общественная безопасность и государственная безопасность. Таким образом, можно сделать вывод о том, что именно государство, осуществляющее функции в этой области через собственные органы власти, выступающее основным субъектом обеспечения национальной безопасности, и является связующим звеном исследованных понятий.

Список литературы

1. Гнатенко А.И. Функции государства и роль органов внутренних дел в их реализации: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. С.14.
2. Марченко М.Н. Теория государства и права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. С.327.
3. Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Проблемы теории государства и права. Казань: Изд-во КЮИ МВД России, 2002. С. 142.
4. Теория государства и права / Под общ.ред. проф. О.В. Мартышина. М.: Норма, 2007. С.166-167.
5. Честнов И.Л. Правоохранительная функция современного государства // Криминалист, 2011. №1. С.109.
6. Загидуллин Р.И. Правоохранительная функция современного российского государства (Вопросы теории и практики): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2004. С.32.
7. Братко А.Г. Правоохранительная система (вопросы теории): Автореф. дис. ... д-ра.юрид. наук. М., 1992. С. 31-32.
8. Федоров В.П. Человек и правоохранительная деятельность (философско-правовой аспект): Дис. ... д-ра.юрид. наук. СПб., 1996. С. 20- 21.
9. Балухев Е.Н. Частная детективная деятельность как структурно-функциональный элемент механизма реализации правоохранительной функции современного государства (сравнительно-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2011. №3. С.10.
10. Самыкин С.С. Охранительная функция права в сфере экономики: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 27.

11. *Жихорева Р.Е.* Реализация правоохранительной функции государства в сфере экономики: Дис.... канд. юрид. наук. Москва, 2017. 204 с.
12. *Мамина О.И.* Правовые аспекты реформирования системы государственной службы в свете исключения из перечня ее видов понятия «правоохранительная служба» // Вестник Юридического института МИИТ. 2016. №3. С. 61-66.
13. *Володина Е.И.* Административно-правовой статус внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2001. 180 с.
14. *Гуценко К.Ф.* Правоохранительные органы. Учебник. М.: Кнорус, 2015. 368 с.
15. *Мамина О.И.* О месте и роли органов правосудия в механизме государственной власти // Российская юстиция. 2007. №3. С. 54-56.
16. *Семичева А.С.* Становление и сущность общей теории национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2015. №1(6). С. 3-7.

Reference list

1. *Gnatenko A.* Functions of the state and the role of law enforcement agencies in their implementation: Thesis of PhD in Law. Moscow, 2010. P.14.
2. *Marchenko M.* Theory of state and law. 2nd edition, revised and enlarged edition. M.: TK Welbi, Publishing house "Prospekt", 2004. P. 327.
3. *Fatkullin F., Fatkullin F.* Problems of the theory of state and law. Kazan: Publishing office of the Kazan Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. P.142.
4. Theory of state and law / Under the general editorship of Professor O. Martyshin. M.: Norma, 2007. P. 166-167.
5. *Chestnov I.* Law enforcement function of the contemporary state // Criminalist, 2011. №1. P. 109.
6. *Zagidullin R.* Law enforcement function of the contemporary Russian state (Theory and practice): Synopsis of a thesis of PhD in Law. Ufa, 2004. P. 32.
7. *Bratko A.* Law enforcement system (theory): Synopsis of a thesis of Doctor of Law. M., 1992. P. 31-32.
8. *Fedorov V.* Human being and law enforcement activity (Philosophical-legal aspect): Thesis of Doctor of Law. SBR., 1996. P. 20 – 21.
9. *Baluev E.* Private detective work as a structural and functional element of the mechanism of implementation of the law enforcement function of the contemporary state (Comparative-legal aspect) // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011. №3. P. 10.
10. *Samykin S.* The protective function of law in the field of economy: Thesis of PhD in Law. M., 1994. P.27.
11. *Zhikhoreva R.* Implementation of the law enforcement function of the state in the sphere of economy: Thesis of PhD in Law. Moscow, 2017. 204 p.
12. *Mamina O.* Legal aspects of reforming the civil service system in the light of the exclusion from the list of its types of the concept of "law enforcement service" // Bulletin of the Legal Institute of MIIT. 2016. №3. P. 61-66.
13. *Volodina E.* Administrative-legal status of internal troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Thesis of PhD in Law. Moscow, 2001. 180 p.
14. *Gutsenko K.* Law enforcement agencies. Textbook. M.: KnoRus, 2015. 368 p.
15. *Mamina O.* On the place and role of justice in the mechanism of state power // Rossijskaya yustitsiya. 2007. №3. P. 54-56.
16. *Semicheva O.* Formation and essence of the general theory of national security of the Russian Federation // Bulletin of Witte Moscow University. Series 2: legal Sciences. 2015. №1(6). P. 3-7.

Правкин С.А.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Административное право, экологическое право, информационное право» Российского университета транспорта (МИИТ)

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КОНКУРЕНТНОЙ ПОЛИТИКИ И АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

В настоящей статье дается анализ изменений в Законе о защите конкуренции в рамках антимонопольного пакета, рассмотрены средства реализации антимонопольной политики, основные критерии монополистической деятельности, проблемы реализации Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования, анализируется практика антиконкурентных соглашений и согласованных действий на рынке. Необходимость реализации мер конкурентной политики рассматривается с точки зрения принципа социальной справедливости. Соответственно система мер антимонопольного регулирования выступает как механизм социально-правового равновесия и реализует принцип равного доступа на рынок и равных условий получения товара, услуги на нем. Формирование этого механизма связано с совершенствованием структурно-организационных способов борьбы с монополизмом во всех его проявлениях, применяя механизм антимонопольной реорганизации и ликвидации. Предлагаются меры взаимодействия антимонопольных и правоохранительных органов. На основе анализа законодательства, практики его применения и обобщения научной литературы по данной проблеме делается вывод, связанный с несовершенством понятия согласованных действий и делается акцент на необходимости корректировки данного понятия. В статье отмечается необходимость разграничения антиконкурентных соглашений и согласованных действий, анализируется природа повторности совершения правонарушений, система мер ФАС России по противодействию антиконкурентным договоренностям. Рассмотренный механизм проверки допустимости соглашений в сфере совместной деятельности способствует с другой стороны разграничению запрещенных и допустимых действий между конкурентами. Отдельно проанализированы процессуальные меры защиты конкурентов. Предлагается и обобщается комплекс организационно-правовых мер по совершенствованию конкурентного законодательства и практики его применения, а также эффективное использование финансово-правового метода как средства реализации антимонопольной политики в соответствии с принципом социальной справедливости.

Ключевые слова: конкурентное право, антимонопольная служба, хозяйствующий субъект, недобросовестная конкуренция, антимонопольный пакет, антиконкурентные соглашения, социальная справедливость

Pravkin S.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Chair "Administrative Law, Environmental Law, Information Law" of Russian University of Transport (MIIT)

TOPICAL ISSUES OF COMPETITION POLICY AND ANTIMONOPOLY REGULATION IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF SOCIAL JUSTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article analyzes the changes in the law on protection of competition as a part of the Antimonopoly package and considers the means of implementation of antimonopoly policy as well as the main criteria of monopolistic activity, the issues of realization of the Strategies of competition and antimonopoly regulation development and it studies the practice of anti-competitive agreements and connected actions in the market. The need to undertake measures of competition policy is considered from the point of view of the principle of social justice. Accordingly, the system of measures of antimonopoly regulation acts as a mechanism of social-legal balance and it is realizing the principle of equal access to the market and equal terms for obtaining goods, a service on it. The formation of this mechanism is associated with the improvement of structural-organizational

ways to combat monopolism in all its manifestation, using the mechanism of antimonopoly reorganization and association. There are offered measures of interaction of antimonopoly policy and law enforcement agencies. The conclusion related to the imperfection of the concept of connected actions is made on the basis of the analysis of the legislation, the practice of its application and generalization of scientific literature on this issue; the emphasis is on the need to update given concept. The article author notes the need to do differently between anti-competitive agreements and connected actions; the nature of replication of persistent offences, the system of measures of the FAS of Russia to counteract anti-competitive agreements are analyzed in this article. The considered mechanism of checking the validity of agreements in the field of joint activities is contributing to the distinction of prohibited and permitted actions between competitors on the other hand. Procedural measures to protect competitors are separately analyzed. A set of organizational-legal measures to modernize the competition law and practice of its application as well as the effective use of the financial-legal method as a means of implementing antimonopoly policy in accordance with the principle of social justice are proposed and generalized.

Keywords: competition law, antimonopoly service, economic agent, unfair competition, Antimonopoly package, anti-competitive agreements, social justice

Базовым нормативно-правовым актом в сфере регулирования конкурентной политики является Федеральный закон от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции», который предусматривает набор антимонопольных средств и методов с учетом практики борьбы с монополизмом в других странах. В РФ в настоящее время реализуется Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования на период 2013-2024 гг. Названная Стратегия наметила переход от защиты интересов отдельных лиц к защите интересов неопределенного круга лиц в результате злоупотребления своим доминирующим положением на рынке со стороны хозяйствующего субъекта. Для ФАС России определены такие направления в деятельности Службы в связи с реализацией данной программы как создание конкурентной среды, внедрение недискриминационных правил доступа к услугам естественных монополий, совершенствование правил федеральной контрактной системы, усиление мер финансово-правового регулирования и др. Но условия для конкуренции невозможно создавать только на региональном или локальном уровнях, в отрыве от макроэкономического регулирования. И здесь – необходимо, прежде всего, уменьшить долю госкомпаний в коммерческом обороте, оптимизировать само антимонопольное регулирование, приемы и эффективного противодействия распространенной практике антиконкурентных соглашений.

На многих монополистических рынках РФ (топливный, энергетический, сельскохозяйственный, строительный и др.) много лет, к сожалению, с участием государства поддерживаются условия так называемой естественной монополии. Что в современных условиях нельзя признать механизмом надлежащего

ценообразования, надзора и контроля. Часто госкомпания, получая огромные преференции в размещении и получении заказов, в кредитовании и налогообложении, не «отдают» обратно экономике и обществу дешевого товара, продукта, услуги. Именно во многих госкомпаниях существуют серые схемы зарплат, налогообложения, искусственного занижения прибыли, в том числе путем отнесения на издержки необоснованных сумм. За счет легализации и упрощения регулирования в данных сферах можно было бы примерно на 30-40% увеличить отчисления от прибыли, соответственно и в ПФР. Другой аспект – борьба со сверхдоходами менеджеров госкомпаний и увеличение фонда оплаты труда за счет этих средств служащим и работникам госкомпаний. Для это в комплексе необходимо менять акционерное законодательство, законодательство о естественных монополиях, о госкорпорациях. Необходимо уменьшать наметившуюся тенденцию внутренней оффшоризации экономики. Параллельно необходимо стимулировать внутренний спрос на товары и услуги, в том числе путем легализации зарплаты на уровне выше, чем в настоящее время раза в два. Соответственно и наполнится ПФР и другие фонды. Социальная сфера получит второе дыхание. Если при этом параллельно реализовывать несколько крупных инвестпроектов, то мы просто получим мультипликативный эффект. Задачи роста экономики на 2%, а затем и 5% будут решены через год-два максимум. Одновременно данный механизм запускает в силу конкуренцию и создает условия дополнительно для снижения цен на внутреннем рынке.

Вайпан В.А. в статье «Четвертый антимонопольный пакет» и социальная справедливость подтверждает ранее сказанное. «Большая часть новаций «чет-

вертого антимонопольного пакета» не имеет прямо выраженного акцента в части реализации социальной справедливости, но в то же время, будучи направленными на формирование благоприятной для предпринимательства и эффективной рыночной экономики, эти новации законодательства способствуют достижению социально значимых целей и построению благоприятной экономической среды, что обеспечивает социальную справедливость нынешних рыночных отношений». Действительно, рынок в современных условиях необходимо рассматривать как инструмент социальных инноваций. Но так как, по мнению авторов, его формирование откладывается на неопределенный срок, то необходимо развивать конкурентную среду [9]. Экономика современного периода соответствует в РФ всем параметрам монополистического капитализма. Некоторые исследователи и ранее относили госкорпорации к неэффективной форме экономической деятельности, монополизирующей ее [4]. Госкорпорации в настоящее время по разным оценкам составляют около 70-75% экономики. Законами о госкорпорациях нарушены многие базовые принципы конституционного, гражданского законодательства: свобода предпринимательства, многообразие форм собственности на средства производства, поддержка конкуренции, рыночное ценообразование, договорные отношения равных хозяйствующих субъектов, ограниченное вмешательство государства в хозяйственный оборот предпринимательскую деятельность.

Так называемый четвертый пакет мер по совершенствованию конкурентной среды (ФЗ от 5 октября 2015 г. №275-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации») усиливает ответственность должностных лиц и органов власти за нарушение антимонопольного законодательства. Насаждается модель «криминологической профилактики» правонарушений в сфере конкуренции. «Так, в соответствии с новыми правилами Правительство РФ получило право определять правила недискриминационного доступа к товарам как для естественных монополий, так и для иных субъектов рынка, не являющихся такими монополиями, доля которых на высококонцентрированных товарных рынках превышает 70%. Это представляется социально справедливым для бизнеса» [5]. Вайпан В.А. считает, что «четвертый антимонопольный пакет» в большей мере соответствует природе рыночной экономики и нормам социальной справедливости.

Необходимо использовать структурно-организационные способы борьбы с монополизмом, обоснованно применяя механизм антимонопольной принудительной реорганизации в случаях доминирующего состояния на рынке или создания коммерческих организаций путем слияния и присоединения. Как извест-

но, по иску антимонопольного органа в этих случаях возможна принудительная реорганизация (выделение, разделение) через суд путем подачи иска антимонопольным органом [1]. Как крайняя мера применяется ликвидация юридического лица. «Необходимо заметить, что ч.1 ст. 34 ЗоЗК не содержит указаний относительно того, в каких случаях суд должен применять санкцию в виде ликвидации юридического лица, а в каких случаях подвергать его принудительной реорганизации. Представляется, что форма динамики юридического лица должна определяться судом не в зависимости от тяжести совершенного правонарушения (ибо, как видится, степень тяжести деяния всегда одинакова, так как оно заключается при отсутствии совершенного согласования сделки с антимонопольным органом, которое не может быть менее или более грубым относительно другого несогласования), а от способа динамики юридического лица, определяемого содержанием сделки по экономической концентрации (создание, слияние, присоединение)» [6].

Если нарушены правила создания юридического лица, то юридическим последствием является его ликвидация, против антиконкурентного слияния действует разделение юридического лица и выделение одного лица из состава другого. Таким образом, можно сделать «важный вывод: используемый в ч.1 ст. 34 ЗоЗК способ защиты конкуренции в виде реорганизации в форме разделения или выделения, равно как и в форме ликвидации юридических лиц, нарушивших порядок предварительного согласования с антимонопольным органом сделки, соответствующей критериям, указанным в ст. 27 ЗоЗК, не должен квалифицироваться в качестве ретрибутивной (т.е. штрафной или карательной) санкции, а должен восприниматься в качестве разновидности способа защиты прав в виде восстановления положения, существовавшего до момента совершения сделки» [6]. Егорова М.А. подчеркивает при этом, что действия по реорганизации и ликвидации юридического лица приводят не к восстановлению положения участников сделки, а имеют целью восстановление баланса на рынке, корпоративного положения участников сделки. Подобным образом также реализуется на практике принцип справедливости.

Принудительно реорганизованные лица в соответствии с ч.1 ст. 38 ЗоЗК не могут создать экономическую группу лиц. «Условие о том, что созданные в результате принудительной реорганизации, применяемой за систематическое осуществление монополистической деятельности субъектом, занимающим доминирующее положение, юридические лица не должны входить в состав одной группы лиц, должно распространять свое действие не только на случаи разделения организаций, но в равной мере и на случаи выделения из их состава новых организаций.

В ином случае в соответствии с доктриной «единого хозяйствующего субъекта» в проведенных реорганизациях будет отсутствовать практический смысл, так как вновь образованные лица будут продолжать действовать на рынке в едином интересе, фактически сохранив доминирующее положение, но уже не в виде унитарной организации, а в виде группы лиц» [6]. Егорова М.А. предлагает скорректировать формулировку закона, согласно которой созданные путем принудительного выделения организации не смогут входить в одну группу с той организацией, из состава которой они были выделены. При этом справедливо надо заметить, что к участникам монополистической деятельности могут относиться и индивидуальные предприниматели, и саморегулируемые организации (в плане координации экономической деятельности, причем, если она осуществляется систематически).

Основным критерием монополистической деятельности является деятельность, носящая систематический характер, что является основанием для принудительной ликвидации юридического лица при наличии доминирующего положения на рынке. Но монополистические действия на рынке и доминирование на рынке часто не совпадают. Значит, монополизм без доминирования не влечет существенных санкций в виде ликвидации юридического лица, всего лишь разделение или выделение (структурно-организационная мера защиты конкуренции). Таким образом, доминирующее положение на рынке ведет к принудительной реорганизации, но не систематическое осуществление монополистической деятельности. Также необходимо учитывать, что данная норма распространяет свое действие исключительно на коммерческие организации. Но ЗоЗК не ограничивает по целевой направленности вопрос принудительной реорганизации. За основу берется не критерий цели деятельности, но наличие у хозяйствующего субъекта признаков доминирующего положения.

Безусловно, необходимо распространить правовой режим принудительной реорганизации в равной мере на коммерческие и некоммерческие организации. Увеличение числа конкурентов и снижение рыночной концентрации являются результатом принудительных действий антимонопольных органов. Важным направлением обеспечения защиты конкуренции является установление многоуровневой системы санкций (по количеству раз, по степени тяжести совершаемые правонарушения и количеству лиц, участвующих в соглашении и согласованных действиях). «Несмотря на то, что понятие «систематическое осуществление монополистической деятельности» входит в число основных понятий конкурентного права и представляет собой разновидность грубого нарушения антимонопольного законодательства, как это ни покажется странным, не включено в качестве

основания, отягчающего административную ответственность ни в один из составов административных правонарушений, имеющих антимонопольную направленность. Вместе с тем представляется, что систематическое осуществление монополистической деятельности должно быть включено в закрытый перечень обстоятельств, отягчающих административную ответственность, в частности в п. 3 примечаний к ст. 14.31 КоАП РФ и в п. 4 примечаний к ст. 14.32 КоАП РФ» [7]. Егорова М.А. также предлагает усовершенствовать ч. 1 ст. 178 УК РФ и рассматривать «систематическое осуществление монополистической деятельности» как более тяжкое деяние по сравнению с однократным подобным действием.

В большинстве стран мира одним из самых опасных правонарушений в сфере конкурентных отношений являются объединения (картели) и антиконкурентные соглашения. В РФ подобные соглашения пронизывают все сферы экономики, в которых участвуют государственные органы и их должностные лица. Статья 178 УК РФ («Ограничение конкуренции») при этом на практике практически работает недостаточно, по ней возбуждается незначительно число дел, до суда доходит совсем мало, что влечет на повторность (рецидив) данных деяний, за который фактически ответственности нет, как отмечалось выше. Для эффективной работы требуется также взаимодействие правоохранительных и антимонопольных органов через специально разработанный регламент или организационно-правовой механизм. В основном все подобные антиконкурентные действия носят согласованный характер. «Для возвращения практики применения категории согласованных действий в разумное русло было принято решение на законодательном уровне скорректировать само понятие согласованных действий. В связи с этим так называемым третьим антимонопольным пакетом было введено новое обязательное условие для определения согласованных действий: действия должны быть заранее известны каждому из участвующих в них хозяйствующих субъектов **в связи с публичным заявлением одного из них** о совершении таких действий (п.2 ст. 8 Закона о защите конкуренции). Требование о наличии публичного заявления означает, что информационный обмен между участниками согласованных действий теперь должен обязательно быть установлен антимонопольными органами, и средством такого обмена должно быть только публичное заявление одного из участников согласованных действий» [14].

При этом необходимо разграничивать совершение соглашений (в устной и письменной форме) и согласованных действий. Но сложность проблемы состоит в доказывании антиконкурентных соглашений. Так как очень часто подобные соглашения заключаются негласно и отсутствуют документы, их

подтверждающие. Но есть также понятие реальных действий, осуществленных сторонами, которые будут приравниваться к доказательствам соглашения. Так как понятие соглашения, данное в ЗоЗК шире понятия договора в ГК РФ, то любое поведение лиц, выступающее как договоренность или согласованные действия в отношении рынков и рыночных стоимостей, можно трактовать как антиконкурентное соглашение [13]. Хотя в принципе нет разницы в том, соглашение это или договор в нарушение антимонопольного законодательства. Существенным является момент согласования позиций сторон предполагаемого соглашения. Или прослеживаются признаки повторности в действиях сторон или повторения одним хозяйствующим субъектом действий другого. При этом, безусловно, необходимо развести понятия соглашения и согласованные действия. Но в то же время, отдельные одиночные действия хозяйствующих субъектов и существование между ними неформальных и непубличных согласований, создает ситуацию, при которой подобные договоренности не подпадают под действие антиконкурентных соглашений.

Еще одной существенной проблемой являются антиконкурентные договоренности не только между хозяйствующими субъектами, но между ними и властными структурами, государственными и муниципальными органами. В ЗоЗК таких соглашений не предусмотрено [3]. Но подобные действия находятся под контролем массива законодательства о государственной и муниципальной службе, федеральной контрактной системе и пр. [2]. И так, в целом на антимонопольные органы возложены функции применения таких административно-правовых мер в таких составах: доминирующее положение на рынке (ст. 10 ЗоЗК), соглашения, ограничивающие конкуренцию (ст. 11 ЗоЗК), согласованные действия, ограничивающие конкуренцию (ст. 11.1 ЗоЗК), недобросовестная конкуренция (14.1 – 14.8 ЗоЗК) и др. Причем по соглашениям и согласованным действиям предусмотрен раздельный учет [11].

Закон также нацелен на противодействие экономической концентрации (гл. 7). Разрешение вопросов, касающихся экономической концентрации, нашло свое отражение в следующих изменениях. В ст. 27 ЗоЗК предусмотрена новелла: обязанность в сфере совместной деятельности компаний, конкурирующих на рынке, по согласованию их соглашений с ФАС России, если общая стоимость их активов превышает 7 млрд. рублей (10 млрд. рублей – выручка по последнему году) по последним балансам перед заключением соглашения.

На практике «более половины всех нарушений антимонопольного законодательства происходит со стороны органов власти разного уровня. Как правило, это создание барьеров для бизнеса, заклю-

чение антиконкурентных соглашений с отдельными хозяйствующими субъектами, введение необоснованной платы за предоставляемые госуслуги, предоставление необоснованных преференций» [11]. При этом антимонопольные органы выявляют запрещенные: акты, действия, бездействия, согласованные действия, соглашения. Динамика дел по статьям 15 и 16 Закона в целом снижается. «Невысокий процент возбужденных дел и вынесенных решений по ст. 16 ЗоЗК (до 6%) и тенденция к их снижению (до 2,5%), на наш взгляд, во многом связаны с трудностью доказывания данного вида правонарушений, а не с удачной борьбой с антиконкурентными соглашениями органов власти и хозяйствующими субъектами» [11]. Ст. 17 (требования к торгам) «Тенденция к увеличению доли нарушений по ст. 17 ЗоЗК (с 8,5 до 11,0%) в последующие годы, на наш взгляд, сохранится и, более того, значительно увеличится за счет выявленных антиконкурентных соглашений ОПВ и хозяйствующих субъектов» [12].

В литературе отмечается как позитивный фактор – упразднение реестра хозяйствующих субъектов, имеющих долю на рынке более 35% или занимающих доминирующее положение и полностью исключение нормы о доминировании на рынке при условии обладания долей менее 35%. Часто включение подобных компаний в реестр приводило к ограничительным мерам для нее, хотя реально ее доля на рынке могла быть снижена. Административные барьеры и отчетность в ФАС для таких компаний исчезли, не нужно стало согласовывать действия, связанные с экономической концентрацией (ч.б.1 и 6.2 ст. 5 ЗоЗК).

В отношении отдельных физических лиц доминирование теперь вообще не признается. «Поправками внесены изменения в ч.1 ст. 10 ЗоЗК, предусматривающие исключение из сферы антимонопольного регулирования действий хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение, связанных с ущемлением интересов граждан и организаций, в случаях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Антимонопольные запреты теперь применяются лишь в случае, если действия доминирующего на товарном рынке хозяйствующего субъекта приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции, а также к ущемлению интересов других хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей. Ущемление индивидуальных интересов физических лиц, не связанное с ограничением конкуренции и предпринимательской деятельностью, должно защищаться законодательством о защите прав потребителей» [8].

В ст. 13 ЗоЗК предусмотрен механизм (новелла) проверки допустимости соглашений в сфере совместной деятельности (против картелей). «Одновременно ст. 33 ЗоЗК дополнена новой ч. 9.1, устанавливающей

право компаний, планирующих заключить соглашение о совместной деятельности, вне зависимости от стоимости активов и размера выручки таких компаний (их групп лиц), подать в ФАС России ходатайство о даче согласия на его заключение, которое должно быть рассмотрено в обычном порядке» [8]. Это дает возможность исключать обычные соглашения о совместной деятельности, например, в рамках простого товарищества, из разряда картельных. Таким образом, ФАС в любом случае должна быть информирована о соответствии соглашений между конкурентами требованиям антимонопольного законодательства.

Данная норма заставляет реально конкурентов заключать на практике соглашения о совместной деятельности, которые должны будут доказывать антимонопольным органам то, что их действия не отразятся негативно на состоянии конкуренции. Также ФАС получила право выдавать предостережения (предупреждения) (ст. 25.7 ЗоЗК) даже государственным (муниципальным) органам и иным организациям, предоставляющим государственные (муниципальные) услуги, о недопустимости совершения действий, которые могут привести к нарушению антимонопольного законодательства. Данный перечень оснований, касающихся предостережений и предупреждений, существенно детализирован. «Также значительно расширен перечень оснований для выдачи предупреждения. Теперь, помимо п.3 и 5 ст. 10 ЗоЗК, он также включает п.6 и 7 указанной статьи, ст. 15 ЗоЗК, а также ряд новых составов по недобросовестной конкуренции (ст. 14.1, 14.2, 14.3, 14.7 и 14.8 Закона). Особо стоит отметить, что невыполнение предупреждения в установленный срок влечет обязанность ФАС России по возбуждению дела в случае наличия признаков нарушения» [8]. Зимарев К.А и Тепкина А.В. приводят также цифры, указывающие на, что в соответствии со статьями 23 и 52 ЗоЗК введена процедура обжалования решений антимонопольных органов в Президиум и Апелляционную коллегию ФАС России.

В соответствии с требованиями ЗоЗК в результате рассмотрения дела антимонопольным органом принимается итоговый процессуальный документ (за-

ключение об обстоятельствах дела). В целом, в сфере реализации и расширения правил «недискриминационного доступа к товарам хозяйствующего субъекта, не являющегося субъектом естественной монополии, нужно отметить, что процедура введения таких правил детально регламентирована на законодательном уровне и предусматривает ряд гарантий для хозяйствующего субъекта» [8]. По мнению исследователей, опасения бизнеса по поводу применения «четвертого антимонопольного пакета» не оправдались.

В целом, четвертый антимонопольный пакет стал важным этапом в совершенствовании мер конкурентной политики [3]. Определенные в законодательстве критерии допустимости соглашений и согласованных действий как допустимой совместной деятельности в экономике, в основном, привели к положительным изменениям: усиление процессуальных мер защиты, внедрение принципа гласности при определении нарушений и рассмотрении дел, связанных с монополизацией рынка. Расширение полномочий ФАС России было ранее неодобрительно оценено крупным бизнесом. Можно даже сказать и это отмечалось в литературе, что крупный бизнес встал против усиления рассматриваемых мер антимонопольного регулирования [10]. В основном бизнес беспокоили новые возможности ФАС России, связанные с введением правил недискриминационного доступа не только по отношению к естественным монополиям, но и к иным компаниям с долей преобладания на рынке свыше 70%.

Важным средством в реализации антимонопольной политики является финансово-правовой метод в целом, включающий в себя: бюджетирование, ориентированное на результат, макроэкономические показатели, такие как ключевая ставка, создание конкурентной среды через доступные кредиты, упрощение механизма кредитования для малого и среднего бизнеса, создание особых условий для технико-внедренческого кластера, снижение доли НДС для бизнеса, ориентированного на наукоемкие направления, усиление роли государственного кредитования и субсидирования инвестпроектов, в том числе – в соглашениях о государственно-частном партнерстве.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции» // Свод законов РФ. 31.07.2006. №31 (1 ч.). Ст. 3434.
2. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 №44-ФЗ.
3. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. №250-ФЗ (в ред. от 15.09.2018) «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 №250-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. №29 (ч. I). Ст. 4376.
4. Анисимов А.П. Государственная корпорация как форма нерационального распоряжения государственной собственностью // Пробелы в российском законодательстве. 2009. №4. С. 97.
5. Вайпан В.А. «Четвертый антимонопольный пакет» Консультант Плюс / Режим доступа 06.09.2018 г.
6. Егорова М.А. Антимонопольная принудительная реорганизация: проблемы законодательного регулирования и пути его совершенствования / Консультант Плюс / Режим доступа 06.09.2018 г.

7. *Егорова М.А.* Развитие норм о доминирующем положении в четвертом антимонопольном пакете // Юрист. 2016. №7. С. 10 – 14.
8. *Зимарев К.А., Тепкина А.В.* Четвертый антимонопольный пакет: оправдались ли опасения бизнеса / Консультант Плюс / Режим доступа 06.09.2018 г.
9. *Канарш Г.Ю.* Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. С. 160.
10. Крупный бизнес выступил против четвертого антимонопольного пакета [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.forbes.ru/news/262651-krupnyi-biznes-vystupil-protiv-chetvertogo-antimonopolnogo-paketa-fas>.
11. *Самолысов П.В.* Государственный антимонопольный контроль в РФ: правовое регулирование / Консультант Плюс / Режим доступа 06.09.2018 г.
12. Сборники отчетных данных о работе антимонопольных органов по контролю соблюдения антимонопольного законодательства, законодательства о рекламе и законодательства о размещении заказов. М.: ФАС России, 2010 – 2015 годы.
13. *Сушкевич А.Г.* Антиконтурентные соглашения: запреты, исключения из запретов и их пределы в новом Федеральном законе «О защите конкуренции» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. №6.
14. *Хохлов Е.С.* Некоторые вопросы совершенствования понятия согласованных действий в российском конкурентном праве / Консультант плюс. Режим доступа 06.09.2018 г.

Reference list

1. Federal Law of 26.07.2006 №135-FL “On protection of competition” // Code of laws of the Russian Federation. 31.07.2006. №31 (1 part). Art. 3434.
2. Federal Law of 05.04.2013 №44-FL “On the contract system in the sphere of procurement of goods, works and services for state and municipal needs”.
3. Federal Law №250-FL of 13th of July, 2015 (as amended on 15.09.2018) “On amendments to the Federal Law” On protection of competition” and certain legislative acts of the Russian Federation of 13.07.2015 №250-FL // Official Gazette of legislation of the Russian Federation. 2015. №29 (part I). Art. 4376.
4. *Anisimov A.* State Corporation as a form of irrational disposal of state property // Gaps in the Russian legislation. 2009. №4. P. 97.
5. *Vaypan V.* “Fourth Antimonopoly package” on ConsultantPlus / Access mode 06.09.2018
6. *Egorova M.* Antimonopoly forced reorganization: Issues of legislative regulation and ways of its improvement / ConsultantPlus / Access mode 06.09.2018
7. *Egorova M.* Development of norms on the dominant position in the fourth Antimonopoly package // Yurist. 2016. №7. P. 10 – 14.
8. *Zimarev K., Tepkina A.* The fourth Antimonopoly package: Feared business / ConsultantPlus / Access mode 06.09.2018
9. *Kanarsh G.* Social justice: Philosophical concepts and the Russian situation. M.: Publishing office of the Moscow Humanitarian Institute, 2011. P. 160.
10. Large business opposed the fourth Antimonopoly package [Electronic resource]. Access mode: URL: <http://www.forbes.ru/news/262651-krupnyi-biznes-vystupil-protiv-chetvertogo-antimonopolnogo-paketa-fas>.
11. *Samolysov P.* State Antimonopoly control in the Russian Federation: Legal regulation / ConsultantPlus / Access mode 06.09.2018
12. Collections of reporting data on the work of Antimonopoly authorities to monitor compliance with Antimonopoly legislation, legislation on advertising and legislation on the placement of orders. M.: FAS of Russia, 2010-2015.
13. *Sushkevich A.* Anti-competitive agreements: Prohibitions, exceptions to prohibitions and their limits in the new Federal Law “On protection of competition” // Laws of Russia: Experience, analysis, practice. 2007. №6.
14. *Khokhlov E.* Some issues of improving the concept of concerted action in Russian competition law / ConsultantPlus. Access mode 06.09.2018

УДК. 347.823.13

Быков А.И.,

научный сотрудник НИЦ-1 ФКУ «Научно-исследовательского института ФСИН России»

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЗАПРЕЩЕННЫХ ДЛЯ ПОЛЕТА БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ ЗОН НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена исследованию проблемы правового регулирования зон, запрещенных для полета беспилотных летательных аппаратов. Автор говорит об увеличении интереса общества к беспилотным летательным аппаратам в течение последних лет, вследствие экономической доступности и возможностей самих беспилотников. Данная тенденция имеет отрицательное значение, которое характеризуется увеличением чрезвычайных ситуаций в Российской Федерации, создавшихся из-за отсутствия опытов и навыков управления дроном или незнанием зон, запрещенных для полетов беспилотных летательных аппаратов. Автор рассматривает понятие «запретной зоны», в целях формирования мнения по данному вопросу. По итогу анализа сделан вывод о том, что в сложившейся обстановке данное понятие может обладать как запретительным порядком использования данной зоны, так и разрешительным. В свою очередь автор высказывает свою позицию и предлагает два варианта решения данного вопроса: расширение уже имеющегося перечня запрещенных для полета зон или разработка перечня разрешенных для полета зон.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, БПЛА, дрон, запрещенная зона, запрещенная зона для полетов беспилотных летательных аппаратов

Bykov A.,Scientific Researcher of RC-1 of the Federal Government Institution
“Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia”

REVISITING THE LEGAL REGULATION OF PROHIBITED AIRCRAFT ZONES IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR UNMANNED VEHICLES

The article is devoted to the study of the issue of legal regulation of prohibited zones for the flight of unmanned aerial vehicles. The author says that the public interest in unmanned aerial vehicles has increased in recent years, due to the economic availability and capabilities of the drones themselves. This trend has a negative significance, which is characterized by an increase in emergency situations in the Russian Federation, created due to lack of experience and skills in controlling the drones or ignorance of the areas of unmanned aerial vehicles prohibited for flights. The author considers the concept of the “restricted zone”, with a view to forming an opinion on this issue. On the basis of the analysis, it was concluded that in the current situation this concept may have both a prohibitive order of use of this zone, and a permissive one. In turn, the author expresses his position and proposes two options for solving this issue: expanding the already available list of prohibited zones for flights or developing a list of zones permitted for the flight.

Keywords: unmanned aerial vehicles, UAV, drone, prohibited area, restricted zone for flight of unmanned aerial vehicles

В настоящее время нашу жизнь сложно представить без высокотехнологичных устройств, изобретений таких как: сотовых телефонов, различных приспособлений быта, автомобилей повышенной безопасности и прочего. Одним из таких девай-

сов стал беспилотный летательный аппарат (далее – БПЛА, дрон). Впервые он был создан в конце XIX века, однако широкое применение и популярность получил в наше время. Главная особенность данного изобретения в отсутствии пилота на борту. Он осу-

Как цитировать статью: Быков А.И. К вопросу о правовом регулировании запрещенных для полета беспилотных летательных аппаратов зон на территории Российской Федерации // Вестник Академии права и управления. 2018. № 3(52). с. 76–79

ществляет управление на расстоянии, что позволяет выполнять различные задачи без какого-либо риска для самого оператора БПЛА.

За последние пару лет беспилотники стали доступны гражданскому населению, так как конкуренция между фирмами-производителями, неукоснительно ведет к снижению цены, что в свою очередь, порождает повышенный спрос.

Основная цель использования БПЛА – осуществление фото и видеосъемки. Помимо нее есть специфические цели применения беспилотника, которые зависят от оснащения: доставка предметов небольшого размера, мониторинг различных территорий при различных условиях и прочее.

Однако, исходя из резко наступившей популярности и отсутствия правового регулирования использования беспилотников, произошло огромное количество чрезвычайных ситуаций. В большинстве случаев они связаны с использованием БПЛА в запрещенных для полетов зонах, а также из-за отсутствия специальных навыков и опыта управления БПЛА у оператора.

Особое внимание следует уделить зонам, где полеты БПЛА должны быть запрещены, потому что именно из-за них возникают риски, которые могут повлечь трагические последствия.

В целях всестороннего изучения данного вопроса стоит обратиться к ряду источников, дающих определение «запретной зоны».

Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее – МЧС России) дает несколько значений данному понятию:

1) участок (район) местности (акватории или воздушного пространства), в пределах которого нахождение и передвижение населения, транспортных средств, войск (плавание кораблей, судов и полёты летательных аппаратов) запрещены.

2) территория, непосредственно примыкающая к территории охраняемого объекта (арсенала, базы, опасного объекта, склада военной техники и др. военного имущества) [9].

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 05.05.2014 №405 (ред. от 27.07.2017) «Об установлении запретных и иных зон с особыми условиями использования земель для обеспечения функционирования военных объектов Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, выполняющих задачи в области обороны страны» запретная зона – это территория вокруг военного объекта, включающая земельный участок, на котором он размещен, в границах которой запрещается или ограничивается хозяйственная и иная деятельность с целью обеспечения

безопасности населения при функционировании военного объекта и возникновении на нем чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера или совершении террористического акта [5]. Постановление Правительства РФ от 11.03.2010 №138 (ред. от 30.01.2018) «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации» дает определение «запретной зоны» – воздушное пространство Российской Федерации установленных размеров, в пределах которого полеты воздушных судов запрещены, за исключением случаев, предусмотренных настоящими Федеральными правилами [6]. Данные определения характеризуются общим требованием – запретом на осуществление деятельности на определенной территории. Особое внимание стоит обратить на мнение ученого в данной области – А.И. Травникова. Он характеризует запретную зону для полетов воздушных судов, как воздушное пространство установленных размеров в суверенном воздушном пространстве, в пределах которого любая деятельность запрещена без соответствующего административного решения [8]. Данное определение раскрывает разрешительный порядок, предусмотренный законодателем. То есть если заинтересованное лицо желает провести полет на определенной территории, оно должно получить соответствующее разрешение от того, в чьих интересах данная территория является запретной. Однако в случае отсутствия такового, оператор не имеет право на осуществление полета [6].

В соответствии с п. 29 Правил использования воздушного пространства в Российской Федерации, запретные зоны устанавливаются для защиты важных государственных объектов, ключевых промышленных комплексов (атомных электростанций, ядерно-радиационных объектов, химически опасных объектов, а также других особо важных объектов с точки зрения национальной безопасности страны) от вредных воздействий и разрушений, возникающих в результате возможных происшествий в воздушном пространстве Российской Федерации [6]. Однако данный пункт нуждается в толковании, потому что спектр зон, в которых может произойти чрезвычайная ситуация, влекущая человеческие потери, разрушения зданий, сооружений, транспортных единиц, вследствие использования беспилотника очень широк. К данным территориям, по нашему мнению, следует отнести следующие объекты: специального назначения, государственного значения, жизнеобеспечения (тепло-снабжение, водоснабжения), космической инфраструктуры, объекты водного хозяйства, связи, теле- и радиовещания, транспортные сооружения (аэродромы, аэропорты, вокзалы, станции, порты), включая прилегающую к ним территорию, здравоохранения (больницы, поликлиники, стационары), инженерно-

технические сооружения (мосты, постройки), включая прилегающую к ним территорию, уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, а также объекты, осуществляющие деятельность в интересах государства: полиции, федеральной службы безопасности, следственного комитета (здания, сооружения, постройки, базы, склады), детские сады, осуществляющие обучение и места массовых скоплений людей, объекты с государственными материальными резервами (склады по хранению медицинских препаратов, горюче-смазочных материалов, продовольственные и вещевые склады).

Причиной расширения уже имеющегося перечня зон запрещенных для полетов явились чрезвычайные происшествия, случившиеся вследствие применения БПЛА, по случайности или намеренно. Неоднократно замечены столкновения гражданских авиалиний с беспилотниками. В ноябре 2017 года в Буэнос-Айресе дрон столкнулся с самолетом. Удар пришелся на носовую часть и к счастью не повлиял на продолжение полета [1]. Подобные случаи произошли в Канаде, Великобритании, Аргентине. По данным Федерального агентства воздушного транспорта за первую половину 2017 года в Российской Федерации было зарегистрировано 28 случаев, тогда как за полгода 2016 года – только 12. А за весь прошлый год насчитали 41 инцидент [2].

Также наблюдаются случаи столкновения БПЛА с людьми, зданиями, сооружениями, влекущие потери, увечья и разрушения. Так в городе Огаки, в Японии, четырехкилограммовый дрон потерял управление и врезался в толпу, тем самым, нанеся повреждения шестерым людям. В феврале 2017 года беспилотник, осуществляющий съемки на стройплощадке, врезался в строительный кран и упал на человека, который получил травму лица [3].

Приведенные выше примеры являются яркой иллюстрацией ситуаций, которые могут возникнуть в случае столкновения БПЛА. Результат таких чрезвычайных ситуаций характеризуется использованием беспилотника в зонах повышенной опасности и неумением управлять летательным аппаратом, а также применять его в аварийном состоянии.

Помимо этого необходимо внести дополнения в Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 09.03.2016 №48 «Об установлении запретных зон», в приложение №1 «Запретные зоны», так как в настоящее время в нем содержится неполный перечень запрещенных для полета зон.

Анализируя зоны повышенной опасности, стоит отметить, что в сложившейся обстановке, по нашему мнению, проще выделить места, в которых будут разрешены полеты БПЛА. К данным территориям будут относиться специально выделенные места для полетов, как в городских, так и в загородных условиях, чтобы не навредить окружающим и использовать беспилотник в интересах оператора. В 9 статье Конвенции о международной гражданской авиации, заключенной в г. Чикаго в 07.12.1944, было сказано, что каждое договаривающееся государство сохраняет за собой право немедленно при исключительных обстоятельствах, или в период чрезвычайного положения, или в интересах общественной безопасности временно ограничить или запретить полеты над всей своей территорией или какой-либо ее частью при условии, что такое ограничение или запрещение применяется к воздушным судам всех других государств, независимо от их национальности [4]. Исходя из этого, почему бы в интересах общественной безопасности не запретить использование БПЛА в местах повышенной опасности на территории Российской Федерации. Данное действие уменьшит количество чрезвычайных ситуаций и несчастных случаев в стране.

Так же считаем целесообразным издание сборника, альманаха, журнала или газеты, в которых будет предоставлена информация об изменениях нормативной базы, регулирующей полеты БПЛА, и всевозможные изменения законодательства, новости, касающиеся реализации беспилотников, а также перечень запрещенных для полета БПЛА зон, или разрешенные для полета зоны. Одним из таких примеров для подобного издания является «Российская охотничья газета», в которой имеется информация о местах и времени охоты, указываются запрещенные для охоты зоны и многое другое [7]. Данное издание выходит раз в месяц, в зависимости от заинтересованности общества. В нашем случае, целесообразно делать выпуск раз в квартал или полугодие, однако в случае экстренной информации или повышенного интереса общества количество выпусков может быть увеличено.

Более того, в связи с массовым использованием информационных технологий, необходимо создание соответствующего сайта или приложения в сети Интернет, на которых будет размещена подобная информация. Это позволит овладеть нужной информацией дистанционно при помощи гаджета или компьютера, независимо от местонахождения.

Список литературы

1. Беспилотник врезался в самолет в Буэнос-Айресе [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.gazeta.ru/tech/news/2017/11/12/n_10806356.shtml (дата обращения: 15.04.18).
2. Без пилотов и без мозгов. Квадрокоптеры всё чаще угрожают большой авиации [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://life.ru/t/%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B>

- 2%0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F/1067396/biez_pilotov_i_biez_mozghov_kvadrokoptiery_vsio_chashchie_ughrozhaiut_bolshoi_aviatsii (дата обращения: 15.04.18).
3. В Японии вышедший из-под контроля дрон врезался в толпу [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.segodnya.ua/world/wnews/v-yaponii-vyshedshiy-iz-pod-kontrolya-dron-vrezalsya-v-tolpu_1070636.html (дата обращения: 15.04.18).
4. «Конвенция о международной гражданской авиации» (заключена в г. Чикаго 07.12.1944), (с изм. от 26.10.1990), (с изм. и доп., вступившими в силу на 01.01.2000) // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Правительства РФ от 05.05.2014 №405 (ред. от 27.07.2017) «Об установлении запретных и иных зон с особыми условиями использования земель для обеспечения функционирования военных объектов Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, выполняющих задачи в области обороны страны» (вместе с «Положением об установлении запретных и иных зон с особыми условиями использования земель для обеспечения функционирования военных объектов Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, выполняющих задачи в области обороны страны») // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Правительства РФ от 11.03.2010 №138 (ред. от 30.01.2018) «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
7. Российская охотничья газета [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.ohotniki.ru/> (дата обращения: 13.04.18).
8. *Травников А.И.* Правовой режим воздушного пространства. Аэронавигация и безопасность: моногр. М.: Издательство Проспект, 2014. с.217.
9. Термины МЧС России [Электронный ресурс] // Официальный сайт МЧС России. – Режим доступа: <http://www.mchs.gov.ru/dop/terms/item/85700> (дата обращения: 13.04.18).

Reference list

1. The drone crashed into a plane in Buenos Aires [electronic resource] // Access mode: https://www.gazeta.ru/tech/news/2017/11/12/n_10806356.shtml (date of access: 15.04.18).
2. No pilots, no brains. Quadcopters are increasingly threatening large aircraft [electronic resource] // Access mode: https://life.ru/t/%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F/1067396/biez_pilotov_i_biez_mozghov_kvadrokoptiery_vsio_chashchie_ughrozhaiut_bolshoi_aviatsii (date of access: 15.04.18)
3. In Japan, an out-of-control drone crashed into a crowd [electronic resource] // Access mode: https://www.segodnya.ua/world/wnews/v-yaponii-vyshedshiy-iz-pod-kontrolya-dron-vrezalsya-v-tolpu_1070636.html (date of access: 15.04.18).
4. "Convention on international civil aviation" (concluded in Chicago on 07.12.1944), (revised from 26.10.1990), (revised and additional, entered into force on 01.01.2000) // Reference Legal System ConsultantPlus.
5. The Resolution of the Government of the Russian Federation dated 05.05.2014 №405 (edited 27.07.2017) "On the establishment of prohibited and other zones with special conditions for the use of land to ensure the functioning of military facilities of the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies performing tasks in the field of defense of the country" (together with the "Regulations on the establishment of prohibited and other zones with special conditions for the use of land to ensure the functioning of military facilities of the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies performing tasks in the field of national defense") // Reference Legal System ConsultantPlus.
6. The Resolution of the Government of the Russian Federation dated 11.03.2010 №138 (edited 30.01.2018) "On approval of Federal Rules of using airspace of the Russian Federation" // Reference Legal System ConsultantPlus.
7. Russian Hunting Newspaper [Electronic resource] // Access mode: <http://www.ohotniki.ru/> (date of access: 13.04.18).
8. *Travnikov A.* Legal regime of airspace. Air navigation and safety: Monograph. M.: Publishing house "Prospekt", 2014. P. 217.
9. Terms of EMERCOM of Russia [Electronic resource] // Official website of EMERCOM of Russia. Access mode: <http://www.mchs.gov.ru/dop/terms/item/85700> (date of access: 13.04.18).

УДК 349

Сергеев А.Ю.,

аспирант Института горного и энергетического права
Российского государственного университета нефти и газа имени И.М. Губкина

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ОХРАНЫ ЗЕМЕЛЬ ПРИ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИИ

В статье рассматриваются особенности недропользования как вида экономической деятельности, характеризующейся значительным негативным воздействием на окружающую среду и такой ее компонент, как земля. На основе официальных статистических данных осуществлен анализ масштабов нарушенных и рекультивированных земель, их соотношения, а также объема инвестиций недропользователей в проведение природоохранных мероприятий, сделан вывод о необходимости разработки и развития правового механизма охраны земель с учетом существенного влияния деятельности по геологическому изучению, разведке и разработки месторождений полезных ископаемых на состояние земель в Российской Федерации. Рассматриваются доктринальные и легальные определения охраны земель, предлагается закрепление минимизации негативного воздействия на земли и почвы в качестве одной из целей охраны земель. Выявлены особенности субъектного состава и комплекса мероприятий по охране земель, осуществляемых недропользователями. Отмечены отдельные недостатки юридической техники, даны предложения по совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере. На основе проведенного анализа делается вывод о необходимости учета специфики горнодобывающей отрасли при правовом регулировании охраны земель.

Ключевые слова: земля, земельный участок, охрана земель, негативное воздействие, недра, недропользование, земельное право, горное право

Sergeev A.,

Postgraduate student of the Institute of Mining and Energy Law of Gubkin Russian State University of Oil and Gas

LEGAL ISSUES AND THE PECULIARITIES OF LAND PROTECTION AT THE SUBSURFACE USE

The article considers the peculiarities of subsurface use as a kind of economic activity, characterized by a significant negative impact on the surrounding environment and its component such as land. Based on official statistical data, the analysis of the extent of disturbed and reclaimed lands, their correlation, as well as the volume of subsurface users' investments in environmental protection activities, is carried out; it is concluded that this is necessary to formulate and develop a legal mechanism for land protection, taking into account the significant impact of geological prospecting, exploration and mining on the state of land in the Russian Federation. The doctrinal and legal definitions of land protection are considered, and it is proposed to establish the minimization of negative impacts on land and soil as one of the objectives of land protection. The peculiarities of the subject composition and complex of measures for the protection of lands carried out by subsurface users are revealed. Some drawbacks of legal drafting are noted, and proposals to improve legislation in the sphere under consideration are made. On the basis of the research, it is concluded that it is necessary to take into account the specifics of the mining industry in the legal regulation of land protection.

Keywords: land, land plot, land protection, negative impact, subsurface resources, subsurface use, land law, mining law

Вопросы охраны окружающей среды должны быть в числе приоритетных для горнодобывающей отрасли экономики в связи с масштабами негативного воздействия, оказываемого на окружающую среду при осуществлении недропользования. Данное воздействие наиболее показательно на примере такого природного ресурса, как земля.

В соответствии с Государственным докладом «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году» по данным федерального статистического наблюдения №2-тп (рекультивация), представленного Росприроднадзором, на 01.01.2016 г. в наличии находилось 1 244,685 тыс. га нарушенных земель, в т.ч. отработано – 155,195 тыс. га. За отчетный 2016 г. было нарушено 111,388 тыс. га земель. В 2016 г. было рекультивировано 92,052 тыс. га земель. На 01.01.2017 г. в наличии имелось 1 331,097 тыс. га нарушенных земель, в т.ч. отработано – 174,531 тыс. га. Более 75% рекультивированных земель приходится на разработку полезных ископаемых (в тоже время на нее приходится всего 40% нарушенных в 2016 г. земель) [5].

Между тем, по состоянию на 01.01.2017 г. учтено 1 053,380 тыс. га нарушенных земель в связи с разработкой месторождений полезных ископаемых, что составляет 79,13 % от общей площади нарушенных земель на указанную дату. При этом, несмотря на постепенное увеличение объемов рекультивации, проведение данных мероприятий по масштабам все еще уступает увеличению площадей нарушенных территорий, то есть масштабы нарушения земельных ресурсов не возмещаются их восстановлением (рекультивацией).

Кроме того, на сферу разведки и добычи полезных ископаемых приходится наибольшая доля образования отходов производства и потребления, в частности, на отходы, возникающие при извлечении из недр минерального сырья в виде вскрышных и/или вмещающих пород, а также отходы обогащения, другие отходы данной сферы деятельности. За последние одиннадцать лет – с 2005 г. по 2016 г. – эта доля колебалась от 83% до 92% к общей величине образовавшихся отходов.

При этом самые высокие объемы отходов, относящихся к виду деятельности «добыча полезных ископаемых», возникают при добыче топливно-энергетических ресурсов, главным образом, при извлечении из недр и обогащении каменного и бурого угля. На их долю в последний период приходилось порядка половины и более (в 2016 г. – около трех четвертей) всех отходов производства и потребления, ежегодно образующихся в стране.

Под складирование горно-промышленных отходов в целом по России занято свыше 500 тыс. га земель, а негативное воздействие отходов на окру-

жающую среду проявляется на территории, превышающей эту площадь в 10-15 раз. В отвалах и шламохранилищах страны накоплено около 80 млрд. тонн только твердых отходов. Ежегодно в России образуется около 5 млрд. тонн отходов, из которых 4,7 млрд. тонн – при добыче полезных ископаемых, включая более 3 млрд. т отвалов горных пород и свыше 0,5 млрд. т хвостов обогащения руд. При этом утилизируется не больше 60%. Для сравнения: в России перерабатывается (используется) менее трети техногенных отходов, тогда как в мире этот показатель достигает 85-90% [5].

Данные обстоятельства свидетельствуют о критической необходимости разработки и развития правового механизма охраны земель, который должен учитывать специфику недропользования как вида деятельности, оказывающего столь существенное влияние как на окружающую среду в целом, так и на землю как на один из важнейших ее компонентов.

Значительный вклад в разработку вопросов охраны земель был внесен в советский период [9; 11]. Различные взгляды на определение понятия «охрана земель» и его содержание продолжают развиваться и в настоящее время.

Так, охрана земель рассматривается в качестве совокупности предусмотренных нормами права организационных, экологических, экономических и иных мер, направленных на сохранение, восстановление и улучшение качества земель всех категорий как составной и неотъемлемой части окружающей среды в интересах обеспечения ее благоприятного состояния [1].

А.А. Ялбулгановым предлагается включать в рассматриваемое понятие систему правовых, организационных, экономических и других мероприятий, направленных на их рациональное использование, предотвращение необоснованных изъятий земель из сельскохозяйственного оборота, защиту от вредных воздействий, а также на восстановление продуктивности земель, в том числе земель лесного фонда, и на воспроизводство и повышение плодородия почв [2].

По мнению О.Л. Дубовик, правовая охрана земель концентрирует в себе предписания о правовой природе данной сферы действия права, регламентацию объектов и субъектов охраны земель, право собственности, организационные и правовые средства охраны земель, ответственность за нарушение земельного законодательства [6].

Таким образом, в современной правовой доктрине применяется достаточно широкий подход к пониманию охраны земель, преимущественно раскрывающий данное понятие через совокупность мер, направленных на достижение ряда природоохранительных целей в отношении данного компонента окружающей среды.

Несмотря на то, что российское земельное законодательство, в первую очередь, Земельный кодекс Российской Федерации (далее – ЗК РФ) характеризуется усилением экологической составляющей механизма правового регулирования использования и охраны земель, легальное определение понятия «охрана земель» появилось в данном Кодексе относительно недавно [8; 4].

Так, пункт 1 ст. 13 ЗК РФ в соответствии с которым под охраной земель понимается деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц, направленную на сохранение земли как важнейшего компонента окружающей среды и природного ресурса, введен в связи с принятием Федерального закона от 03.07.2016 №334-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [25]. Приведенное определение дополняется положениями ст. 12 указанного Кодекса, конкретизирующими цели охраны земель.

Данные правовые нормы в совокупности практически полностью воспроизводят предусмотренную абз. 11 ст. 1 Федерального закона от 10.01.2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – ФЗ «Об охране окружающей среды») конструкцию понятия «охрана окружающей среды», а потому законодательное определение охраны земель содержит весьма значительный недостаток, особенно заметный при осуществлении такого вида хозяйственной деятельности, как недропользование [23].

Так, понятие «охрана земель» не включает минимизацию негативного воздействия на земли и почвы в качестве одной из целей охраны, ограничиваясь предотвращением и ликвидацией негативного воздействия. Между тем, в процессе недропользования зачастую возникают ситуации, при которых ни предотвратить, ни ликвидировать негативное воздействие (вплоть до фактического уничтожения земельного участка) невозможно ввиду применяемых при осуществлении данного вида деятельности технологий. В частности, в процессе разработки твердых полезных ископаемых (угля, природного камня, драгоценных камней и др.) могут образовываться карьеры, характеризующиеся значительной площадью и глубиной. Ликвидация таких карьеров осуществляется путем обводнения, что не позволяет восстановить земельный участок и приводит к образованию искусственного водного объекта.

К сожалению, минимизация негативного воздействия на окружающую среду и ее компоненты, включая землю, к настоящему моменту не получила должного отражения в качестве цели охраны окружающей среды в природоохранном и природоресурсном законодательстве. В частности, в ФЗ «Об охране

окружающей среды» минимизация негативного воздействия на окружающую среду упоминается только в пункте 1 ст. 28.1 в качестве направления применения наилучших доступных технологий, а в ЗК РФ данное понятие вообще не фигурирует.

Между тем, стимулирование минимизации негативного воздействия на окружающую среду при проведении геологоразведочных и горных работ отмечено в Основах государственной политики в области использования минерального сырья и недропользования, утвержденных распоряжением Правительства Российской Федерации от 21.04.2003 №494-р [21]. В свою очередь, данный документ оценивается как имеющий существенное значение для рационального и эффективного использования природных и энергетических ресурсов [19].

Таким образом, в настоящее время имеется объективная необходимость в нормативном закреплении минимизации негативного воздействия на земли и почвы в качестве одной из целей охраны земель.

Одной из особенностей охраны земель при недропользовании является специфический субъектный состав лиц, осуществляющих данную деятельность.

В соответствии с ч. 1 ст. 9 Закона Российской Федерации от 21.02.1992 №2395-1 «О недрах» пользователями недр могут быть субъекты предпринимательской деятельности, в том числе участники простого товарищества, иностранные граждане, юридические лица, если иное не установлено федеральными законами [7]. В связи с этим, граждане, не имеющие статуса субъектов предпринимательской деятельности, исключаются из круга лиц, непосредственно осуществляющих охрану земель при недропользовании путем проведения мероприятий, предусмотренных п. 2 ст. 13 ЗК РФ.

В то же время граждане могут участвовать в правоотношениях, складывающихся в связи с охраной земель при недропользовании, учитывая предоставляемые им в соответствии с п. 1, 2 ст. 11 ФЗ «Об охране окружающей среды» права, в первую очередь, право на защиту окружающей среды от негативного воздействия, а также наличие экологических интересов, реализуемых гражданами через категорию права на благоприятную окружающую среду как высокоэффективного средства реализации и защиты как индивидуального, так и всеобщего (публичного) экологического интереса [20].

Другим существенным аспектом охраны земель при пользовании недрами является ограничение круга мероприятий по охране земель, осуществляемых недропользователями.

В частности, данными лицами не осуществляются предусмотренные пп. 3 п. 2 ст. 13 ЗК РФ мероприятия по защите сельскохозяйственных угодий от зарастания деревьями и кустарниками, сорными рас-

тениями, сохранению достигнутого уровня мелиорации, что связано с невозможностью непосредственного осуществления на территориях, занятых такими угодьями, пользования недрами, исходя из положений п. 2 ст. 7, ст. 78, п. 1 ст. 79 ЗК РФ, закрепляющих целевое использование земель сельскохозяйственного назначения и приоритет в использовании сельскохозяйственных угодий из состава таких земель, а также особую охрану данных угодий.

Осуществление недропользования на территориях, занятых сельскохозяйственными угодьями, требует перевода соответствующих земельных участков в иную категорию, который дополнительно осложняется требованиями ст. 7 Федерального закона от 21.12.2004 №172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» [26]. Хотя в соответствии с п. 7 ч. 1 указанной статьи в качестве одного из оснований перевода устанавливается осуществление добычи полезных ископаемых при наличии утвержденного проекта рекультивации земель, тем не менее данная правовая норма не содержит упоминания о геологическом изучении недр, что в свою очередь свидетельствует о наличии пробела в правовом регулировании использования земельных участков в составе земель сельскохозяйственных угодий для указанного вида пользования недрами.

Поскольку для осуществления недропользования необходим перевод не только сельскохозяйственных угодий, но и иных земельных участков в составе земель сельскохозяйственного назначения, недропользователями также не осуществляются предусмотренные пп. 1 п. 2 ст. 13 ЗК РФ мероприятия по воспроизводству плодородия земель сельскохозяйственного назначения.

Таким образом, недропользователи осуществляют предусмотренные пп. 2 п. 2 ст. 13 ЗК РФ мероприятия по защите земель от водной и ветровой эрозии, селей, подтопления, заболачивания, вторичного засоления, иссушения, уплотнения, загрязнения химическими веществами, в том числе радиоактивными, иными веществами и микроорганизмами, загрязнения отходами производства и потребления и другого негативного воздействия, а также в соответствии с п. п. 5, 7 указанной статьи обеспечивают проведение рекультивации либо консервации нарушенных земель.

Следует отметить, что земельное законодательство практически не содержит специфического правового регулирования проведения мероприятий по охране земель при осуществлении недропользования, а имеющиеся положения не отличаются высоким уровнем юридической техники. В частности, пункт 4 ст. 13 ЗК РФ, в соответствии с которым при проведении связанных с нарушением почвенного слоя строительных работ и работ, связанных с пользова-

нием недрами, плодородный слой почвы снимается и используется для улучшения малопродуктивных земель, фактически устанавливает обязанность недропользователей по проведению землевания. Согласно ГОСТ 17.5.1.01-83 (СТ СЭВ 3848-82) Охрана природы. Рекультивация земель. Термины и определения, утвержденному постановлением Госстандарта СССР от 13.12.1983 №5854, п. 13 приложения №6 к Основным положениям о рекультивации земель, снятии, сохранении и рациональном использовании плодородного слоя почвы, утвержденным приказом Минприроды РФ №525, Роскомзема №67 от 22.12.1995 (далее – Основные положения о рекультивации земель), под землением понимается комплекс работ по снятию, транспортировке и нанесению плодородного слоя почвы и потенциально плодородных пород на малопродуктивные угодья с целью их улучшения [14; 17].

Между тем как п. 148 Правил охраны недр, утвержденных постановлением Госгортехнадзора РФ от 06.06.2003 №71, так и п. 8 Основных положений о рекультивации земель предусматривает возможность использования снятого плодородного слоя почвы для рекультивации нарушенных земель или улучшения малопродуктивных угодий [12].

Малопродуктивные угодья определяются ГОСТ 17.5.1.06-84 Охрана природы. Земли. Классификация малопродуктивных угодий для землевания, утвержденным постановлением Госстандарта СССР от 27.04.84 №1501, как угодья, характеризующиеся низким естественным плодородием почв за счет выраженности неблагоприятных свойств: песчаного или супесчаного механического состава, маломощности почвенного профиля, степени эродированности, солонцеватости, засоленности, оглеения, щебнистости, каменистости, высокой кислотности или щелочности, а также обедненности органическим веществом и питательными элементами [13].

Таким образом, пункт 4 ст. 13 ЗК РФ предписывает необходимость использования снятого плодородного слоя почвы для улучшения низкоплодородных угодий вместо рекультивации нарушенных недропользованием земель, что очевидно не отвечает требованиям рациональности использования и целям охраны земель.

Представляется целесообразным закрепить в указанном пункте приоритет использования снятого плодородного слоя почвы для рекультивации земель, нарушенных в процессе строительных работ и работ, связанных с использованием недрами, а при невозможности либо нецелесообразности (при условии разработки и нормативного закрепления критериев выявления таких ситуаций) – для улучшения малопродуктивных угодий.

Реализация данного предложения будет способствовать гармоничному межотраслевому взаимо-

действию земельного законодательства и законодательства Российской Федерации о недрах, что в свою очередь, позволяет обеспечить эффективность принципа сочетания экологических, экономических и социальных интересов при пользовании недрами [10].

Следует обратить внимание на правовой статус Основных положений о рекультивации земель, принятых во исполнение п. 2 постановления Правительства Российской Федерации от 23.02.1994 №140 «О рекультивации земель, снятии, сохранении и рациональном использовании плодородного слоя почвы» [16]. Данное Постановление признано утратившим силу в соответствии с п. 2 постановления Правительства Российской Федерации от 10.07.2018 №800, которым утверждены Правила проведения рекультивации и консервации земель, положения которого во многом значительно расходятся, а зачастую и противоречат нормам Основных положений о рекультивации земель [15]. Следовательно, в целях упорядочения системы нормативных правовых актов, регулирующих земельные отношения, необходимо принятие приказа уполномоченного федерального органа исполнительной власти о признании утратившими силу отдельных норм Основных положений о рекультивации земель или данного акта в целом.

Одним из перспективных направлений совершенствования правового регулирования охраны земель при недропользовании является разработка вопросов рекультивации отработанных земель. Данное направление согласуется с изложенной в подпрограмме «Обеспечение экологической безопасности» Программы развития угольной промышленности России на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 21.06.2014 №1099-р, проблематикой, выражающейся в том, что масштабы применения и эффективность природоохранных мероприятий не компенсируют в полной мере растущее негативное воздействие на окружающую среду и не обеспечивают на большинстве предприятий достижение действующих нормативных требований по охране окружающей среды [22].

В настоящее время понятие «отработанные земли» в основном применяется в сфере статистического наблюдения за окружающей средой. В частности, согласно пп. 5.5 п. 5 разд III «Паспорта показателей» Комплексной системы статистических показателей охраны окружающей среды в Российской Федерации с учетом международных рекомендаций, утвержденной приказом Росстата от 14.11.2017 №754, к отработанным землям за отчетный год относятся земельные участки, надобность в которых миновала в связи с завершением работ, связанных с нарушением почвенного покрова. В земельном законодательстве данное понятие в настоящее время не упоминается [18]. Между тем, пунктом 4 ст. 88 ЗК РФ, который утра-

тил силу с 01.03.2015 в связи с принятием Федерального закона от 23.06.2014 №171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», устанавливалось, что организациям горнодобывающей и нефтегазовой промышленности земельные участки для разработки полезных ископаемых предоставляются после оформления горного отвода, утверждения проекта рекультивации земель, восстановления ранее отработанных земель [24].

В целях приведения отработанных земель в состояние, пригодное для дальнейшего использования, и последующего скорейшего вовлечения земельных участков из состава таких земель в хозяйственный оборот предлагается включить в ЗК РФ положение о приоритетной рекультивации данных земель.

При этом для обеспечения исполнения указанного предложения применительно к землям, нарушенным в процессе недропользования, предлагается возможным закрепить в законодательстве Российской Федерации о недрах в качестве требования к претендентам на предоставление права пользования участком недр завершение исполнения рекультивационных (а при невозможности проведения – консервационных) мероприятий в отношении отработанных земель в границах ранее предоставленных данным претендентам участков недр.

В правовой доктрине отмечается, что природоохранное планирование и финансирование является важным звеном экономических механизмов в области природопользования и охраны окружающей среды [3].

В свою очередь, удельный вес как инвестиций недропользователей в охрану окружающей среды, так и затрат на проведение мероприятий по охране земель свидетельствует о наличии потенциала для осуществления природоохранной деятельности, направленной на уменьшение площади отработанных, но не рекультивированных земель.

Так, общий объем инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, за 2016 г. составил 139 677 млн. руб., по виду экономической деятельности «добыча полезных ископаемых» – 32 226,2 млн. руб., что составляет 23,071 % от общего объема инвестиций. На направление инвестиций в основной капитал «охрана и рациональное использование земель» израсходовано 12 228 млн. руб., что составляет 8,754 % от общего объема природоохранных инвестиций в основной капитал за 2016 г., из них на рекультивацию нарушенных земель – только 3 865 млн. руб. или 2,767 %.

Текущие затраты на охрану окружающей природной среды за 2016 г. составили 306 534 млн. руб., при добыче полезных ископаемых – 52 931 млн. руб. или 17,267 % от общего объема текущих затрат за 2016 г.

Между тем, общая сумма всех поддающихся определению затрат на охрану окружающей среды в России (без учета амортизационных отчислений по соответствующим основным фондам и повторно-го счета посреднических услуг, но включая издержки на более рациональное и эффективное использование природных ресурсов, целевые затраты на НИОКР, подготовку профильных специалистов и некоторые другие виды расходов) в 2016 г. составила 591,2 млрд. руб., а по направлению «защита и реабилитация земель, поверхностных и подземных вод» – 44,5 млрд. руб. или 7,527 % [5].

Таким образом, на основании проведенного анализа научных трудов, статистических исследований, нормативных правовых актов, инструктивно-методических и нормативно-технических документов в сфере охраны земель при недропользовании возможно сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования данной сферы общественных отношений, в первую очередь, в части отражения специфики горнодобывающей отрасли в качестве одного из основных источников негативного воздействия на окружающую среду и ее ключевой компонент – землю.

Список литературы

1. Анисимов А.П., Бакирова Р.Т., Рыженков А.Я., Черноморец А.Е. Комментарий к Федеральному закону от 29.12.2006 №264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2009.
2. Богданова А.В., Гутарина О.В., Козырин А.Н., Комягин Д.Л., Савенко Г.В., Ялбулганов А.А., Янкевич С.В. Постатейный научно-практический комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации / под ред. А.А. Ялбулганова // СПС КонсультантПлюс. 2014.
3. Боголюбов С.А. Проблемы реализации права собственности на природные ресурсы // Журнал российского права. 2006. №12. С. 87.
4. Волков Г.А. Принципы земельного права как важнейший элемент эколого-правового механизма (в развитие идей В.В. Петрова) // Экологическое право. Специальный выпуск. 2009. №2-3. С. 46.
5. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году» // Официальный сайт Минприроды России URL:http://www.mnr.gov.ru/docs/o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2016_/ (дата обращения: 01.08.2018 г.). С. 122-123, 244, 98, 245-246, 612-613.
6. Дубовик О.Л. Правовое регулирование экологических конфликтов: некоторые исходные положения // Lex russica. 2016. №6. С. 52.
7. Закон Российской Федерации от 21.02.1992 №2395-1 «О недрах» // Свод законов РФ. 1995. №10. ст. 823.
8. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 №136-ФЗ // Свод законов РФ. 2001. №44. ст. 4147.
9. Иконицкая И.А., Краснов Н.И. Земельное право и охрана природы // Советское государство и право. 1979. №12. С. 51-57.
10. Мельгунов В.Д. Формирование и реализация в горном праве и законодательстве Российской Федерации принципа сочетания экологических, экономических и социальных интересов при пользовании недрами // Пробелы в российском законодательстве. 2014. №3. С. 104.
11. Петров В.В. Объект и предмет правовой охраны природы в СССР // Советское государство и право. 1976. №4. С. 58-64.
12. Постановление Госгортехнадзора РФ от 06.06.2003 №71 «Об утверждении Правил охраны недр» // Российская Газета. 2003. №118.
13. Постановление Госстандарта СССР от 27.04.84 №1501 «Об утверждении ГОСТ 17.5.1.06-84. Охрана природы. Земли. Классификация малопродуктивных угодий для землеваяния» // М.: Издательство стандартов, 1984.
14. Постановление Госстандарта СССР от 13.12.1983 №5854 «Об утверждении ГОСТ 17.5.1.01-83 (СТ. СЭВ 3848-82). Охрана природы. Рекультивация земель. Термины и определения» // М.: Издательство стандартов, 1984.
15. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.07.2018 №800 «О проведении рекультивации и консервации земель» // Свод законов РФ. 2018. №29. ст. 4441.
16. Постановление Правительства Российской Федерации от 23.02.1994 №140 «О рекультивации земель, снятии, сохранении и рациональном использовании плодородного слоя почвы» // Российская Газета. 1994. №44.
17. Приказ Минприроды РФ №525, Роскомзема №67 от 22.12.1995 «Об утверждении Основных положений о рекультивации земель, снятии, сохранении и рациональном использовании плодородного слоя почвы» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1996. №4.
18. Приказ Росстата от 14.11.2017 №754 «Об утверждении Комплексной системы статистических показателей охраны окружающей среды в Российской Федерации с учетом международных рекомендаций» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
19. Природоресурсное законодательство в условиях модернизации экономики России: современные проблемы развития: монография / В.Б. Агафонов, В.К. Быковский, Г.В. Выпханова и др.; под ред. Н.Г. Жаворонковой. М.: Норма, Инфра-М, 2014. С. 106.

20. Публичные интересы в экологическом праве (Теория и практика правового регулирования). Дис.... докт. юрид. наук: 12.00.06 / Васильева М.И. М., 2003. С. 98 - 99.
21. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.04.2003 №494-р // Свод законов РФ. 2003. №17. ст. 1637.
22. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.06.2014 №1099-р // Свод законов РФ. 2014. №27. ст. 3786.
23. Федеральный закон от 10.01.2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Свод законов РФ. 2002. №2. ст. 133.
24. Федеральный закон от 23.06.2014 №171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Свод законов РФ. 2014. №26 (часть I). ст. 3377.
25. Федеральный закон от 03.07.2016 №334-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Свод законов РФ. 2016. №27 (часть II). ст. 4267.
26. Федеральный закон от 21.12.2004 №172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» // Свод законов РФ. 2004. №52 (часть 1). ст. 5276.

Reference list

1. *Anisimov A., Bakirova R., Ryzhenkov A., Chernomorets A.* Comment to the Federal Law of 29.12.2006 №264-FL "On the development of agriculture" (article) // Legal Reference System ConsultantPlus. 2009.
2. *Bogdanova A., Gutarina O., Kozyrin A., Komyagin D., Savenko G., Yabulganov A., Yankevich S.* By article scientific and practical commentary to the Land Code of the Russian Federation / Under the editorship of A. Yabulganov // Legal Reference System ConsultantPlus. 2014.
3. *Bogolyubov S.* Issues of realization of ownership of natural resources // Journal of Russian Law. 2006. №12. P.87.
4. *Volkov G.* Principles of land law as the most important element of the ecological and legal mechanism (in the development of V. Petrov's ideas) // Environmental law. Special issue. 2009. №2-3. P. 46.
5. State report "The status and environment of the Russian Federation in 2016" / The Official website of the Ministry of Nature of Russia URL:http://www.mnr.gov.ru/docs/o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okrzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okrzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2016/ (date of access: 01.08.2018). P. AFR. 122-123, 244, 98, 245-246, 612-613.
6. *Dubovik O.* Legal regulation of environmental conflicts: Some initial provisions // Lex Russica. 2016. №6. P.52.
7. The Law of the Russian Federation of 21.02.1992 №2395-1 "On subsurface use" // Code of Laws of the Russian Federation. 1995. №10. Art. 823.
8. Land Code of the Russian Federation of 25.10.2001 №136-FL // Code of Laws of the Russian Federation. 2001. №44. Art. 4147.
9. *Ikonitskaya I., Krasnov N.* Land law and nature protection // Soviet state and law. 1979. №12. P. 51-57.
10. *Mel'gunov V.* Formation and implementation of the principle of combining environmental, economic and social interests in the use of mineral resources in the mining law and legislation of the Russian Federation // Gaps in the Russian legislation. 2014. №3. P. 104.
11. *Petrov V.* Object and subject of legal protection of nature in the USSR // Soviet state and law. 1976. №4. P. 58-64.
12. The Resolution of Gosgortekhnadzor of the Russian Federation of 06.06.2003 №71 "On approval of the rules of subsurface resources protection" // Rossiyskaya Gazeta. 2003. №118.
13. The Resolution of the USSR state standard of 27.04.84 №1501 "On approval of GOST 17.5.1.06-84. Nature protection. Lands. Classification of unproductive land for earth mulching" // M.: Publishing standards, 1984.
14. The Decree of the State Standard of the USSR of 13.12.1983 №5854 «On the approval of State Standard 17.5.1.01-83 (CMEA Standard 3848-82). Conservation of nature. Reclamation of lands. Terms and definitions» // M.: Publishing house of standards, 1984.
15. The Resolution of the Government of the Russian Federation 10.07.2018 №800 "About carrying out the reclamation and conservation of lands" // Code of Laws of the Russian Federation. 2018. №29. Art. 4441.
16. The Resolution of the Government of the Russian Federation of 23.02.1994 №140 "On land reclamation, removal, preservation and rational use of the fertile soil layer" // Rossiyskaya Gazeta. 1994. №44.
17. The Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation №525, Roskomzem №67 from 22.12.1995 "On approval of the basic provisions on land reclamation, removal, conservation and rational use of fertile soil" // Bulletin of Normative Acts of Federal Executive Authorities. 1996. №4.
18. The Order of Federal Service of State Statistics of 14.11.2017 №754 "On the approval of the Comprehensive System of Statistical Indicators of Environmental Protection in the Russian Federation, taking into account international recommendations" // The document was not published. Legal Reference System ConsultantPlus.
19. Natural resource legislation in the context of modernization of the Russian economy: Modern issues of development: Monograph / V. Agafonov, V. Bykovskiy, G. Vypkhanova, etc.; Under the editorship of N. Zhavorobkova. M.: Norma, Infra-M, 2014. P. 106.
20. Public Interests in Environmental Law (Theory and Practice of Legal Regulation). Thesis for obtaining the degree of Doctor of Juridical Science: 12.00.06 / Vasil'eva M. M., 2003. P. 98 - 99.
21. The Order of the Government of the Russian Federation of 21.04.2003 №494-p // Code of laws of the Russian Federation. 2003. №17. Art. 1637.

22. The Order of the Government of the Russian Federation of 21.06.2014 №1099-R // Code of Laws of the Russian Federation. 2014. №27. Art. 3786.
23. Federal Law of 10.01.2002 №7-FL "On environmental protection" // Code of Laws of the Russian Federation. 2002. №2. Art. 133.
24. Federal Law of 23.06.2014 №171-FL "On amendments to the Land Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation" // Code of Laws of the Russian Federation. 2014. №26 (part I). Art. 3377.
25. Federal Law of 03.07.2016 №334-FL "On amendments to the Land Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation" // Code of Laws of the Russian Federation. 2016. №27 (part II). Art. 4267.
26. Federal Law of 21.12.2004 №172-FL "On the transfer of land or land plots from one category to another" // Code of Laws of the Russian Federation. 2004. №52 (part 1). Art. 5276.

УДК 338

Мисак А.Ю.,

аспирант Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

ДОЖДАЛИСЬ: ПЕРВЫЙ ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ВОПРОСАМ, СВЯЗАННЫМ С ПРИМЕНЕНИЕМ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ЗАКУПКАХ ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ОТДЕЛЬНЫМИ ВИДАМИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ»

В статье автор проводит анализ первого Обзора судебной практики по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 18.07.2011 №223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». В него Верховный суд включил наиболее распространенные нарушения, которые допускают заказчики по вышеназванному закону. Автором приведены наиболее интересные выводы из документа.

Ключевые слова: закупки, участник, заказчик, Закон о закупках, обзор судебной практики Закона о закупках, Закон о защите конкуренции

Misak A.,

Postgraduate student of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

THE WAIT IS OVER: THE FIRST REVIEW OF COURT PRACTICE ON ISSUES RELATED TO THE APPLICATION OF THE FEDERAL LAW "ON PROCUREMENT OF GOODS, CONSTRUCTION, SERVICES BY CERTAIN KINDS OF LEGAL ENTITIES"

In this article the author performs analysis of the first review of court practice on issues related to the application of the Federal Law "On procurement of goods, construction and services by certain kinds of legal entities". In this one the Supreme Court included the most common violations that customers allow under the abovementioned law.

Keywords: procurements, co-signatory, customer, Procurement Law, review of court practice of Procurement Law, Law on Protection of Competition

Несмотря на то, что Федеральный закон №223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее Закон о закупках, Закон) был принят еще в 2011 году, только в мае 2018 году, спустя 7 лет после его применения, заказчики дождались правовой позиции Верховного суда Российской Федерации (далее – Верховный суд) по вопросам, связанным с применением положений Закона о закупках, в том числе возникающие при заключении, изменении, расторжении договоров, их исполнении (далее – Обзор) [1].

В частности, Верховным судом рассмотрены вопросы, касающиеся информационного обеспечения закупок, требований к участникам, ограничения конкуренции, заключения и изменения договора, контроля при осуществлении закупок, а также и иные вопросы.

Верховный суд разъясняет, что для правильного разрешения указанной категории споров большое значение имеет надлежащее определение судами соотношения норм Закона о закупках, Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), Федерального закона от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции), других федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также принятых в соответствии с ними и утвержденных с учетом положений части 3 статьи 2 Закона правовых актов, регламентирующих правила закупки (далее – положение о закупке).

Кроме того, Верховный суд отмечает, что при разрешении споров, вытекающих из заключенных договоров, судами должны применяться нормы о закупках, тол-

Как цитировать статью: Мисак А.Ю. Дождались: первый обзор судебной практики по вопросам, связанным с применением Федерального закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Вестник Академии права и управления. 2018. № 3(52). с. 88–93

куемые во взаимосвязи с положениями ГК РФ, а при отсутствии специальных норм – непосредственно нормами ГК РФ, также судам необходимо учитывать содержащиеся в Законе принципы осуществления закупочной деятельности и особенности заключения, изменения, расторжения и исполнения отдельных видов договоров.

Какие выводы Верховного суда могут быть наиболее интересными для субъектов применения Закона?

1. При закупке работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объекта капитального строительства проектная документация подлежит размещению в составе документации о закупке. Верховный суд поставил, наконец, точку по вопросу необходимости размещения либо необязательности опубликования в единой информационной системе проектно-сметной документации (далее – ПСД) в составе документации о закупке строительных работ, поскольку до выхода Обзора существовало две противоположные позиции как у антимонопольных органов [2], так и у арбитражных судов [3].

Верховный суд отметил, что в силу части 9 статьи 4 Закона в извещении о закупке должен быть установлен, в частности, предмет договора с указанием количества поставляемого товара, объема выполняемых работ, оказываемых услуг.

Характеристики закупаемых подрядных работ по строительству здания должны с учетом требования части 1 статьи 743 ГК РФ, части 6 статьи 52 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ), содержаться в проектной документации. Проектной документацией определяются объем, содержание работ, в частности архитектурные, функционально-технологические, конструктивные и инженерно-технические решения для обеспечения строительства, характеристики надежности и безопасности объектов капитального строительства (часть 2 статьи 48 ГрК РФ). Разделы проектной документации объектов капитального строительства, за исключением проектной документации линейных объектов, установлены частью 12 статьи 48 ГрК РФ.

Отсутствие в документации о закупке информации о технических характеристиках работ, требованиях к их безопасности, результату работ, в том числе отсутствие проектной документации в полном объеме, не позволяет определить потребности заказчика и приводит к невозможности формирования участником закупки предложения по исполнению договора.

Следует отметить, что в Обзоре судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд содержится аналогичная позиция, что отсутствие проектной документации в полном объеме в составе документации о торгах на строительство объекта означает, что заказчик не уста-

новил требований к качеству, техническим характеристикам, безопасности, результатам работ, что является нарушением положений статьи 33 Закона №44-ФЗ [4].

Аналогичной позиции придерживаются и многие специалисты в сфере закупок [5], которые отмечают, что при размещении ПСД при проведении закупок по строительству остается неясным объем работ, подлежащих выполнению и, следовательно, участникам сложно оценить свои возможности и сформулировать адекватное предложение.

Воробьева А.В., проводя анализ нарушений порядка осуществления закупки товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, также указывает, что отсутствие в составе документации о закупке ПСД антимонопольные органы [6] признают нарушением в виде несоблюдения требований к содержанию документации о закупке и налагают на заказчика штрафы в размере до 10 тысяч рублей на основании части 7 статьи 7.32.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [7].

По мнению антимонопольного органа, отсутствие ПСД означает, что заказчик не установил требования к объему работ, которые нужно выполнить по договору. В результате потенциальные участники не могли сформировать обоснованное предложение [8].

На основании изложенного, в целях нивелирования для заказчика риска обжалования процедуры закупки заинтересованными участниками при закупке работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объекта капитального строительства проектная документация в полном объеме подлежит размещению в составе документации о закупке.

2. Установление требований о выполнении контракта лично, без привлечения субподрядчиков, отвечающих потребностям и интересам заказчика, не может рассматриваться как ограничение круга потенциальных участников закупки.

Верховный суд отметил, что запрет привлечения субподрядчиков и соисполнителей не является требованием, предъявляемым к участнику закупки, а относится к порядку исполнения договора и соответствует положениям статей 706 и 780 ГК РФ, предоставляющим возможность включения в договор условия о личном выполнении подрядчиком работ (оказании услуг).

Включение в документацию о закупках указанного условия не противоречит Закону о закупках и Федеральному закону от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закона о защите конкуренции), поскольку при проведении закупочных процедур заказчик не ограничен в вопросах формирования системы закупок, позволяющей выявить участника закупки, способного своевременно и качественно удовлетворить потребности заказчика в товарах, работах, услугах с необходимыми показателями цены, качества и надежности.

Условие выполнения работ, являющихся предметом закупки, собственными силами может рассматриваться как нарушающее законодательство, если будет доказано, что это условие включено в документацию о закупках специально для того, чтобы обеспечить победу конкретному хозяйствующему субъекту.

Ранее Верховный суд высказывал аналогичную позицию, что условие документации о закупке, осуществляемой коммерческой организацией, о недопустимости привлечения исполнителем субподрядчиков или соисполнителей само по себе не противоречит действующему законодательству [9].

До вышеозначенной позиции Верховного суда антимонопольные и судебные органы придерживались противоположных позиций.

Так, позиция некоторых антимонопольных и судебных органов совпадает с позицией высшего суда.

Например, постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.02.2016 №13АП-30448/2015 по делу №А56-63933/2015 установлено, что согласно части 1 статьи 706 Гражданского кодекса Российской Федерации, если из закона или договора подряда не вытекает обязанность подрядчика выполнить предусмотренную в договоре работу лично, подрядчик вправе привлечь к исполнению других лиц (субподрядчиков).

Закон №223-ФЗ не запрещает включать в конкурсную документацию требования о выполнении работ подрядчиком лично без привлечения субподрядных организаций. Вывод об ограничении заявителем конкуренции путем введения запрета привлекать к выполнению работ субподрядчиков является необоснованным [10].

Аналогичные выводы содержатся в решениях Санкт-Петербургского и Московского УФАС России [11].

При этом другие антимонопольные и судебные органы в противоречие позиции Верховного суда необоснованно считали, что условия, запрещающие привлечение субподрядных организаций к исполнению договора, неправомерны.

Например, решение ФАС России от 05.07.2016 ФАС России от 05.07.2016 №223ФЗ-321/16 гласит, что пунктом... Документации установлено, что... в ходе выполнения работы по настоящему договору... подрядчик до заключения договора субподряда обязан согласовать с Заказчиком привлечение к выполнению работ субподрядной организации...

Установление требования о согласовании привлечения субподрядных организаций с заказчиком может привести к ограничению количества участников Конкурса, что противоречит пункту 2 части 1 статьи 3 Закона о закупках и нарушает требования части 1 статьи 2 Закона о закупках [13].

На практике встречалась и «особая» позиция судов, считавшие, что условие, запрещающее либо

ограничивающее привлечение субподрядных организаций к исполнению договора, правомерно, если предусмотрено проектом договора, а не документацией о закупке.

Так, в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.09.2016 №09АП-37541/2016-АК по делу №А40-44336/16 указано, что довод... что при установлении в договоре права подрядчика на привлечение субподрядчиков происходит... ограничение/недопущение конкуренции... не отражает правовой сущности договора в закупке. ... В договоре... установлены права и обязанности сторон договора, а не участников закупки, что не приводит к ограничению количества участников. ...Только после определения победителя закупки между [заказчиком]... и победителем закупки будет заключен договор. ... В договоре отсутствует конкуренция, так как это сделка двух конкретных хозяйствующих субъектов.

В соответствии с положениями ст. 421 ГК РФ юридические лица свободны в заключении договора и по своему усмотрению вправе формировать условия договора [14].

Таким образом, вооружившись Обзором Верховного суда, следует поддержать позицию Тибурской Д.С. о том, что возможность привлечения субподрядчика к участию в исполнении обязательств по договору, заключаемому в рамках закупочной деятельности, зависит, в первую очередь, от волеизъявления заказчика [15].

3. Если участником закупки выступает несколько лиц (группа лиц), требования, указанные в документации о закупке, должны предъявляться к такой группе лиц в совокупности, а не к отдельно взятому ее участнику.

Аналогичная позиция высказывалась Верховным судом и ранее в постановлении от 17.10.2016 №305-АД16-13042 по делу №А40-1962/2016 [16] согласно которой, если участником закупки выступает несколько лиц (группа лиц), требования, указанные в документации о закупке, должны предъявляться в совокупности к такой группе лиц, а не к отдельно взятому ее участнику. Установление заказчиком требований к отдельным лицам, входящим в состав коллективного участника закупки, противоречит правовому смыслу коллективного участника закупки, а также целям и принципам Закона о закупках и нарушает положения частей 5, 6 статьи 3 упомянутого Закона.

Следует отметить, что в настоящее время уже сложилась единообразная антимонопольная [17] и правоприменительная практика [18], предусматривающая необходимость установления заказчиками квалификационных требований непосредственно к группе лиц, а не к отдельному лицу, входящему в группу. На практике заказчики устанавливают к группе лиц такие квалификационные требования, как: наличие опыта

участника закупки; наличие производственных мощностей, оборудования, трудовых ресурсов, необходимых для выполнения работ, оказания услуг и другие требования. Эти требования одни для всех и не должны предъявляться к каждому отдельно взятому лицу.

Кроме того, некоторые авторы [19] отмечают, что в документации о закупке целесообразно установить требования по оформлению заявки и документов, представляемых участником – группой лиц в подтверждение своей квалификации и иных требований, предъявляемых заказчиком.

4. Избрание заказчиком способа закупки, который повлек за собой необоснованное ограничение круга потенциальных участников, нарушает принципы осуществления закупочной деятельности и положения Закона о защите конкуренции.

Указанный вывод Верховного суда особенно важен для любого заказчика в связи с тем, что неограниченная возможность проведения закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) неправомерна, поскольку приводит к ограничению конкуренции.

Более того, согласно изменениям [20], внесенным в Закон о закупках, у заказчиков появилась обязанность в положении о закупке установить порядок подготовки и осуществления закупки у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика) и исчерпывающий перечень случаев проведения такой закупки.

Соответственно, заказчику необходимо самостоятельно определить в положении о закупке основания (включая критерии и случаи) для проведения закупки у единственного поставщика. В противном случае, существует риск признания закупок, совершенных с нарушением требований законодательства, ничтожными [21].

При установлении в положении о закупке случаев осуществления закупки у единственного поставщи-

ка (подрядчика, исполнителя) следует учитывать выводы, содержащиеся в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 14.08.2015 №Ф09-5430/15 по делу №А60-47219/2014, согласно которому «действие по определению способа закупки у единственного поставщика фактически привело к сокращению числа хозяйствующих субъектов на данном конкретном товарном рынке, поскольку общество «Маяк», фактически оказывавшее данную услугу учреждению, устранено с рынка по организации и предоставлению горячего питания учащимся, лишено возможности участвовать в конкурсных закупочных процедурах...»

Необеспечение конкурентных процедур приводит к ограничению доступа всех возможных лиц, претендующих на заключение контракта, на оказание услуги по организации и обеспечению горячим питанием обучающихся учреждения, к участию в размещении заказа.

При этом Верховный Суд допускает, что закупка товаров, работ, услуг у единственного поставщика целесообразна в случае, если такие товары, работы, услуги обращаются на низкоконкурентных рынках, или проведение конкурсных, аукционных процедур нецелесообразно по объективным причинам (например, ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций, последствий непреодолимой силы), а также возможна по результатам несостоявшейся конкурентной закупочной процедуры.

Безусловно, у большинства субъектов применения Закона о закупках достаточно осталось, да еще и появятся много вопросов при применении указанного закона (особенно с учетом внесенных 31 декабря 2017 года в него изменений), связанных с осуществлением закупочной деятельности. Вместе с тем выработанные правовые позиции Верховного суда, бесспорно, единообразят подходы к разрешению споров, связанных с применением положений Закона о закупках.

Список литературы

1. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 18.07.2011 №223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.05.2018) // СПС Консультант Плюс (дата обращения 29.05.2018).
2. Решение ФАС России от 12.07.2016 №223ФЗ-340/16, Решение ФАС России от 21.12.2015 №223ФЗ-420/15, Решение Санкт-Петербургского УФАС России от 22.03.2016 по жалобе № Т02-151/16 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 29.05.2018).
3. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 21.04.2016 №07АП-2381/2016 по делу №А45-17431/2015, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 09.02.2016 №Ф05-19364/2015 по делу №А40-58671/2015 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 29.05.2018).
4. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017) // СПС Консультант Плюс (дата обращения 29.05.2018).
5. *Гладких В.И., Сухаренко А.Н.* Криминальные угрозы экономической безопасности России: состояние и меры нейтрализации // *Российский следователь*. 2018. №2. С. 47-52.
6. Решение ФАС России №223ФЗ-03/15 от 15.01.2015, Решение ФАС России №223ФЗ-208/15 от 19.05.2015, решение №223ФЗ-101/14 от 07.08.2014, Решение ФАС России №223ФЗ-88/14 от 21.07.2014 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 20.06.2018).

7. Воробьева А.В. Административная ответственность и анализ нарушений порядка осуществления закупки товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц. «Публичные закупки: проблемы правоприменения. Материалы Третьей Всероссийской научно-практической конференции (9 июня 2015 г., МГУ имени М.В. Ломоносова)» («Юстицинформ», 2015) // СПС Консультант Плюс (дата обращения 20.06.2018).
8. Постановление ФАС России от 26.03.2018 №223ФЗ-331/17/АК074-18 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 30.05.2018).
9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017) // СПС Консультант Плюс (дата обращения 20.06.2018).
10. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.02.2016 №13АП-30448/2015 по делу №А56-63933/2015 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 19.06.2018).
11. Решение Санкт-Петербургского УФАС от 19.02.2016 по жалобе №Т02-95/16, Решение Московского УФАС России от 12.10.2015 по делу №1-00-1672/77-15, Решение Санкт-Петербургского УФАС России от 23.01.2014 по делу №Т05-17/14 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 19.06.2018).
12. Решение ФАС России от 14.06.2016 №223ФЗ-252/16, Решение ФАС России от 11.05.2016 №223ФЗ-186/16, Решение ФАС России от 23.12.2015 №223ФЗ-427/15, Решение ФАС России от 05.11.2015 №223ФЗ-334/15, Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 19.11.2013 по делу №А33-4228/2013, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.07.2016 №09АП-20323/2016 по делу №А40-200731/15 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 19.06.2018).
13. Решение ФАС России от 05.07.2016 №223ФЗ-321/16 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 19.06.2018).
14. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.09.2016 №09АП-37541/2016-АК по делу №А40-44336/16 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 19.06.2018).
15. Тибурская Д.С. Проблемы множественности лиц при участии в процедурах закупки «Публичные закупки: проблемы правоприменения. Материалы IV Международной конференции (10 июня 2016 г., МГУ имени М.В. Ломоносова)» («Юстицинформ», 2016) // СПС Консультант Плюс (дата обращения 20.06.2018).
16. Постановление Верховного Суда РФ от 17.10.2016 №305-АД16-13042 по делу №А40-1962/2016 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 20.06.2018).
17. Постановление ФАС России от 29.12.2015 по делу №223ФЗ-122/15/АК940-15; Постановление ФАС России от 03.04.2015 по делу №223ФЗ-91/14/АК110-15 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 20.06.2018).
18. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.07.2016 № Ф05-9626/2016 по делу №А40-169640/15, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.07.2016 №09АП-32841/2016-АК по делу №А40-75004/16 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 20.06.2018).
19. Евсташенков А.Н. Установление отдельных требований к участникам закупки. Юриспруденция, 2015.
20. Мисак А.Ю. Правовые проблемы участия группы лиц в корпоративных закупках. Электронное научное издание «Военное право» 2018г. Выпуск №3 (<http://www.voennoepravo.ru/files/v3-18-1.pdf>).
21. Федеров А.А. Установление требований к участникам закупок по Закону № 223-ФЗ. Юриспруденция, 2014 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 20.06.2018).
22. Федеральный закон от 31.12.2017 №505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс (дата обращения 16.08.2018).
23. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 31.07.2018 №09АП-25202/2018 по делу №А40-127320/17 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 16.08.2018).

Reference list

1. Review of court practice on issues related to the application of the Federal Law of 18.07.2011 №223-FL "On procurement of goods, construction and services by certain kinds of legal entities" (approved. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 16.05.2018) // Legal Reference System ConsultantPlus (date of access: 29.05.2018).
2. The Decision of the Russian FAS from 12.07.2016 №223FL-340/16, The Decision of the Russian FAS from 21.12.2015 №223FL-420/15, The Decision of the St. Petersburg UFAS of Russia from 22.03.2016 on complaint №Т02-151/16 // Legal Reference System ConsultantPlus (date of access: 29.05.2018).
3. The Decision of the Seventh Arbitration Appeal Court from 21.04.2016 №07АП-2381/2016 in case №А45-17431/2015, The Decision of Arbitration Court of the Moscow district from 09.02.2016 №F05-19364/2015 in the case №А40-58671/2015 // Legal Reference System ConsultantPlus (date of access: 29.05.2018).
4. Review of court practice of application of the legislation of the Russian Federation on the contract system in the field of procurement of goods, construction and services for state and municipal needs (approved). Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 28.06.2017) // Legal Reference System ConsultantPlus (date of access: 29.05.2018).
5. Gladkikh V., Sukharensko A. Criminal threats to the economic security of Russia: The state and measures of neutralization // Russian investigator. 2018. №2. P. 47-52.
6. The Decision of the Russian FAS №223FL-03/15 15.01.2015, The Decision of the Russian FAS №223FL-208/15 from 19.05.2015, The Decision №223FL-101/14 dated 07.08.2014, The Decision of the Russian FAS №223FL-88/14 from 21.07.2014 // Legal Reference System ConsultantPlus (date of access: 20.06.2018).

7. *Vorob'eva A.* Administrative responsibility and analysis of violations of the procedure for the procurement of goods, construction and services by certain kinds of legal entities "Public procurement: Issues of law enforcement. Proceedings of the Third all-Russian scientific-practical conference (June 9, 2015, Lomonosov Moscow State University)", ("Justicinform", 2015) // Legal Reference System ConsultantPlus (date of access: 20.06.2018).
8. The Decision of the Russian FAS of from 26.03.2018 №223FL-331/17/AK074-18 // Legal Reference System ConsultantPlus (date of access: 30.05.2018).
9. Review of court practice of the Supreme Court of the Russian Federation №5 (2017) (app. Presidium of the Supreme Court 27.12.2017) // Legal Reference System ConsultantPlus (date of access: 20.06.2018).
10. The Decision of the Thirteenth Arbitration Appeal Court of 15.02.2016 №13AP-30448/2015 in the case №A56-63933/2015 // Legal Reference System ConsultantPlus (date of access: 19.06.2018).
11. The Decision of the St. Petersburg UFAS from 19.02.2016 on the complaint №Т 02-95 / 16, The Decision of the Moscow UFAS of Russia from 12.10.2015 in the case №1-00-1672 / 77-15, The Decision of the St. Petersburg UFAS of Russia from 23.01.2014.
12. The Decision of the Russian FAS from 14.06.2016 №223FL-252/16, The Decision of the Russian FAS from 11.05.2016 №223FL-186/16, The Decision of the Russian FAS of from 23.12.2015 №223FL-427/15, the Decision of the Russian FAS on 05.11.2015 №223FL-334/15, The Decision of the Third Arbitration Appeal Court dated 19.11.2013 in the case №A33-4228/2013, The Decision of the Ninth Arbitration Appeal Court of 05.07.2016 №09AP-20323/2016 in the case №A40-200731/15 // Legal Reference System ConsultantPlus (date of access: 19.06.2018).
13. The Decision of the Russian FAS from 05.07.2016 №223-FL 321/16 // Legal Reference System ConsultantPlus (date of access: 19.06.2018).
14. The Decision of the Ninth Arbitration Appeal Court of 23.09.2016 №09AP-37541/2016-AK in the case №A40-44336/16 // Legal Reference System ConsultantPlus (date of access: 19.06.2018).
15. *Tiburskaya D.* Issues of plurality of persons participating in procurement procedures "Public procurement: Issues of law enforcement. Proceedings of the IV international conference (June 10, 2016, Lomonosov Moscow State University)" ("Justicinform", 2016) // Legal Reference System ConsultantPlus (date of access: 20.06.2018).
16. The Decision of the Supreme Court of 17.10.2016 №305AD 16-13042 in the case №A40-1962/2016 // Legal Reference System ConsultantPlus (date of access: 20.06.2018).
17. The Decision of the Russian FAS of 29.12.2015 in case №223-FL 122/15/AK940-15; The Decision of the Russian FAS of 03.04.2015 in case №223FL-91/14/AK110-15 // Legal Reference System Consultant Plus (date of access: 20.06.2018).
18. The Decision of Arbitration Court of the Moscow district from 19.07.2016 №F05-9626/2016 in the case №A40-169640/15, The Decision of the Ninth Arbitration Appeal Court of 28.07.2016 №09AP-32841/2016-AK in case №A40-75004/16 // Legal Reference System ConsultantPlus (date of access: 20.06.2018).
19. *Evstashenkov A.* Establishment of separate requirements for procurement participants. *Yurisprudentsiya*, 2015.
20. *Misak A.* Legal issues of participation of a group of persons in corporate procurement. Electronic scientific publication "Military law" 2018. Issue №3. (<http://www.voennopravo.ru/files/v3-18-1.pdf>).
21. *Fedorov A.* The establishment of requirements to participants of procurement under Law № 223-FL. *Yurisprudentsiya*, 2014 // Legal Reference System ConsultantPlus (date of access: 20.06.2018).
22. Federal Law №505-FL of 31.12.2017 "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" // Legal Reference System ConsultantPlus (date of access: 16.08.2018).
23. The Decision of the Ninth Arbitration Appeal Court of 31.07.2018 №09AP-25202/2018 in the case №A40-127320/17 // Legal Reference System ConsultantPlus (date of access: 16.08.2018).

УДК 349:681

Мамедов Н.М.,

аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Цель статьи: определить основные направления развития информационно-правового обеспечения электронного правительства в Азербайджанской Республике.

Метод исследования: системный анализ концепции электронного правительства и информационного законодательства Азербайджанской Республики.

Достигнутый результат: На основании анализа основных концепций «электронного правительства (e-government)», «открытого правительства (open government)», «цифрового правительства (digital government)» и практики их реализации в Азербайджанской Республике сформулированы цели и основные направления развития информационно-правового обеспечения электронного правительства.

Целью развития информационно-правового обеспечения электронного правительства является совершенствование системы государственного управления, повышения открытости и прозрачности работы государственных органов, подотчетности всей системы государственных органов перед обществом и вовлечение граждан в процессы государственного управления на основе использования современных информационных технологий и цифровых информационных ресурсов.

Рассмотрены достижения и проблемы в области правового регулирования деятельности средств массовой информации, обеспечения доступа к информации о деятельности государственных органов, обеспечения информационной безопасности в Азербайджанской Республике.

Ключевые слова: информационное общество, информационное законодательство, информационно-телекоммуникационные технологии, электронное правительство, открытое правительство, цифровое правительство, информационная безопасность, кибербезопасность, электронные государственные услуги, средства массовой информации

Mamedov N.,

Postgraduate student of Chair of Information Law and Digital Technologies
of Moscow State Law University named after O. Kutafin

INFORMATION-LEGAL SUPPORT OF E-GOVERNMENT IN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

The purpose of the article is to determine the key directions of development of information-legal support of e-Government in the Republic of Azerbaijan.

Research method is a systematic analysis of the concept of e-Government and information legislation of the Republic of Azerbaijan.

Achieved results are based on the analysis of the basic concepts of "electronic government (e-Government)", "open government", "digital government" and practices of their implementation define the object-matters and key directions of development of information-legal support of e-Government in the Republic of Azerbaijan.

The purpose of the development of information-legal support of e-Government is to improve the system of public administration, increase openness and transparency of public authorities, accountability of the entire system of public authorities to society and the involvement of citizens in the processes of public administration through the use of modern information technologies and digital information resources.

The achievements and challenges in the field of legal regulation of the mass media, ensuring of access to information on the activities of public authorities, ensuring of information security in the Republic of Azerbaijan are considered.

Keywords: information society, information legislation, information-telecommunication technologies, e-Government, open government, digital government, information security, cyber security, e-Government services, mass media

В современном обществе информационные технологии не только воздействуют на общественные отношения, но и кардинально преобразовывают государственные и общественные институты. В информационном обществе в большинстве государств электронное правительство (e-government) и электронное управление (**e-governance**) рассматриваются как инструменты, которые используются правительствами для модернизации системы государственного управления. Однако инициативы по созданию электронного правительства существенно отличаются друг от друга по своим приоритетам.

На первых этапах развития электронного правительства в большинстве стран делался акцент на технологичность управления [1]. Деятельность органов исполнительной власти строится на основе их административных регламентов оказания государственных услуг и исполнения государственных функций с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИКТ). На этом этапе информационным технологиям отводится обеспечительная роль в системе государственного управления [2].

Основы концепции электронного правительства Азербайджанской Республики были заложены в Концепции «Электронное правительство», разработанной в рамках «Национальной Стратегии по информационно-коммуникационным технологиям во имя развития Азербайджанской Республики» (2003-2012-е годы) [3] и Государственной программе «Электронный Азербайджан» [4]. Цель данной концепции – повышение эффективности и оперативности деятельности государственных органов с широким применением информационно-коммуникационных технологий, упрощение и либерализацию связей государственных органов с населением, бизнес-учреждениями, а также между собой. Данная концепция создаёт условия для налаживания отношений между гражданином и чиновником с обеспечением прозрачности и достоверности информации о деятельности государственных органов.

Последующее реформирование привело сначала к рассмотрению государственного управления как процесса, построенного и связанного воедино при помощи информационных технологий, а затем к появлению предпосылок к качественному обратному воздействию технологий на государственное управление. Активное внедрение ИКТ в государственный менеджмент способствует созданию прозрачной информационной среды, повышению открытости власти, более эффективному взаимодействию власти и населения, становлению и упрочению электронной демократии в России [5].

Эта трансформация нашла отражение в появлении и развитии концепции открытого правительства.

Термин «открытое правительство» (open government) означает не правительство как набор организационно-технологических инструментов, а особое состояние системы государственного управления. Открытое правительство мыслится, с одной стороны, как прозрачность и доступность информации о деятельности органов исполнительной власти, а, с другой, как участия и вовлечения граждан в систему государственного управления, включая базовую защиту гражданских прав [6].

Формы участия граждан в таком информационном взаимодействии разнообразны. Это общественные консультации по проектам законов, иных нормативных актов, различных программ; референдумы по вопросам, затрагивающим интересы определенных групп населения или отдельных территорий; так называемая народная экспертиза (проекты, обобщающие идеи и жалобы граждан на дорожные проблемы, проблемы городской инфраструктуры, незарегистрированные свалки и т.п.), интерактивное взаимодействие граждан с государственными органами, включая электронные петиции [7].

Особое внимание в концепции открытого правительства уделено содержанию принципа открытости и прозрачности системы электронного государственного управления.

Следует отметить, что рассмотрение понятий «открытость», «прозрачность» и «гласность» как синонимов характерно и для науки, и для законодательства. Однако, необходимо установить различие между открытостью и прозрачностью. Открытость подразумевает наличие в системе правоотношений широких каналов взаимопроникновения для всего спектра социальных, экономических и политических сил. Прозрачность же характеризуется максимально возможной доступностью информации о деятельности управленческого аппарата и формированием жесткого механизма общественного воздействия на сферу частного и государственного администрирования посредством представительских институтов. Прозрачность и открытость государственных органов считают неотъемлемыми признаками их демократичности.

Реализация принципа прозрачности в ходе разработки информационно-правового обеспечения электронного правительства требует решения задачи привлечения для участия в деятельности органов исполнительной власти гражданского общества, разработки механизмов общественной экспертизы, проведения государственно-общественных консультаций и общественного мониторинга на ранних стадиях под-

готовки и принятия решений, а также обеспечения публичности принятых решений.

Особо стоит вопрос о введении публичной отчетности органов власти. Акцент смещается в сторону обязывания власти быть подотчетной обществу, что вносит несомненный вклад в противодействие коррупции.

В ряде случаев необходимо обеспечить прозрачность и самого процесса принятия управленческих решений. Это и парламентские слушания, и деятельность научно-консультативных советов, комиссий при ведомствах, и консультации с бизнес-объединениями перед принятием решений.

Закрепление принципа открытости и прозрачности в качестве нормативного принципа могло бы означать, что обеспечение открытости и прозрачности государственного управления является делом государства, то есть обязанностью государственных и муниципальных органов власти, а сама власть подконтрольна обществу. Повышение открытости органов государственной власти помогает достичь нескольких целей: сделать государство более демократичным, «прозрачным» для граждан; повысить эффективность деятельности государственного аппарата; установить общественный контроль над властью.

Открытость информации имеет большое значение в качестве превентивной антикоррупционной меры. Необходимо определить следующие составные части антикоррупционного информационного стандарта: информационная открытость государственного управления; свобода и прозрачность информационного обмена в системе государственного управления; обеспечение качества правовой информации, в том числе исключение ее коррупциогенности; создание специальных антикоррупционных информационных режимов; постоянное информирование о состоянии коррупции.

Таким образом, можно констатировать, что трактовка электронного правительства эволюционировала от предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций в электронном виде к системе механизмов и принципов открытого государственного управления.

В настоящее время концепция электронного правительства претерпевает новые трансформации. Страны – лидеры электронного правительства переходят к следующему этапу системы предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций – к стадии «цифрового правительства». Опираясь на преобразования, произведенные в ходе предыдущих этапов формирования электронного правительства, эта стадия подразумевает полный перевод услуг в цифровой формат от обращения за этими услугами до их исполнения и достижение такого положения дел, когда ведомственные

процессы опираются преимущественно на данные, а не на документы [8].

Становится очевидной потребность в разработке и принятии организационно-правовых мер, направленных на обеспечение нового качества информационного пространства страны. Действующее законодательство должно обеспечить правовую основу таким направлениям как:

- реализацию конституционного права граждан и организаций на информацию;
- обеспечение доступа к таким социально-значимым видам информации как информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления; информация и деятельности судов; экологической информации; правовой информации;
- создание механизмов вовлечения граждан и организаций в процессы государственного управления;
- создание единого информационного пространства органов государственной власти;
- обеспечения необходимого уровня информационной безопасности субъектов информационных отношений в сфере государственного управления.

Происходящие процессы требуют теоретического осмысления направлений развития информационно-правового обеспечения электронного правительства и дальнейшего развития информационного законодательства.

Информационно-правовое обеспечение электронного правительства необходимо определить как систему взаимосвязанных и взаимодействующих между собой информационно-правовых институтов, обеспечивающих как электронное взаимодействие исполнительных органов государственной власти при исполнении государственных функций, так и реализацию информационных прав, свобод и законных интересов физических лиц и организаций в сфере предоставления публичных услуг. К таким информационно-правовым институтам следует отнести формы и методы информационного взаимодействия, информационно-правовые акты в сфере государственного управления, процедуры и регламенты исполнения государственных функций и предоставление государственных услуг.

Целью развития информационно-правового обеспечения электронного правительства является совершенствования системы государственного управления, повышения открытости и прозрачности (транспарентности) работы государственных органов, подотчетности всей системы государственных органов перед обществом, вовлечение граждан в процессы государственного управления на основе использования современных информационных технологий и цифровых информационных ресурсов.

Процессы цифровизации системы государственного управления продиктовали новые базовые

начала, развивающие систему принципов электронного правительства:

- Принцип презумпции цифровых данных и услуг (цифровые по умолчанию). Данный принцип заключается в том, что государственная услуга изначально является цифровой, а не как в настоящий момент, факультативной формой предоставления услуги. Для преодоления цифрового разрыва, тем лицам, которые не могут самостоятельно воспользоваться цифровой услугой, должна быть предоставлена помощь в ее получении. С правовой точки зрения, это требует установления приоритета электронного документа над традиционным бумажным документом.

- Принцип «правительство как платформа». В электронном правительстве модель взаимодействия обычно состояла в том, что пользователь взаимодействовал с электронным сервисом государственного органа (интернет-сайтом, мобильным приложением). Принцип «правительство как платформа» предполагает, что правительство, обеспечивая доступ доверенным посредникам к интерфейсам создания приложений, может открыть возможности для новых услуг, предоставляемых частным сектором и предпринимателями. Это позволит снизить нагрузку на правительство, расходы на функционирование его электронных сервисов и повысить их эффективность.

В качестве структурных элементов информационно-правового обеспечения электронного правительства следует назвать:

- информационное и административное законодательство, устанавливающее полномочия государственных органов по обеспечению межведомственного информационного взаимодействия, реализации права физических лиц и организаций на доступ к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, созданию и эксплуатации официальных сайтов государственных органов и государственных информационных систем;

- информационно-правовой режим создания и эксплуатации официальных сайтов государственных органов;

- информационно-правовые нормы в сфере межведомственного электронного взаимодействия, обеспечивающее эффективное функционирование информационных систем, входящих в состав электронного правительства;

- информационно-правовые нормы, закрепляющие право физических лиц и организаций на доступ к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления;

- информационно-правовые нормы, устанавливающие право граждан на участие в системе государственного управления на основе использования современных информационных технологий и цифровых информационных ресурсов;

- информационно-правовые нормы в сфере электронного документооборота;

- гарантии информационной безопасности в сфере электронного правительства;

- а также сами информационные ресурсы (открытые данные, электронные базы данных, электронные архивы, классификаторы, справочники, реестры и регистры).

Требует внимания проблема повышения количества и качества национальных информационных ресурсов Азербайджанской Республики в глобальной сети Интернет, расширение сферы их охвата, усиление возможностей влияния на международное общественное мнение. Поэтому осуществление правовых, экономических, организационных и технологических мер, направленных на сбалансирование личных, общественных и государственных интересов в деятельности СМИ, является одним из главных направлений информационной политики государства.

Так в соответствии с принятым в 2005 году Законом Азербайджанской Республики «О получении информации» идут процессы усовершенствования деятельности структурных подразделений государственных органов, ответственных за предоставление информации, развитие государственных информационных интернет-ресурсов.

В реализации поставленных целей Азербайджан сегодня уже добился значительных успехов. Согласно отчету «Измерение информационного общества-2017», опубликованном на сайте Международного телекоммуникационного союза (ITU) [9], Азербайджан занял 65 место в мире по индексу развития информационно-коммуникационных технологий (IDI).

По заявлению главы отдела по внутреннему контролю и аудиту аппарата министерства Таира Мамедова в 2017 году Министерство связи и высоких технологий Азербайджана ускоряет процесс интеграции открытых баз данных государственных и частных структур в портал «открытое правительство» – data.gov.az [10]. Наличие открытых баз данных госведомств дает толчок развитию сектора ИКТ, появлению новых электронных услуг, увеличению числа мобильных приложений и создает удобства для электронного взаимодействия между госучреждениями и с обществом.

Очевидно, что одной из важнейших задач информационно-правового обеспечения электронного правительства является задача обеспечения информационной безопасности.

В Азербайджане вопрос информационной безопасности рассматривается в качестве неотъемлемой части национальной безопасности. Государство присоединилось к европейской Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации ETS №185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.). В 2012 году ука-

зом президента создан орган по обеспечению кибербезопасности – Центр электронной безопасности при Министерстве связи и информационных технологий. Центр координирует деятельность субъектов информационной инфраструктуры в области кибернетической безопасности, собирает и анализирует информацию об электронных угрозах (кибератаках, незаконном проникновении, вредоносных компьютерных программах) для информационных систем и сетей, оказывать методическую поддержку в области противодействия электронным угрозам.

Однако решение вопросов противодействия преступности в сфере компьютерной информации в полной мере не обеспечивают информационную безопасность государства и его граждан и организаций. Под информационной безопасностью понимают такое состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства [11].

При информационном обмене в системе государственного управления, предоставлении гражданами и организациями информации, необходимой для получения государственных услуг очень остро стоит проблема, связанная с реализацией права субъектов, на конфиденциальность охраняемой законом информации, и, в первую очередь, персональных данных гражданина. Перед государственным органом стоит задача обеспечения безопасности и конфиденциальности таких сведений при их использовании.

В 2010 году принят Закон Азербайджанской Республики «О персональных данных» [12], который регулирует отношения по поводу оборота персональных данных и призван обеспечить права субъекта персональных данных, в том числе при их использовании в системе государственного управления.

В апреле 2016 г. в Европейском Союзе введен новый единый для европейского пространства регламент Европейского парламента и совета по защите личных данных GDPR – General Data Protection Regulation. Регламент ЕС 2016/679Э заменил рамочную Директиву о защите персональных данных 95/46/ЕС от 24 октября 1995 года и установил новые правила обработки персональных данных, которые обязательны для международного IT-рынка. Для адаптации информационных систем под новые правила было выделено два года, и с мая 2018 года GDPR начал свое действие. Создан новый орган – Европейский совет по защите данных (European Data Protection Board – EDPB).

Следует также отметить экстерриториальный принцип действия GDPR. В регламенте заявлено, что

действие GDPR распространяется на все мировое общество. Главным объектом становятся персональные данные европейцев, а это значит, что применяться новые требования будут к любым компаниям и организациям, где бы они ни находились, если они имеют дело с резидентом или гражданином ЕС. Филиалы иностранных компаний, расположенные на территории ЕС, и компании, расположенные за пределами ЕС, но обслуживающие европейских резидентов и граждан, должны выполнять требования GDPR.

Очевидно, что принятие указанного регламента отразится на азербайджанском законодательстве о персональных данных. Это связано, в первую очередь с тем, что Азербайджан выстраивает с Евросоюзом экономическое партнерство и ратифицировал Европейскую Конвенцию Совета Европы о защите физических лиц при обработке персональных данных. С другой стороны, это связано с проблемой обработки персональных данных лиц с двойным гражданством.

Осознав первостепенную важность проблемы обеспечения информационной безопасности многие страны разработали свои национальные концепции и доктрины в данной области сфере. В этих документах определены стратегические цели и основные направления обеспечения информационной безопасности, проанализированы основные информационные угрозы, определяются основные направления обеспечения информационной безопасности в области обороны, государственной и общественной безопасности, в экономической сфере, в области науки, технологий и образования, стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства. Так в Российской Федерации Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. №646 утверждена Доктрины информационной безопасности Российской Федерации [11]. Согласно этой Доктрине, стратегическими целями обеспечения информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности являются защита суверенитета, поддержание политической и социальной стабильности, территориальной целостности Российской Федерации, обеспечение основных прав и свобод человека и гражданина, а также защита критической информационной инфраструктуры.

Разработка такого концептуального документа в Азербайджанской Республике позволит на системном уровне оценить информационное законодательство и обеспечить его развитие в направлении достижения должного уровня информационной безопасности.

Такие образом, современное информационное законодательство Азербайджанской республики несомненно позволило решить целый ряд вопросов, связанных с реализацией концепции электронного правительства. Вместе с тем существующие тенденции развития информационного общества приводят к не-

обходимости дальнейшего развития законодательства управления, свободы средств массовой информации и в области реализации открытости государственного обеспечения информационной безопасности.

Список литературы

1. *Богдановская И.Ю.* Методы анализа электронного государства: к выработке комплексного подхода // Эволюция государственных и правовых институтов в условиях развития информационного общества. М., 2012. С. 165.
2. *Талпина Э.В.* Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект). М.: ИД «Юриспруденция», 2015. С. 37.
3. Распоряжение Президента Азербайджанской Республики от 17 февраля 2003 года №1146 «Об утверждении «Национальной стратегии по информационным и коммуникационным технологиям во имя развития Азербайджанской Республики (2003-2012 годы)» // Азербайджан. 2003. №38
4. Распоряжение Президента Азербайджанской Республики от 11 августа 2010 г. №1055 «Об утверждении «Государственной программы по развитию связи и информационных технологий в Азербайджанской Республике на 2010-2012 годы (Электронный Азербайджан)» // Азербайджан. 2010. №174.
5. *Холопов В.А.* Правовые аспекты совершенствования институтов непосредственной демократии и информационного обеспечения местного самоуправления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. №4. С. 113.
6. Open Government Declaration. // [Электронный ресурс]. URL: http://www.opengovpartnership.org/sites/www.opengovpartnership.org/files/page_files/OGP_Declaration.pdf (дата обращения: 16.05.2018)
7. Открытое правительство за рубежом. Правовое регулирование и практика: монография / Отв. ред. И.Г. Тимошенко. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. С. 6.
8. Digital government 2020: prospects for Russia: Цифровое правительство 2020: перспективы для России (Russian) // [Электронный ресурс]. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/690171468181130951/Цифровое-правительство-2020-перспективы-для-России> (дата обращения: 16.05.2018)
9. ITC Development Index 2017 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.itu.int/net4/ITU-D/idi/2017/index.html> (дата обращения: 16.05.2018)
10. Азербайджан ускоряет интеграцию открытых баз данных в портал «Открытое правительство» // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trend.az/business/it/2718063.html> (дата обращения: 16.05.2018)
11. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. №646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. №50. Ст. 7074
12. Закон Азербайджанской Республики от 11 мая 2010 года №998-IIIQ «О персональных данных» // Азербайджан. 2010. №121
13. *Али Гасанов:* Палитра медиа в Азербайджане уже полностью сформирована // [Электронный ресурс]. URL: http://azertag.az/ru/xeber/Ali_Gasanov_Palitra_media_v_Azerbaijane_uzhe_polnostyu_sformirovana-956271 (дата обращения: 16.05.2018).

Reference list

1. *Bogdanovskaya I.* Methods of analysis of e-state: To develop an integrated approach // Evolution of state and legal institutions in the development of the information society. M., 2012. P. 165.
2. *Talapina E.* Public administration in the information society (legal aspect). M.: Publishing house "Jurisprudence", 2015. P.37.
3. Order №1146 of the President of the Republic of Azerbaijan of 17th of February 2003 "On approval of the National strategy on information and communication technologies for the development of the Republic of Azerbaijan (2003-2012)" // Azerbaijan. 2003. №38
4. Order №1055 of the President of the Republic of Azerbaijan of 11th of August 2010 "On approval of the State program for the development of communications and information technologies in the Republic of Azerbaijan for 2010-2012 (Electronic Azerbaijan)" // Azerbaijan. 2010. №174.
5. *Kholopov V.* Legal aspects of perfecting institutes of direct democracy and information provision of local government // Issues of state and municipal management. 2011. №4. P. 113.
6. Open Government Declaration. // [Electronic resources]. URL: http://www.opengovpartnership.org/sites/www.opengovpartnership.org/files/page_files/OGP_Declaration.pdf (date of access: 16.05.2018)
7. Open government abroad. Legal regulation and practice: Monograph / Executive editor I. Timoshenko. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2015. P.6.
8. 2020 Digital government: Prospects for Russia: 2020 Digital government: Prospects for Russia (Russian) // [Electronic resource]. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/690171468181130951/Цифровое-правительство-2020-перспективы-для-России> (date of access: 16.05.2018)

9. 2017 ITC Development Index // [Electronic resource]. URL: <http://www.itu.int/net4/ITU-D/idi/2017/index.html> (date of access: 16.05.2018)
10. Azerbaijan is accelerating the integration of open databases into the open government portal // [Electronic resource]. URL: <https://www.trend.az/business/it/2718063.html> (date of access: 16.05.2018)
11. The Decree of the President of the Russian Federation of 5th of December, 2016 №646 "On approval of the Doctrine of information security of the Russian Federation" // Official Gazette of the Russian Federation. 2016. №50. Art. 7074
12. Law of the Republic of Azerbaijan of 11th of May, 2010. №998-IIIQ "On personal data" // Azerbaijan. 2010. №121
13. *Ali Gasanov*: The Media Palette in Azerbaijan has already been fully formed. [Electronic resource]. URL: http://azertag.az/ru/xeber/Ali_Gasanov_Palitra_media_v_Azerbaidzhane_uzhe_polnostyu_sformirovana-956271 (date of access: 16.05.2018).

УДК 343.9

Афанасьев П.Б.,

старший преподаватель кафедры «Уголовное право, уголовно-процессуальное право и криминалистика»
Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ),
преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях
Учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья посвящена актуальной как в теоретическом, так и в практическом аспектах криминологической проблеме, а именно виктимологической профилактике преступлений. Совершение преступления представляет собой динамический процесс, в котором тесно переплетаются такие элементы как преступник, потерпевший и криминальная ситуация. При этом в статье обосновывается и еще раз подтверждается тезис о том, что не следует недооценивать роль потерпевшего в механизме индивидуального преступного поведения. На основании анализа данных официальной уголовной статистики, результатах изучения карточек первичного учета на потерпевшего и материалов уголовных дел представлен перечень проблем, возникающих при формировании виктимологической профилактики.

Ключевые слова: потерпевший, жертва преступления, виктимология, виктимологическая профилактика, преступность, виктимность, виктимизация

Afanas'ev P.,

Senior Lecturer of the Chair "Criminal Law, Criminal-Procedural Law and Forensics"
of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT),
Lecturer of Chair of Activities of Internal Affairs Agencies in Special Conditions
of the Educational-Scientific Complex of Special Training of Moscow University of Internal Affairs of Russia
named after V. Kikotya

REVISITING THE ISSUE OF VICTIMOLOGICAL CRIMES PREVENTION

This article is focused the criminological issue to the actual both in theoretical and practical aspects, that is victimological crimes prevention. The commission of a crime is a dynamic process in which such elements as the criminal, the victim and the criminal situation are closely intertwined. At the same time, the article substantiates and once again confirms the thesis that the role of the victim in the mechanism of individual criminal behavior should not be underestimated. A list of issues arising in the formation of victimological prevention is presented on the basis of the data analysis of official criminal statistics, the results of the study of primary registration cards for the victim and the materials of criminal cases.

Keywords: victim, victim of crime, victimology, victimological prevention, criminality, victimity, victimization

В современных условиях, когда криминологическая наука обогатилась целым рядом оригинальных идей благодаря новым разработкам в области социологии, психологии, педагогике и ряде других наук вопросы виктимологической профилактики представляют особый интерес.

Значительное количество исследований, выполненных как зарубежными, так и отечественными криминологами свидетельствуют, что совершение преступления – это динамичный процесс, в котором преступник, потерпевший и ситуация, настоль тесно

связаны между собой, что образуют единую систему, которая может существовать только при наличии всех названных компонентов. При этом возможно достаточно интенсивное взаимодействие преступника и его жертвы, причем роль жертвы в механизме индивидуального преступного поведения может быть существенной и без учета ее роли в ситуации преступления невозможно понять ни этапы преступной деятельности, ни ее причины.

Сказанное предопределяет представляет интерес такого направления виктимологии как виктимо-

логическая профилактика, под которой в криминологической науке понимается одно из направлений деятельности государства в целом, специализированных органов, организаций, заключающееся в реализации форм, методов профилактики виктимности, комплекса государственных и общественных мер, ориентированных на предупреждение преступлений путем снижения у населения и отдельных граждан риска стать жертвами преступных посягательств. Меры виктимологической профилактики также направлены на воспрепятствование реализации виктимных свойств и качеств отдельных групп населения, на устранение или нейтрализацию факторов, способствующих криминальной виктимизации общества в целом или отдельных групп населения [3, с. 137], а также обеспечения безопасности потенциальных потерпевших уголовно-правовыми и административно-правовыми средствами [4, с. 21].

В последнее время, виктимизация, рассматриваемая как неотъемлемая составляющая преступности, выступает индикатором реального состояния процесса криминализации общества. Более того, показатель уровня виктимизации, т.е. доли граждан подвергшихся противоправным посягательствам от числа опрошенных, учитывается в качестве одного из критериев ведомственной оценки безопасности граждан и деятельности министерств внутренних дел по республикам, главных управлений, управлений Министерства внутренних дел Российской Федерации по иным субъектам Российской Федерации [6]. Следовательно, познание преступности и борьба с ней невозможны без изучения статистических данных, характеризующих жертв преступления и всех тех обстоятельств, в силу которых эта личность стала таковой, т.е. без использования соответствующей виктимологической информации. В связи с этим, в современной науке потерпевший от преступления признается носителем криминологически значимой информации, используемой при реализации мер виктимологической профилактики. Однако эффективность виктимологической профилактики предполагает изучение данных, характеризующих не только непосредственно потерпевшего от преступления, которые при взаимодействии со сложившейся криминальной ситуацией формируют его виктимность, но и иной информации виктимологического характера, позволяющей формировать дифференцированную систему мер предупреждения в результате всестороннего учета совокупности криминологических субъективных и объективных факторов, таких как: место, время, способы совершения преступлений, наиболее типичные категории лиц, вовлеченных в преступления в качестве преступников или потерпевших.

Результаты виктимологического анализа состояния преступности позволяют получить более полную информацию о происходящих криминогенных

и виктимогенных процессах и являются основой для разработки прогноза криминальной виктимизации в будущем и принятия адекватных государственных и общественных мер упреждающего характера в сфере противодействия преступности.

Виктимологическая информация может быть получена в результате:

- изучения состояния криминальной виктимизации за квартал, полугодие, год или иной анализируемый период и определение тенденций ее развития в целом и по отдельным видам преступлений;
- анализ показателей географии виктимизации в целом и по отдельным видам преступлений;
- установления совокупности объективных и субъективных факторов, предопределяющих состояние криминальной виктимизации, в целях получения прогностических выводов о возможных изменениях установленных тенденций криминальной виктимизации;
- исследования отдельных виктимологических проблем борьбы с преступностью.

В рамках определения направлений виктимологической профилактики не менее важным представляется правильное определение объекта профилактического воздействия, в качестве которого могут выступать как отдельные граждане с высоким уровнем виктимности и страдающие от различных видов преступлений, так и группы населения, а также определенные факторы, среда или какая-либо территория.

Также для целенаправленного виктимологического воздействия представляется важным подразделять меры профилактики в зависимости от того на реальных или потенциальных жертв преступлений оно направлено. Следовательно, в зависимости от объекта, стадии совершения преступления, особенностей форм и методов криминологического воздействия все предпринимаемые меры представляется возможным подразделить на:

- виктимологическую профилактику, предполагающую реализацию мер, направленных на ослабление виктимогенности факторов внешней среды;
- виктимологическую защиту, связанную с реализацией специальными субъектами мер по обеспечению безопасности граждан, и
- виктимологическую помощь, включающую в себя реализацию мер правовой, медицинской, материальной, психологической и другой поддержки состоявшихся жертв преступлений [4, с. 22-26].

Правильное установление объекта виктимологического воздействия позволяет верно определить и запланировать требуемое для решения поставленных задач количество сил и средств, уровни взаимодействия с определенными организациями или гражданами, а также виктимогенные масштабы.

Несмотря на достаточную разработанность проблемы виктимологической профилактики, к сожа-

лению, приходится констатировать отсутствие полных и объективных данных не только о преступности в целом, но и о потерпевших от преступлений.

Также в практической деятельности правоохранительных органов, по-прежнему, констатируется традиционный консерватизм в определении границ получения криминологически значимой и практически необходимой правоохранительным органам информации. В ущерб объективности и полноте оперативной и криминологической информации, охвата явлений, имеющих значение для организации эффективной профилактической работы, в правоохранительных органах практически не используются данные о потерпевших.

Кроме того, в статистических карточках первичного учета и формах статистической отчетности недостаточно представлена информация, отражающая особенности личности потерпевшего и его поведения, так необходимая для формирования виктимологической профилактики (например, состояние потерпевшего в момент совершения преступления, характер поведения в ситуации совершения преступления; судимость потерпевшего; повторность виктимизации; обстоятельства места и времени совершения преступления; характер воздействия преступника на потерпевшего и др.). Например, результаты изучения в Москве и Московской области материалов уголовных дел по фактам причинения умышленного вреда здоровью потерпевшим свидетельствует, что в 38% случаев потерпевшие сами «помогали» совершению против них преступлений, так как вели себя вызывающе, оскорбляли виновного в предпреступной ситуации либо в момент совершения преступления, а в некоторых случаях угрожали ему или даже нападали первыми [5, с. 56-63]. Сказанное подтверждается результатами иных криминологических исследований, посвященных сравнительному анализу личности потерпевших с виктимным поведением и преступников [1, с. 44; 7, с. 20]. Из них следует, что зачастую труд-

но увидеть разницу в социальных характеристиках между преступником и потерпевшим, поскольку они, по существу, представляют одни и те же социальные типы со сходными личностными деформациями и стереотипами поведения. Более того, часто именно данное сходство свойств личности является основой взаимоотношений, базирующихся на общности интересов, наклонностей, стремлений, уровня образования и развития, увлечений, профессиональных качеств и т.д. [2, с. 142-144].

Таким образом, в решении проблемы защиты человека от преступных посягательств следует признать особую актуальность и социально обусловленную необходимость повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и других субъектов виктимологического предупреждения в части реализации виктимологических мер воздействия на объекты профилактического воздействия в едином комплексе с другими конкретными мерами, заложенными в задачах проведения государством уголовно-правовой политики. Повышение показателей эффективности исследуемого вида деятельности невозможно без анализа состояния криминальной виктимизации, факторов ее обуславливающих, а также без принятия мер по совершенствованию информационного обеспечения этой деятельности, создания и оптимального функционирования соответствующих информационных систем. При этом нет необходимости обосновывать снижение уровня преступности при исключении из криминальной практики или снижение количества случаев, возникающих в результате виновного поведения жертвы преступления. Следовательно, построение комплекса мер виктимологического воздействия на преступность предполагает реализацию широкого комплекса мероприятий, ориентированных на обеспечение защиты от преступных посягательств потенциальных жертв преступлений, что можно сделать в результате анализа и обобщения статистических показателей.

Список литературы

1. *Абельцев С.Н.* Личность преступника и проблема криминального насилия. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000. 207 с.
2. *Афанасьева О.Р.* Теоретические основы криминологического исследования и минимизации социальных последствий насильственной преступности: дис. ... д-ра.юр.наук. М., 2015. 450 с.
3. *Афанасьева О.Р., Гончарова М.В., Шиян В.И.* Криминология: учебник и практикум / М., 2017. С. 137.
4. *Паршаков А.С.* К вопросу о виктимологической профилактике на транспорте // *Транспортное право и безопасность.* 2017. №8(20). С. 20-27.
5. *Полубинский В.И.* Правовые основы криминальной виктимологии // *Журнал российского права.* М.: Норма, 2001, №4. С. 56-63.
6. Приказ МВД России «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» от 31.12.2013. №1040.
7. *Федченко В.В.* Криминологическая характеристика тяжкой насильственной преступности против личности и особенности ее профилактики: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2006. 190 с.
8. *Черных Е.В.* Виктимологическая характеристика тяжкой насильственной преступности. // *Проблемы борьбы с преступностью / под ред. А.Л. Репецкой.* Иркутск, 2006. Вып. 2. С. 62-67.

Reference list

1. *Abel'tsev S.* The identity of the criminal and the issue of criminal violence. M.: UNITY-DANA, Law and right, 2000. 207 p.
2. *Afanas'eva O.* Theoretical bases of criminological study and minimization of social consequences of violent crime: Thesis of Doctor of Law. M., 2015. 450 p.
3. *Afanas'eva O., Goncharova M., Shiyay V.* Criminology: Textbook and workshop / M., 2017. P. 137.
4. *Parshakov A.* Revisiting the issue of victimological prevention in transport // Transport law and security. 2017. №8 (20). P. 20-27.
5. *Polubinskiy V.* Legal basis of criminal victimology // Journal of Russian law. M.: Norma, 2001, №4. P. 56-63.
6. The order of the Ministry of Internal Affairs of Russia "Issues of an assessment of activity of territorial authorities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" of 31.12.2013. №1040.
7. *Fedchenko V.* Criminological characteristics of serious violent crime against the person and features of its prevention: Thesis of PhD in Law. Rostov-on-Don, 2006. 190 p.
8. *Chernykh E.* Victimological characteristics of serious violent crime // Issues of combating crime / Under the editionship of A. Repetskaya. Irkutsk, 2006. Vol. 2. P. 62-67.

УДК 347.447

Галицкая А.А.,

аспирант кафедры «Гражданское право и гражданский процесс»
Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗАКАЗЧИКА И ПОСТАВЩИКА (ПОДРЯДЧИКА, ИСПОЛНИТЕЛЯ) ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ИЛИ НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО КОНТРАКТУ

Статья посвящена мерам ответственности заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя) за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по государственному (муниципальному) контракту, заключенных в рамках Федерального закона 44-ФЗ от 05.04.2013 года «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Ответственность сторон по договору поставки для государственных и муниципальных нужд за неисполнение или ненадлежащее исполнение контрактных обязательств выстроена на общих принципах гражданско-правовой ответственности. Своевременность поставки товаров в надлежащем качестве, количестве и ассортименте, предусмотренных договором поставки, и своевременная их оплата, иными словами, выполнение существенных условий договора – необходимое условие успешного развития рыночных отношений и экономики в целом. Надлежащее исполнение обязательств в договорных правоотношениях в целом выступает одним из основополагающих принципов. В заключаемые между сторонами контракты включаются обязательные условия об ответственности заказчика и поставщика за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных контрактом (ч. 4 ст. 34 Закона №44-ФЗ). Но как показывает судебная практика, в ряде случаев для данного правила есть исключения. Сторона контракта освобождается от уплаты неустойки (штрафа, пеней), если докажет, что обязательство, предусмотренное контрактом, не исполнено или ненадлежаще исполнено вследствие действия обстоятельств непреодолимой силы или по вине другой стороны (ч. 9 ст. 34 Закона №44-ФЗ). В некоторых случаях суды, оценив условия контрактов и нормы права, установленные гражданским законодательством освобождают сторон от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнения обязательств. Но учитывая положения Закона №44-ФЗ заказчик обязан в случае несоблюдения исполнения обязательств по государственному контракту потребовать выплаты неустойки за просрочку исполнения поставщиком обязательства, предусмотренного государственным контрактом.

Ключевые слова: государственный (муниципальный) контракт, Федеральный закон №44-ФЗ от 05.04.2013 года «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», неустойка, штрафы, ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по государственному (муниципальному) контракту

Galitskaya A.,

Postgraduate student of the Chair “Civil Law and Civil Procedure”
of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

THE RESPONSIBILITY OF THE CUSTOMER AND THE SUPPLIER (CONTRACTOR, EXECUTOR) FOR DEFAULT AND IMPROPER EXECUTION OF OBLIGATIONS UNDER THE CONTRACT

The article is devoted to the measures of responsibility of the customer and the supplier (contractor, executor) for default or improper execution of obligations under the state (municipal) contract concluded within the framework of the Federal Law 44-FL of 05.04.2013 “On the contract system in the sphere of procurement of goods, works, services for state and municipal needs”. The responsibility of the parties to a contract for state and municipal needs for default or improper execution of contractual obligations is built on the general principles of civil-legal responsibility. Promptness of delivery of goods in the proper quality, quantity and product range covered for in the supply contract, and their timewise payment, in other words, the execution of the essential terms of the contract – a necessary condition for the successful development of market relations and the economy as a whole. Proper execution of the obligations in contractual-legal relationships as a whole is one of the main

principles. Mandatory conditions on the responsibility of the customer and the supplier for default and improper execution of the obligations specified in the contract (Part 4 of the Article 34 of the Law №44-FL) are incorporated in concluding contracts between parties. But as practice shows, there are exceptions to this rule in some cases. A party to the contract is excused from payment of a damage (penalty duty, default interest) if it proves that the obligation specified in the contract is defaulted or improperly executed due to force majeure circumstances or the fault of the other party (Part 9 of the Article 34 of the Law №44-FL). In some cases the courts exempt parties from responsibility for default and improper execution of obligations, assessing the contractual conditions and the legal standards, established by civil law. But taking into account the provisions of the Law №44-FL, the customer is obliged in case of non-compliance with the obligations under the state contract to demand payment of damage for the delay in the performance by the supplier of the obligations specified by the state contract.

Keywords: state (municipal) contract, Federal Law №44-FL of 05.04.2013 "On contract system in sphere of procurement of goods, construction, services for state and municipal needs"; damage, penalty duties, responsibility for default and improper execution of obligations under state (municipal) contract

Стороны, вступая в правоотношения по договору строительного подряда, преследуют цели удовлетворения своих потребностей, которые они достигают в случае надлежащего исполнения ими обязательств, взятых по договору строительного подряда. Если стороны не исполняют или ненадлежащим образом исполняют обязанности по договору строительного подряда, они несут соответствующую ответственность.

В контракте, его проекте нужно установить неустойку для поставщика и заказчика за нарушение обязательств. Если размер неустойки не установлен, то должностных лиц заказчика могут оштрафовать.

Устанавливают следующие виды неустойки:

- штрафы для поставщика и заказчика за нарушение обязательств, кроме их просрочки;
- пени для поставщика и заказчика за просрочку по обязательствам.

Размеры штрафов и расчет пени для контракта нужно установить в контракте по законодательно утвержденным Правилам определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем) и размера пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 30.08.2017 года №1042 [5]. Штрафы, как правило, устанавливают как процент от цены контракта. При этом процент может быть больше или меньше в зависимости от цены контракта. Также размер штрафа устанавливается в зависимости от условий закупки.

Для контрактов с этапами штрафы устанавливают в процентах от цены конкретного этапа.

В целом по неустойке нужно проверить, чтобы общая сумма штрафов и пени за нарушения по контракту для поставщика или для заказчика не превысила цену контракта.

Условие об ответственности заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя; далее – поставщик) нужно обязательно включить в контракт (часть 4 статьи 34 Федерального Закона 44-ФЗ от 05.04.2013 года «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон №44-ФЗ) [4]). Кроме контракта с единственным поставщиком в случаях, указанных в части 15 статьи 34 Закона №44-ФЗ.

За ненадлежащее исполнение, неисполнение обязательств по государственному (муниципальному) контракту нужно установить неустойку для заказчика и поставщика. За каждое нарушение, кроме просрочки, устанавливают штраф, за просрочку – пению (части 4-8, 24 статьи 34 Закона №44-ФЗ, пункт 1 Правил определения размера неустойки).

В соответствии с ч. 8 ст. 34 Закона №44-ФЗ штрафы начисляются за неисполнение или ненадлежащее исполнение поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом, за исключением просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств (в том числе гарантийного обязательства), предусмотренных контрактом.

Понятие неустойки дано в статье 330 Гражданского кодекса Российской Федерации. Под неустойкой (штрафом, пеней) понимается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения. Об-

ращаем внимание: несмотря на то, что штраф и пени объединены в Гражданском кодексе Российской Федерации в один вид обеспечения обязательств (неустойку), на практике они применяются отдельно и алгоритм их расчета не идентичен.

Штрафы начисляются за ненадлежащее исполнение заказчиком обязательств, предусмотренных контрактом, за исключением просрочки исполнения обязательств (часть 5 статьи 34 Закона о контрактной системе). Алгоритм определения размера штрафа установлен специальными Правилами (ч. 8 ст. 34 Закона о контрактной системе).

Размер штрафа устанавливается контрактом в виде фиксированной суммы, определенной в порядке, установленном Постановлением Правительства РФ от 25.11.2013 №1063 «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем)), и размера пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом» (далее – Правила).

Согласно п. п. 3 и 4 Правил размер штрафа рассчитывается как процент цены контракта за ненадлежащее исполнение поставщиком (исполнителем, подрядчиком) обязательств, предусмотренных контрактом, за исключением просрочки исполнения заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств (в том числе гарантийного обязательства), предусмотренных контрактом [6].

При этом сторона контракта освобождается от уплаты неустойки, если нарушение произошло вследствие действия обстоятельств непреодолимой силы или по вине другой стороны (часть 9 статьи 34 Закона № 44-ФЗ).

Как показывает судебная практика, зачастую сторона контракта ссылается на отсутствие финансирования, ввиду чего просит освободить ее от ответственности за просрочку исполнения обязательства.

Заклученный контракт иногда предусматривает условие об освобождении заказчика от ответственности за нарушение сроков оплаты, вызванное несвоевременным поступлением денежных средств из бюджета.

Включение в контракт оспариваемого условия неправомерно.

В силу положений Закона №44-ФЗ сторона контракта освобождается от уплаты неустойки, только если докажет, что неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства произошло вследствие непреодолимой силы или по вине другой стороны. Вместе с тем Гражданский кодекс Российской Федерации

предусматривает, что отсутствие у должника денежных средств не относится к числу обстоятельств непреодолимой силы.

Согласно разъяснениям Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (Постановление от 22.06.2006 №21 [7]) отсутствие у учреждения достаточного финансирования не может служить основанием для освобождения его от ответственности.

Таким образом, оспариваемое условие является недействительным как не соответствующее законодательству.

В данном случае на ответчика возлагается обязанность представить надлежащие доказательства того, что им были приняты все меры для надлежащего исполнения обязательств с той степенью заботливости и осмотрительности, которая требовалась по характеру обязательства и условиям оборота.

Таким образом, недостаточное финансирование не может служить обстоятельством, свидетельствующим об отсутствии вины ответчика, и являться основанием для освобождения его от ответственности.

Например, отсутствие лимитов финансирования, организационные мероприятия ответчика, связанные с заключением контракта, санкционированием оплаты не являются обстоятельствами непреодолимой силы, влекущими освобождение от гражданско-правовой ответственности на основании статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации [9].

Зачастую суды отклоняют доводы сторон об отсутствии вины в несвоевременной оплате задолженности по причине отсутствия финансирования из федерального бюджета со ссылками на пункт 1 статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации, в котором указано, что недофинансирование ответчика само по себе не может служить обстоятельством, свидетельствующим об отсутствии его вины, и основанием для освобождения его от ответственности [10].

Однако есть случаи, когда суд признал правомерным условие контракта, по которому заказчик освобождается от ответственности за просрочку оплаты выполненных работ, допущенную из-за несвоевременного поступления бюджетных средств.

В судебном акте указано следующее.

Пунктом 2 статьи 763 Гражданского кодекса Российской Федерации установлено, что по государственному или муниципальному контракту на выполнение подрядных работ для государственных или муниципальных нужд подрядчик обязуется выполнить строительные, проектные и другие связанные со строительством и ремонтом объектов производственного и непромышленного характера работы и передать их государственному или муниципальному заказчику, а государственный или муниципальный заказчик обязуется принять выполненные работы и оплатить их или обеспечить их оплату.

В контракт включается обязательное условие об ответственности заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя) за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных контрактом (часть 4 статьи 34 Закона №44-ФЗ).

В соответствии с положениями статей 702, 711 и 740 Гражданского кодекса Российской Федерации основанием для возникновения у заказчика обязательства по оплате работ является сдача подрядчиком результата этих работ.

В силу пункта 1 статьи 329 Гражданского кодекса Российской Федерации исполнение обязательств может обеспечиваться в том числе неустойкой.

Неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения (пункт 1 статьи 330 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Согласно пункту 4 статьи 421 Гражданского кодекса Российской Федерации условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами (статья 422).

В постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 №16 «О свободе договора и ее пределах» разъяснено, что в случаях, если норма не содержит явно выраженного запрета на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного в ней, и отсутствуют критерии императивности, указанные в пункте 3 настоящего постановления, она должна рассматриваться как диспозитивная. В таком случае отличие условий договора от содержания данной нормы само по себе не может служить основанием для признания этого договора или отдельных его условий недействительными по статье 168 ГК РФ (пункт 4).

Факты выполнения истцом подрядных работ по спорному контракту и последующей их оплаты ответчиком судами установлены, подтверждены материалами дела и сторонами не оспаривались.

Истец обратился в арбитражный суд с требованием о взыскании неустойки за несвоевременную оплату ответчиком выполненных работ по контракту.

Оценив условия контракта в порядке статьи 431 Гражданского кодекса Российской Федерации, пришел к правомерному выводу о том, что из содержания указанного пункта усматривается, что заказчик не несет ответственности при отсутствии бюджетного финансирования государственного бюджетного учреждения.

При этом, как указано судом, такое договорное условие подчинено принципу свободы договора (статья 421 Гражданского кодекса Российской Федера-

ции), в установленном законом порядке не оспорено и не признано недействительным, пункту 1 статьи 314 и пункту 1 статьи 746 Гражданского кодекса Российской Федерации не противоречит.

Кроме того, судом установлено и следует из материалов дела, что момент правонарушения (просрочка исполнения денежного обязательства) совпадает с моментом отсутствия финансирования; в рассматриваемых правоотношениях срок оплаты не зависел от наличия или отсутствия финансирования, указанные обстоятельства согласно условиям договора влияли лишь на ответственность заказчика, предусмотренную контрактом.

Учитывая вышеизложенное, суд отказал во взыскании неустойки [12].

Однако следует отметить, что несмотря на благоприятный для заказчика исход дела, не рекомендуется включать в контракт подобное условие. Оно не соответствует части 9 статьи 34 закона №44-ФЗ. В большинстве случаев суды, опираясь на позицию Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, не признают отсутствие финансирования поводом для освобождения от ответственности.

Более того, кроме довода об отсутствии финансирования, могут быть еще и иные доводы должника для освобождения его от ответственности, например, ссылки на погодные условия, которые явились следствием просрочки исполнения обязательств по договору (контракту).

Однако данные доводы также отклоняются судом как необоснованные, ввиду следующего.

Суды указывают, что действуя разумно, добросовестно и осмотрительно, сторона контракта имела возможность ознакомиться с условиями не только предстоящей поставки товара, но и с условиями предстоящего выполнения работ, в том числе со сроками выполнения работ, и оценить возможность или невозможность надлежащего исполнения обязательств.

Именно поэтому, в том числе ссылки на неблагоприятные погодные условия как обстоятельства непреодолимой силы, суды, как правило, признают необоснованными, поскольку, погодные условия (например, выпадение атмосферных осадков в виде дождей) по смыслу понятия непреодолимой силы, содержащегося в части 3 статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации, не относятся к природным явлениям стихийного характера, поскольку являются прогнозируемыми явлениями, периодически наступающими в летний период, и не обладают признаками исключительности, в связи с чем, не могут рассматриваться в качестве форс-мажора или непредотвратимого явления, непредсказуемо создающего неблагоприятные риски предпринимательской деятельности [13].

Размер и конкретный вид неустойки зависят от нарушения и цены контракта (этапа) и (или) других факторов.

Общая сумма штрафов и пени за нарушения по контракту для поставщика или для заказчика не может превышать цену контракта (пункты 11, 12 Правил определения размера неустойки).

Если размер неустойки за нарушения по контракту не установлен в проекте контракта, то должностных лиц заказчика могут оштрафовать. Размер штрафа – 3 000 руб. (часть 4.2 статьи 7.30 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [3]).

В случае совершения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) нескольких нарушений своих обязательств по государственному (муниципальному) контракту допустимо взыскание штрафа за каждый случай нарушения.

Приведем пример: заказчиком и обществом заключен государственный контракт на оказание услуг по содержанию детских игровых площадок в летний период. Срок действия контракта составлял год.

По истечении первого отчетного периода заказчиком были выявлены случаи нарушения обязательств обществом (в частности, территория в соответствии с графиком уборки не убиралась, твердые бытовые отходы не вывозились и др.), что подтверждается актами приема-сдачи оказанных услуг. В связи с этим общество в ответ на требование заказчика уплатило штраф, рассчитанный в соответствии с Правилами определения размера неустойки.

Вместе с тем, поскольку во втором отчетном периоде были также установлены случаи некачественного оказания услуг, заказчик вновь обратился с требованием о взыскании штрафа. Общество уплатить штраф отказалось, ссылаясь на то, что в соответствии с Законом о контрактной системе и Правилами определения размера неустойки штраф может быть взыскан лишь единожды, что уже было сделано заказчиком. Данные обстоятельства послужили основанием для обращения заказчика в суд.

Арбитражный суд первой инстанции, позицию которого поддержал суд апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленного требования отказал, посчитав, что штраф начисляется единожды за все факты ненадлежащего исполнения обязательств, предусмотренных контрактом.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции изменены, заявленные требования удовлетворены частично в связи с применением статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Суд отметил, по смыслу статьи 330 Гражданского кодекса Российской Федерации неустойка, в

том числе направлена на стимулирование должника к надлежащему исполнению обязательства под угрозой наступления неблагоприятных материальных последствий.

Не исследуя по существу допущенные обществом нарушения и безусловно исходя из необходимости взыскания штрафа однократно, суды не учли обеспечительную функцию неустойки как инструмента правового воздействия на участников гражданского оборота, создав таким образом ситуацию, при которой нарушение должником принятых на себя обязательств фактически может не повлечь для него имущественных последствий, стимулирующих его в дальнейшем избегать подобных нарушений и исполнять обязательства надлежащим образом.

Кроме того, и из буквального текста части 8 статьи 34 Закона о контрактной системе следует возможность взыскания нескольких штрафов при неисполнении или ненадлежащем исполнении контракта.

В связи с изложенным при установлении фактов совершения исполнителем по государственному контракту нескольких самостоятельных однородных нарушений допустимо взыскание с него нескольких штрафов непосредственно после выявления нарушения.

Вместе с тем, принимая во внимание функцию неустойки как меры ответственности, к обязанностям суда с учетом положений статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации относится установление баланса между применяемой к нарушителю мерой ответственности и отрицательными последствиями, наступившими для кредитора в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства.

В связи с этим при выявлении несоответствия неустойки последствиям нарушения обязательства, получения кредитором необоснованной выгоды, отсутствия негативных последствий нарушения обязательства, незначительности нарушений, устранения контрагентом выявленных недостатков неустойка может быть снижена в соответствии со статьей 333 Гражданского кодекса Российской Федерации по заявлению должника.

По другому делу суды отказали во взыскании нескольких штрафов по договору поставки, по которому поставщик в нарушение технического задания, являющегося неотъемлемой частью государственного контракта, предоставил заказчику автомобили, не оборудованные комплектами аппаратуры спутниковой навигации (трекерами), а также автономным воздушным отопителем и кондиционером медицинского салона. Суды пришли к выводу, что в данном случае обществом допущено фактически одно нарушение – поставка товара в ненадлежащей комплектации [14].

В заключении необходимо отметить, поскольку участниками договора строительного подряда обычно являются предприниматели, ответствен-

ность для них наступает независимо от их вины в нарушении обязательств, если иное не предусмотрено договором. Гражданский кодекс Российской Федерации не предусматривает специальной ответственности сторон по договору строительного подряда. В связи с этим в случае нарушения обязательств по договору строительного подряда могут применять-

ся любые виды санкций, предусмотренные действующим законодательством. При этом некоторые из них, в частности неустойка, применяются только в случае, если они специально установлены законом или договором, а другие, в частности взыскание убытков, – во всех случаях нарушения сторонами принятых обязательств.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30 ноября 1994 года №51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 05 декабря 1994 года. №32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2) от 26 января 1996 года №14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 года. №5. Ст. 410.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 07.01.2002. №1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Федеральный закон от 05 апреля 2013 года №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации от 08 апреля 2013 года. №14. Ст. 1652.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.08.2017 г. №1042 «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), и размера пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом, о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. №570 и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 25 ноября 2013 г. №1063» // Консультант плюс.
6. *Лель Н.* Штраф по новой цене // *Эж-Юрист.* 2017. № 10.
7. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации №21 от 22.06.2006 г. (ред. от 19.04.2007) «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров с участием государственных и муниципальных учреждений, связанных с применением статьи 120 Гражданского кодекса Российской Федерации» // *Вестник ВАС РФ.* №8. Август. 2006.
8. Решение Арбитражного суда Пермского края от 21.07.2015 по делу №А50-9500/2015 // <http://www.arbitr.ru/>
9. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 февраля 2018 г. по делу №А13-8148/2017 // <http://www.arbitr.ru/>
10. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 2 июля 2018 г. по делу №А10-5136/2017 // <http://www.arbitr.ru/>
11. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 2 марта 2018 г. по делу №А10-1606/2017 // <http://www.arbitr.ru/>
12. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 07.02.2018 по делу №А33-771/2017 // <http://www.arbitr.ru/>
13. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 6 декабря 2017 г. №Ф03-4834/2016 // <http://www.arbitr.ru/>
14. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28.06.2017) // *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации.* №12. Декабрь. 2017.

Reference list

1. Civil Code of the Russian Federation (Part 1) of November 30, 1994 №51-FL // Official Gazette of the Russian Federation of December 05, 1994. №32. Art. 3301.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part 2) of January 26, 1996 №14-FL // Official Gazette of the Russian Federation of January 29, 1996. №5. Art. 410.
3. Code of the Russian Federation about administrative offences from 30.12.2001 №195-FL (as amended on 03.08.2018) // Official Gazette of the Russian Federation. 07.01.2002. №1 (Part 1). Art. 1.
4. Federal Law №44-FL of 05th of April, 2013 "On the contract system in the sphere of procurement of goods, construction, services for state and municipal needs" // Official Gazette of the Russian Federation of 08th of April, 2013. №14. Art. 1652.

5. The Resolution of the Government of the Russian Federation of 30.08.2017 №1042 "On approval of the Rules for determining the amount of the penalty duty in the event of improper execution by the customer, default or improper execution of obligations by the supplier (contractor, executor) under the contract (except for the delay in the execution of obligations by the customer, supplier (contractor, executor), and the amount of the default interest for each day of delay in the execution by the supplier (contractor, executor) of obligations under the contract, on amendments to the Resolution of the Government of the Russian Federation of May 15, 2017. №570 and invalidation of the Resolution of the Government of the Russian Federation of November 25, 2013 №1063" // Consultant plus.
6. *Le' N.* The penalty duty for the new price // *Ezh-Yurist.* 2017. №10.
7. *The Resolution* of Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation №21 dated 22.06.2006. (Edition of 19.04.2007) "About some issues of practice of consideration by arbitration courts of disputes with participation state and municipal institutions related to the application of Article 120 of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. №8. August. 2006.
8. The Decision of the Arbitration Court of Perm kray of 21.07.2015 in the case №A50-9500/2015 // <http://www.arbitr.ru/>
9. The Decision of the Fourteenth Arbitration Appeal Court of 22nd of February, 2018 in case №A13-8148/2017 // <http://www.arbitr.ru/>
10. The Decision of the Arbitration Court of the East Siberian District of 2nd of July, 2018 in case №A10-5136/2017 // <http://www.arbitr.ru/>
11. The Decision of the Arbitration Court of the East Siberian District of 2nd of March, 2018 in case №A10-1606/2017 // <http://www.arbitr.ru/>
12. The Decision of the Arbitration Court of the East Siberian District of 07.02.2018 in case №A33-771/2017 // <http://www.arbitr.ru/>
13. The Decision of the Arbitration Court of the Far Eastern District of 6th of December, 2017 №F03-4834/2016 // <http://www.arbitr.ru/>
14. Review of court practice of application of the legislation of the Russian Federation on the contract system in the field of procurement of goods, construction and services for state and municipal needs (approved). Presidium of The Supreme Court of The Russian Federation 28.06.2017) // Bulletin of the Supreme Court of The Russian Federation. №12. December. 2017.

УДК 343.3/7

Агаев А.И.,

аспирант Астраханского государственного университета, офицер в отставке

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА ПОДЧИНЕННОСТИ И ВОИНСКИХ УСТАВНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются особенности квалификации отдельных преступлений против порядка подчиненности и воинских уставных отношений. Акцентируется внимание на применение норм права, регулирующие порядок подчиненности и военной службы, проводится анализ уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану данных общественных отношений. Рассматриваются нормативные правовые акты, регулирующие взаимоотношения между начальниками и подчинёнными, объясняются причинно-следственные связи возникновения насильственных преступлений.

Ключевые слова: юридическая ответственность, воинские уставные отношения, воинские преступления, порядок подчиненности, военное и уголовное законодательство, насильственные преступления, иерархичность

Agaev A.,

Postgraduate student of Astrakhan State University, Retired Officer

TOTAL CHARACTERISTIC OF OFFENCES AGAINST THE LINE OF AUTHORITY AND MILITARY STATUTORY RELATIONS

The article deals with the specificity of the qualification of separate offences against the line of authority and military statutory relations. The attention is focused on the application of the standards of law, regulating the line of authority and military service; the analysis of criminal-legal norms, ensuring the protection of these social relations is performed. The normative legal acts regulating relations between superior officers and followers are considered; cause-and-effect connections of origins of violent offences are explained.

Keywords: legal responsibility, military statutory relations, military offences, line of authority, military and criminal legislation, violent offences, hierarchical pattern

Говоря о разновидностях преступлений против военной службы, выделяют преступления, совершённые против порядка подчинённости и воинских уставных взаимоотношений, против порядка пребывания на военной службе, против несения специальных видов службы, сбережения военного имущества, и преступление, предполагающие нарушение правил безопасности использования военно-технического оборудования. В числе наиболее опасных считаются преступления против военной службы, поскольку данный вид преступлений напрямую влияет на безопасность государства.

Вооружённые Силы РФ исключают из своих правил неисполнение приказов командиров, оказание сопротивления им, принуждения к нарушению служебных обязанностей. Действия подобного рода наносят ущерб непосредственно боевой готовности

и воинской дисциплине и вынуждают идти на решительные меры противодействия – включая меры уголовно-правового воздействия.

Прежде всего, существенную опасность несёт отсутствие иерархичности в воинских структурах, то есть когда уровень подчинённости не определён.

В уголовно-правовой науке достаточно основательно разработаны понятия насилия и насильственных преступлений, всесторонне исследованы их признаки, уделяется много внимания анализу отдельных видов насильственных преступлений. Вместе с тем на сегодняшний день понятие воинских насильственных преступлений в уголовно-правовой доктрине исследовано недостаточно.

К воинским насильственным преступлениям принято относить лишь посягательства на порядок уставных взаимоотношений между военнослужащими

Как цитировать статью: Агаев А.И., Общая характеристика преступлений против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений // Вестник Академии права и управления. 2018. № 3(52). с. 112–115

ми. Отдельные авторы относят к ним и превышение должностных полномочий, совершаемое воинскими начальниками. Однако преступное насилие возможно и в других преступлениях против военной службы, в частности в преступлениях против порядка несения специальных видов военной службы. Несмотря на то, что эти деяния в целом хорошо изучены в теории, их насильственный характер слабо освещен в юридической литературе.

Преступное насилие является основной чертой насильственных преступлений. К определению насилия и определения преступлений, совершаемых насильственно, правоприменители не располагают единым подходом, что порождает очевидную проблему, несмотря на то, что эксперты отмечают, что сутью насильственных преступлений является преступное насилие как способ их совершения. Применительно к большинству преступлений против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений насилие рассматривается как самостоятельный признак объективной стороны состава преступления. При этом насилие, будучи признаком объективной стороны рассматриваемых преступлений, выполняет в них различную служебную роль. В соответствующей правовой литературе присутствуют различные мнения по данному вопросу. Самым частым является подход к насилию как способу и средству совершения преступления.

В насильственных преступлениях насилие выступает в роли средства их совершения. В отношении большинства преступлений против порядка подчиненности и уставных взаимоотношений, воинских насильственных преступлений физическое насилие является основным деянием, определяющим социально-правовую природу данных воинских преступлений. Но бывает и иначе.

По мнению одних, в определенных преступлениях физическое насилие предусмотрено как элемент в качестве первостепенного деяния объективной стороны, а в других преступлениях – наоборот, то есть средства преступления, согласно Шарапову Р.Д., определенным образом связанного с основным деянием, как правило, является ненасильственным.

С позиции О.К. Зателепина и М.М. Лаврукова, такой подход наиболее точно описывает роль насилия в объективной стороне преступлений, в связи с тем, что в некоторых случаях насилие целиком поглощает объективную сторону тех или иных преступлений.

Глава 33 УК РФ, включающая в себя статьи 331 – 352 УК РФ, устанавливает уголовную ответственность за преступления против установленного порядка прохождения военной службы, и признаются как воинские преступления, совершенные военнослужащими, проходящими военную службу как призыву, так и по контракту, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов.

Эти категории преступлений посягают на различные стороны военной безопасности государства и наносят ущерб единоначалию в Вооружённых Силах РФ. Родовым объектом уголовно-правовой охраны данных категорий преступлений признается прохождение военной службы. Эти преступления причиняют вред отдельным сторонам порядка прохождения военной службы, а также другим социальным ценностям, охраняемым в других главах Уголовного кодекса РФ.

Признак «насилие» в отдельных преступлениях против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений может играть роль и средства совершения преступления. В частности, насилие как признак состава в большинстве преступлений против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений указаны следующим образом:

– о насильственном характере преступления свидетельствуют другие понятия, подразумевающие преступное насилие: сопротивление, принуждение, (статья 333 УК РФ), побои (статья 334 УК РФ), унижение чести и достоинства, издевательство (статья 335 УК РФ);

– путем прямого указания на насилие в диспозиции статьей 333 – 335 УК РФ или угрозы его применения, статья 333 УК РФ;

– в диспозиции статьи содержится указание на причинение тяжких последствий, в том числе тяжкого или средней тяжести вреда здоровью (статьи 333, 334, 335 УК РФ).

Насилие, как признак в преступлениях против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений является обязательным признаком объективной стороны преступлений, предусмотренных в статьях 333, 334, 335 УК РФ, и факультативным признаком в преступлении, предусмотренном в статье 336 УК РФ.

Важным признаком объективной стороны выше рассматриваемых преступлений является то, что указанные преступления совершаются преимущественно путем активных действий, обязательным признаком которого выступает способ совершения, которых характерно применение к потерпевшим насилия. Это отличает данные деяния от других воинских преступлений. Согласно Коржанскому Н.И., в рамках объекта преступления наступление тех или иных тяжких последствий зависит от способа его совершения и избранных виновными средств осуществления своих намерений.

Указанный в воинских уставах порядок взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними иерархических отношений подчиненности выступает объектом нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, равными, младшими или старшими по воинскому званию, не состоящими в отношениях подчиненности. В этом случае воинский порядок может нарушаться путем насилия над личностью военнослужащего. Объектом

при этом выступает воинский порядок, основанный на соблюдении правил воинского общения.

Таким образом, насильственные преступления связаны с нарушением порядка подчиненности, совершаемые в основном рядовым, сержантским и старшинским составом в отношении начальников, то есть подчиненными в отношении начальников. Редко нарушается уставной порядок воинских взаимоотношений между солдатами (матросами) и прапорщиками (мичманами), и единичными являются преступные посягательства, совершаемые солдатами (матросами) в отношении офицеров.

Как правило, определяющий причиной насильственных преступлений становится недовольство подчинённых действиями начальника (по обыкновению, речь идёт о чрезмерной требовательности).

Отношения между начальником и подчинённым регулируются Уставом внутренней службы Вооружённых Сил РФ.

Согласно статье 34 УВС ВС РФ, по служебному положению и воинскому званию одни военнослужащие по отношению к другим могут быть начальниками или подчиненными. В соответствии со статьей 35 УВС ВС начальники, которым военнослужащие подчинены, хотя бы временно, являются прямыми начальниками, а ближайший к подчиненному прямой начальник называется непосредственным начальником. РФ. В соответствии со статьей 36 УВС ВС РФ офицеры по воинскому званию применительно к определенным категориям военнослужащих являются начальниками. Так, генералы, адмиралы, полковники и капитаны 1 ранга являются начальниками по воинскому званию для младших офицеров, прапорщиков, мичманов, сержантов, старшин, солдат и матросов; младшие офицеры – для сержантов, старшин, солдат и матросов одной с ними воинской части.

В соответствии со статьей 37 УВС ВС РФ, военнослужащие, которые по отношению к другим не являются начальниками или подчиненными, могут быть старшими или младшими по воинскому званию. Старшие по воинскому званию в случае нарушения младшими воинской дисциплины, общественного порядка, правил поведения, ношения военной формы одежды и выполнения воинского приветствия обязаны требовать от них устранения этих нарушений. Младшие по званию обязаны беспрекословно выполнять эти требования старших по воинскому званию.

Как отмечал Коржанский Н.И., при совместном выполнении обязанностей военнослужащими, при от-

ношении между ними отношения подчиненности, когда их взаимоотношения не определены командиром, старший из них по должности, а при равных должностях старший по воинскому званию является начальником, что предусмотрено статьей 38 УВС ВС РФ.

Содержание субъективной стороны преступления раскрывается с помощью таких юридических признаков, как вина, мотив и цель. Юридическое значение каждого из признаков субъективной стороны различно. При этом вина составляет ядро субъективной стороны преступления, хотя и не исчерпывает полностью ее содержания. Вина – обязательный признак любого преступления, но она не содержит ответа на вопросы, почему и для чего виновный совершил преступление. На данные вопросы отвечают мотив и цель, которые являются факкультативными признаками субъективной стороны преступления. В связи с этим следует прийти к выводу, что субъективная сторона почти всех преступлений против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений при исполнении обязанностей военной службы предусматривает вину в форме прямого умысла. Преднамеренный характер этих преступлений свидетельствует об умышленной форме вины. Косвенного умысла в основных составах преступлений, предусмотренных статьями 332 – 336 УК РФ, не может быть.

В ряде составов преступлений субъективная сторона включает в качестве обязательных признаков цель либо мотив преступления. Так, статьи 334 и 336 УК РФ насильственные действия в отношении начальника и оскорбление военнослужащего признаются воинскими преступлениями, только тогда, когда данные противоправные действия совершены в связи с исполнением обязанностей военной службы, целью которых является воспрепятствовать исполнению потерпевшим этих обязанностей либо по мотивам мести за добросовестное исполнение им служебных обязанностей.

Таким образом, рассмотрев признаки анализируемых преступлений, приходим к логическому выводу: преступления против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений – это запрещенные уголовным законом под угрозой наказания общественно опасные деяния, посягающие на воинские уставные взаимоотношения, сопряженные в большинстве случаев с различными формами насилия, причиняющие вред здоровью или создающие угрозу такого причинения.

Список литературы

1. Шарпов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001.
2. Зателепин О.К., Лавруков М.М. Понятие воинских насильственных преступлений и некоторые вопросы квалификации преступлений против военной службы. Право в Вооруженных Силах. 2002. №12.
3. Зателепин О.К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства. Москва. 2009.

4. *Коржанский Н.И.* Правила квалификации преступлений с учетом признака объекта. Советское государство и право. 1985. №5.
5. *Ахметшин Х.М.,* и др. Уголовное право. Преступления против военной службы. М., 1999.
6. Военно-уголовное законодательство Российской Федерации. Научно-практический комментарий. М., 2004.
7. *Зателепин О.К.* Квалификация преступлений против военной безопасности государства.
8. *Зателепин О.К.* Понятие преступления против военной службы (комментарий к ст. 331 УК РФ).

Reference list

1. *Sharapov R.* Physical violence in criminal law. SBR., 2001.
2. *Zatelepin O., Lavrukov M.* The concept of military violent offences and some issues of qualification of offences against military service. Law in the Armed Forces. 2002 №12.
3. *Zatelepin O.* Qualification of offences against the military security of the state. Moscow. 2009.
4. *Korzhanskiy N.* Rules of qualification of offences taking into account the feature of the object. Soviet state and law. 1985. №5.
5. *Akhmetshin Kh.* and etc. Criminal law. Offences against military service. М., 1999.
6. Military-criminal legislation of the Russian Federation. Scientific and practical commentary. М., 2004.
7. *Zatelepin O.* Qualification of offences against the military security of the state.
8. *Zatelepin O.* The concept of offences against military service (Commentary to Article 331 of the Criminal Code of the Russian Federation).

УДК 331.08

Салихов Б.В.,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики городского хозяйства и сферы обслуживания Московского университета им. С.Ю.Витте,
профессор кафедры теории регионоведения Московского государственного лингвистического университета

Салихова И.С.,

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры бухгалтерского учета, налогообложения и таможенного дела Московского университета им. С.Ю.Витте,
главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН

КРЕАТИВНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК НООСФЕРНО-СОЗИДАТЕЛЬНАЯ ФОРМА ВЗАИМОСВЯЗИ ИНТЕЛЛЕКТА И КРЕАТИВНОСТИ¹

Статья посвящена выявлению и характеристике взаимосвязи интеллекта и креативности как важнейших качественных свойств экономического агента. Выявляется и обосновывается духовно-нравственная сущность интеллекта, а также предлагается перечень генетических интеллектуальных форм в современной экономике. Рассматриваются альтернативные подходы к характеристике взаимосвязи интеллекта и креативности. Показано, что креативность не является непосредственной функцией интеллекта, а предстает как системный результат, в том числе, множества других психологических и социальных факторов. Научная новизна статьи заключается в выявлении и обосновании онтологии креативного интеллекта как ноосферной и созидательной формы взаимосвязи интеллекта и креативности экономического агента любого уровня. Научно-практическое значение материала состоит в императиве формирования и развития дивергентного экономического мышления и потребности в самообучении у всех субъектов современной экономики.

Ключевые слова: экономическая лингвистика, интеллект, духовно-нравственное качество интеллекта, креативность, интеллектуальные экономические формы, каузальность, креативный интеллект, ноосферный тип воспроизводства

Salikhov B.,

Doctor of Economics, Professor, Professor of Chair of Municipal Economy and Service Industry
of the Moscow Witte University, Professor of Chair of Theory of Region Studies of the Moscow State Linguistic University

Salikhova I.,

Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of Chair of Accounting, Taxation and Customs Affairs
of the Moscow Witte University, Chief Researcher of the Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences

CREATIVE INTELLIGENCE AS A NOOSPHERIC-CREATIVE FORM OF INTERRELATION BETWEEN INTELLECT AND CREATIVITY

The article is focused to revealing and characterizing the interrelation between intellect and creativity as the most important qualitative properties of an economic agent. The spiritual-moral essence of the intellect is revealed and substantiated, and a list of genetic intellectual forms in the modern economy is proposed. Alternative approaches to the characterization of the relationship between intellect and creativity are considered. It is shown that creativity is not an immediate function of the intellect, but appears as a systemic result, including many other psychological and social factors. The scientific novelty of the article is to identify and substantiate the ontology of creative intellect as a noospheric and creative form of interrelation between the intellect and the creativity of an economic agent of any level. The scientific-practical significance of the material consists in the imperative of the formation and development of divergent economic thinking and the need for self-learning in all subjects of the modern economy.

Keywords: economic linguistics, intellect, spiritual-moral quality of intellect, creativity, intellectual economic forms, causality, creative intellect, noospheric type of reproduction

¹ Статья подготовлена ИПР РАН в рамках государственного задания, тема НИР «Научно-технологическое развитие экономики отраслевых рынков».

В условиях становления и развития цифровой экономики существенно возрастает скорость принятия хозяйственных решений, что требует высокого уровня развития у экономических агентов креативности и, следовательно, системы неявного знания. Это обстоятельство нацеливает на отнюдь не метафорическое понимание таких феноменов, как «инсайт-бизнес», или «бизнес со скоростью мысли» [4], а скорее на понимание реального, именно нового качества экономических отношений и взаимодействий в современной хозяйственной действительности. В связи с этим, резонно констатировать, что *экономическая лингвистика* явно не успевает за новым качеством этих отношений, что приводит к попыткам описывать новые процессы и явления традиционными терминами, давно требующими семантической ревизии либо замены на другие, релевантные понятия [3]. Сказанное относится, прежде всего, к таким понятиям, как «интеллект» и «креативность», поскольку в литературе давно, например, бытует понятие «интеллектуальный капитал». При этом априори принято считать, что такой капитал всегда заключает в себе «ген» творчества, то является креативным по определению. Но это, мягко говоря, не совсем так, и *цель анализа* состоит в выявлении, прежде всего, системы каузальных связей «интеллекта» и «креативности», а также в выявлении семантики и экономической характеристике феномена «креативный интеллект».

Очевидно, что для понимания каузальной связи *интеллекта* и *креативности* необходимо, прежде всего, проанализировать явление «интеллектуально-го», показать его специфику и, возможно, качественное отличие интеллекта от обычной способности человека к мыслительной и когнитивной деятельности. Причем интерес здесь далеко не только теоретический, но и научно-практический, поскольку исследователи порой вообще не считают важным позиционировать интеллект как специфическое явление в мыслительной деятельности человека [10]. В литературе также встречается положение о том, что не всякое «разумное» означает «мыслящее», то есть интеллект, характеризуемый как способность к мышлению, попросту противоречит рациональной логике познания и понимания, например, экономической действительности [15, 17]. Наряду с этим, ряд исследователей подчеркивает качественную специфику интеллекта, и рассматривают его связь с творческими способностями человека [7, 13].

В релевантной литературе часто встречаются такие понятия, как «класс интеллектуалов», «интеллектуальный капитал», «корпоративный интеллект», «интеллектуальное благо», «интеллектуальная соб-

ственность» и другие. При этом экономическая лингвистика не предъявляет специфических требований к семантике качества и новым смыслам этих понятий, и интеллектуальные процессы, по сути, отождествляются с умственными процессами. Одновременно с этим, и интеллектуальная собственность имеет непосредственное отношение к любому новому изобретению, новым полезным моделям, новой методике или ноу-хау. Очевидно, что институционально-семантическая траектория развития интеллектуальных явлений в экономике представляет собой устойчивый механизм из традиционных норм, регулирующих движение творческой мысли исследователей в рамках неизменной дисциплинарной матрицы. И если, Т. Стюарт, как один из основоположников теории интеллектуального капитала, охарактеризовал его как единство человеческого, структурного и клиентского капитала, то большинство других исследователей (по «когнитивной инерции») не видят повода с этим не соглашаться [16].

Между тем, императив становления ноосферной, гуманистически нацеленной экономики, где имеет место гармония человека, производства и природы и где не все «действительное разумно», а только то, что соответствует достойной жизни человека, то есть характеризуется высоким уровнем экономической духовной. Названная экономическая духовность заключает в себе экономическую справедливость и честность, развитые формы доверительных и конкордных отношений, «джентльменское» качество всех форм обмена-общения при безусловном высочайшем уровне новых знаний. Гуманизм, разумность и созидательность трансакций в такой экономике позволяют ее характеризовать как экономику интеллигентных, порядочных хозяйственных агентов, обладающих высоким уровнем ментально-смысловой и ценностной культуры. Отсюда и возникает «интеллигентная», «джентльменская», или *интеллектуальная экономика*. Но всегда ли интеллектуальная экономика является креативной экономикой? Для ответа на этот вопрос, важно исследовать взаимосвязь интеллекта и креативности, но изначально необходимо уточнить определение сущности интеллекта как такового.

Обычно интеллект трактуется как общая «способность мышления», или «рационального познания». В этом смысле «интеллект» и «ум» отождествляются, и интеллектуальная деятельность не отличается от умственной деятельности. Существует множество других, аналогичных трактовок интеллекта, под которым понимается «устойчивая структура умственных способностей индивида»; или «разум, способность мыслить, пронизательность, совокупность тех ум-

ственных функций, которые превращают восприятия в знания или критически пересматривают и анализируют уже имеющиеся знания». Также интеллект отождествляют с системой умственных операций, со стилем решения научно-практических задач и т.д. Отсутствие однозначности в трактовках сущности интеллекта связано с многообразием форм его проявлений. В целом же, существующие исследования основываются на понимании интеллекта как усвоенной совокупности знаний и наличного состояния мыслительных процессов.

Между тем, предложенные трактовки интеллекта отражают лишь некоторые, причем не самые существенные свойства данного системного явления. Например, весьма примечательно, что в словаре живого великорусского языка понятия «интеллектуальный» и «интеллигентный» характеризуются как одноуровневые, а также раскрываются с помощью таких категорий, как «духовный, умственный, разумный», в противопоставлении таким понятиям, как «вещественный, плотский, телесный, чувственный». Интеллигенция же трактуется как «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» [6, с. 41]. Добавим, что некоторые современные исследователи, увязывают интеллект человека не со всякой его умственной деятельностью, а с *определенным качеством* этой деятельности. В одной из научных работ ключевым признаком интеллекта считается такое мышление, которое формирует нравственность как существенный фактор общественной жизни, и именно такое мышление может быть названо «интеллект» [8, с. 42-43]. Здесь понимание интеллекта «доводится» до нравственного поведения человека, а интеллектуальная деятельность человека рассматривается как некий синтез, где участвуют не только его познавательные способности, но и другие «составляющие», определяющие ориентировку на социальные, духовно-нравственные ценности.

В связи с этим, употребление слова «интеллект» в качестве синонима умственных способностей человека вряд ли резонно, так как, несмотря на то, что умственные способности участвуют в интеллектуальном процессе, общий результат этого процесса выражает и характеризует другие качества человека. Поэтому «гений ума может быть образцом выдающихся способностей, а будет ли он при этом носителем высоких моральных качеств – это еще не гарантировано» [8, с. 45]. Нетрудно заметить, что *интеллект* здесь определяется как созидательно направленные, именно ноосферные мыслительные способности человека (экономического агента), действующего в условиях норм духовной нравственности, справедливости и высокого уровня ценностных смыслов.

Некоторые другие исследователи также феномен интеллектуальной активности называют «осознанной, нравственно ориентированной» деятельно-

стью по «сбору, накоплению и переработке информации» [19, с. 11]. В этом же смысле, «истинное *достоинство людей гениальных*, одаренных великим духом, ... заключается в том, что в них преобладает и имеет преимущественное значение единственно чистая и невинная часть человеческого существа, *интеллект*» [18, с. 141]. Очевидно, что духовная нравственность и интеллект могут рассматриваться как явления однопорядковые, а *интеллект* резонно определить как систему духовно-нравственных мыслительных способностей субъекта.

Таким образом, интеллект представляет собой новое, ноосферное, природно-разумное качество мыслительно-когнитивных способностей человека. Это не простая форма человеческого ума, а его некая качественная целостность и, одновременно, диалектическое «отрицание» при одновременном формировании глубинного качества эндогенных духовных созидательных сил человека. Духовно-нравственное качество интеллекта заключается в *имманентном единстве созидательного разума человека с естественно-разумным построением самой природы*, где человеческая деятельность не возвышается над естественно-разумной логикой развития природы, а лишь составляет ее сознательно-активную часть. Духовно-нравственное качество человеческого интеллекта заключается в том, что его ноосферность призвана обеспечить гармонию человека, общества, экономики и природы. Если умственная деятельность человека нарушает эту гармонию, то человек выходит за пределы «естественного разума» природы, и такая деятельность не может называться интеллектуальной. В данном случае *есть ум, но нет интеллекта*. Из сказанного следует, что человеку не дано быть «умнее» либо «мудрее» самой природы, являющейся его «родительским домом».

Следовательно, интеллект есть «критическая» часть естественного «разума» природы, и именно в этом своем качестве интеллект определяется как *ноосферная, разумная, созидательная сила человеческого мышления и познания*. Экономическая составляющая интеллекта как созидательной ценности, или *экономический интеллект* состоит в том, что умственно-познавательные силы человека используются для создания жизненных благ в условиях ноосферного типа воспроизводства. Аксиологическое качество экономического интеллекта заключается в том, что он является основой духовно-нравственного способа хозяйствования, в рамках которого расширенно воспроизводятся сами условия жизни человека. При этом экономика духовной нравственности есть экономика господства гуманистического и созидательного *должного*, по отношению к утилитарному *сущему*.

Создателем и носителем интеллекта является, прежде всего, конкретный человек, интеллектуал,

обладающий соответствующими созидательными, духовно-нравственными качествами. Если умный человек не всегда является интеллектуалом, то интеллектуал предстает не только как умный, но и как *духовный*, то есть порядочный, интеллигентный, высоконравственный человек. К сожалению, в реальности не часто наблюдается торжество духовной нравственности, и как невозможно постичь абсолютную истину, так и человек не может достичь совершенного, внутреннего единства своего собственного существа. Но существовал ли «когда-нибудь какой-нибудь человек в совершенном согласии с собой. Это – невозможное, в самом себе противоречивое требование почти всех философов, чтобы человек обрел *внутренне единство своего существа*, согласие с самим собой. Ибо у него, как у человека, внутренний разлад составляет его сущность. Говоря точнее, невозможен ни совершенный святой, ни совершенный злодей. Ибо они должны быть людьми, т.е. существами злосчастными, борцами, гладиаторами на арене жизни» [18, с. 344-345]. Очевидно, что интеллектуалов всегда меньше,

чем умных людей; класс интеллектуалов и интеллектуальная элита – это лучшие люди нации. Основные генетические формы качественной целостности явления «интеллектуального» в современной поведенческой экономике, показаны на рис. 1.

В системе качественной целостности явления «интеллектуального» (рис. 1), особое место занимает генетическое «место» и трактовка интеллектуального капитала. Теперь, учитывая духовно-нравственную субстанцию экономического интеллекта, а также традиционные представления об известной триединной характеристике интеллектуального капитала субъекта, включающего человеческий, организационный и клиентский капитал, резонно предложить более интегрированную, и именно ноосферную трактовку *интеллектуального капитала*, который представляет собой систему духовно-нравственных, созидательных и гуманистически нацеленных знаний и компетенций экономического агента [8, 11]. Теперь важно выяснить соотношение интеллекта и креативности, поскольку в релевантной литературе данные фено-

Рис. 1. Генезис и качественная целостность интеллектуальных форм в современной экономике

мены и способы их взаимосвязи трактуются весьма неоднозначно. При этом под креативностью традиционно понимается, прежде всего, способность к творчеству, к созданию новых идей и знаний.

Взаимосвязь интеллекта и креативности можно выявить в результате анализа существующих, не связанных с требованиями ноосферного типа воспроизводства, концептуальных подходов. *Первый подход* характеризует креативность как самостоятельный фактор, в принципе не зависящий от интеллекта, но имеющий с ним определенную корреляцию, однако лишь до некоторого уровня [5]. Исследования подтверждают устойчивую корреляцию (от 0,25 до 0,40) между уровнем развития интеллекта и таким свойством, как оригинальность мышления, способность к эвристике. В то же время, экспериментально доказана нелинейная связь между интеллектом и креативностью: при превышении IQ, равным 120-127 баллов, связь между интеллектом и креативностью исчезает либо становится отрицательной. Это означает, что *нет креативных личностей с низким уровнем интеллекта, но есть интеллектуалы с низким уровнем креативности*. Очевидно, что главную роль в достижении творческих результатов играет не столько уровень интеллекта, сколько качество мотивации, личностные ценности и психические свойства экономического агента.

Второй подход характеризует положение о том, что высокий уровень развития интеллекта предполагает высокий уровень развития креативности и, наоборот [1, 9]. Здесь креативы (креативные субъекты) в равной степени обладают конвергентным и дивергентным (собственно креативным) мышлением, используя данные виды мышления в соответствующих ситуациях. В данном случае концептуальное мышление, как общая интеллектуальная способность оперировать существующим знанием, есть основа для формирования креативного мышления в форме творческой способности порождать новые идеи и знания. Комплексным фактором трансформации общего интеллекта в креативный интеллект является органическое единство форм и способов мотивации, существующих ценностей и релевантных психических черт личности (чувствительность к проблемам, когнитивная одаренность, независимость в сложных ситуациях, целеустремленность и др.).

Третий подход содержит положения о том, что как таковых творческих способностей не существует, поскольку процесс решения креативных задач есть лишь развитие когнитивных процессов и обычное, хотя и целенаправленное взаимодействие всех познавательных компетенций экономического агента. Существует корреляция, хотя и невысокая, между IQ и дивергентным (креативным) мышлением, что объясняет креативность лишь как некую «высшую» форму обычного интеллекта. При этом наличие либо от-

сутствие творческого мышления диагностируется по качеству конечного инновационного продукта, а не по способу его «креативного» получения. Креативность здесь есть лишь функция целенаправленности, или интенциональности интеллекта экономического агента, а также результат его индивидуальных психических, социальных и иных свойств. Наибольшими творческими способностями обладают субъекты, повышающие уровень своего интеллекта в русле собственной креативно-интеллектуальной экологии. Здесь креативность выступает как *естественное продолжение* развития интеллекта в рамках творческого трудового призвания экономического агента. Таким образом, в рамках третьей концепции, креативные идеи есть лишь результат «когнитивной отфильтрованности» через структуры понятийного и когнитивного опыта конкретного субъекта [7].

Основным выводом из краткой ретроспективы содержания трех концепций взаимосвязи интеллекта и креативности является то, что как таковой интеллект (общее) трансформируется в свою уникальную форму креативного интеллекта (особенное) не стихийно, а под воздействием конкретных эндогенных интенций, волевых качеств и сознательных усилий экономического агента. Следовательно, формирование и развитие креативного интеллекта есть субъективный и вполне управляемый процесс, и тезис о том, что «креативами не становятся, а креативами рождаются» вызывает существенные сомнения, особенно в век цифровых технологий и в период «когнитивной революции». В становлении креативного интеллекта многое определяется интересами и стремлениями, мотивами и смыслами, идеологическими убеждениями и ментальными моделями конкретного экономического агента (человека либо сообщества креативов).

Следовательно, нет жесткой, во всяком случае, пропорциональной корреляции между интеллектом и креативностью: при высоком уровне интеллекта может и не возникнуть ожидаемого высокого уровня творческих способностей. Креативность онтологически и содержательно глубже (хотя и не шире) интеллекта, поскольку это есть способность не просто к высшему уровню отражения действительности, но также к ее инновационному преобразованию. В связи с этим, резонно отметить, что интеллект и креативность соотносятся как *причина и следствие*, однако, как показывают результаты ретроспективного анализа трех концепций-подходов, это соотношение носит отнюдь не линейный и весьма неустойчивый характер. Данное обстоятельство следует иметь в виду и понимать, что не всегда массивные инвестиции, например, в корпоративный интеллект, непременно обернутся высоким уровнем креативности и обеспечат ожидаемое качество креативного интеллекта и одноименного капитала.

Теперь, помня о духовно-нравственном качестве явления «интеллектуального», следует подчеркнуть, что интеллект предстает в качестве общей основы креативности в двух формах: во-первых, как набор определенных общих мыслительных способностей; во-вторых, как духовно-нравственный базис и созидательно-гуманистический вектор становления и последующего использования творческих способностей экономического агента. При этом отметим, что духовность, как конституирующий признак интеллекта, по сути, имманентна креативности, поскольку именно «духовность должна обнаружить творческое существо духа и оправдать смысл творчества» [2, с. 372-373]. Другими словами, *духовное качество интеллекта* есть смысловой критерий действительного созидательного качества креативности, или *креативного интеллекта*. Этот вывод относится не только к отдельным индивидам, но и корпоративным сообществам, которые «находятся между собой не только в известных натуральных и рациональных отношениях, из которых вытекают союзы экономические и политические, но что они так-

же связаны более тесной связью со стороны своей внутренней сущности, образуя единый божественный организм» [14, с. 631].

Таким образом, с точки зрения требований ноосферного типа воспроизводства, теперь следует вести речь о креативности как *интеллектуальной креативности*, а также о креативном капитале не всякого, а именно *интеллектуального, то есть духовно-нравственного, гуманистического качества*. Это означает, что в рамках предлагаемой авторской дисциплинарной матрицы, интеллект (интеллектуальный капитал) и креативность (креативный капитал) соотносятся как *общее и особенное*. Общее, как известно, шире и богаче особенного, так как интеллект может и не быть креативным; при этом особенное всегда глубже общего, поскольку креативность субъекта по определению претендует на оригинальность и нестандартность его мышления [12]. При этом *креативный интеллект* резонно определять как систему духовно-нравственных, но не только мыслительных и познавательных, но еще и творчески-трудовых неявных знаний и компетенций экономического агента.

Список литературы

1. Айзенк Г.Ю. Тесты Айзенка. IQ. Мегамоzg. Раскрой возможности своего интеллекта. М.: Эксмо-Пресс, 2016. 256 с.
2. Бердяев Н.А. Дух и реальность. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003. 679 с.
3. Вебер Ш., Давыдов Д. Социально-экономические эффекты языкового разнообразия // Вопросы экономики. 2017. №11. С. 50-63.
4. Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. М.: Изд-во «Эксмо-Пресс», 2001. 241 с.
5. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления. Прогресс, 1965. 14 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 672 с.
7. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2012. 448 с.
8. Казьмин А.К. Теория интеллекта: Как выбрать президента. М.: ЗАО «Московские учебники – СидиПресс», 2001. 240 с.
9. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / пер. с англ. СПб.: Питер, 2010. 352 с.
10. О'Коннор Дж. Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах в творческом подходе к решению проблем. М.: Альпина Паблишерз, 2010. 254 с.
11. Салихов Б.В. Интеллектуальный капитал организации (сущность, структура и основы управления): Монография. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2008. 156 с.
12. Салихов Б.В. Креативный капитал в экономике знаний: Монография / Б.В.Салихов. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2017. 274 с.
13. Салихов Б.В., Салихова И.С., Олигова М.Б. Качество ключевых форм неявного знания в создании добавленной стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. №1. С. 77-94.
14. Соловьев В. Философское начало цельного знания. Мн.: Харвест, 1999. 912 с.
15. Солсо Р. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2011. С. 496-534.
16. Стюарт Томас А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций / Пер. с англ. В. Ноздриной. М.: Поколение, 2007. 368 с.
17. Цаплин В.С. Разумное, но не мыслящее. М.: Крафт+, 2009. 352 с.
18. Шопенгауэр А. Введение в философию; Новые паралипомены; Об интересном: Сборник. Мн.: ООО «Попурри», 2000. 416 с.
19. Экономика, основанная на знаниях: Учебное пособие / Под общ. ред. А.Л. Гапоненко. М.: Издательство РАГС, 2006. 238 с.

Reference list

1. Hans Jurgen Eysenck. Eysenck's Tests. IQ. Megamind. Open the possibilities of your intellect. M.: Exmo-Press, 2016. 256 p.
2. Berdyayev N. Spirit and reality. M.: LLC "Publishing house AST"; Kharkov: "Folio", 2003. 679 p.

3. *Veber Sh., Davydov D.* Socio-economic effects of linguistic diversity // Economic issues. 2017. №11. P. 50-63.
4. *Bill Gates.* Business at the Speed of Thought. M.: Publishing house "Exmo-Press", 2001. 241 p.
5. *Guilford J.* Three sides of intellect // Psychology of thinking. Progress, 1965. 14 P.
6. *Dal' V.* Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vol. Vol. 2. M.: OLMA-PRESS, 2002. 672 p.
7. *Il'in E.* Psychology of creativity, creativity, giftedness. SBR.: Piter, 2012. 448 p.
8. *Kaz'min A.* Theory of intellect: How to choose a President. M.: JSC "Moscow textbooks – Sidepress", 2001. 240 p.
9. *Maslow A.* Motivation and personality. 3rd edition. / Translation from English. SBR. Piter, 2010. 352 p.
10. *O'Connor J.* The art of systems thinking: The necessary knowledge of systems in a creative approach to problem solving. M.: Alpina Publishers, 2010. 254 p.
11. *Salikhov B.* Intellectual capital of the organization (essence, structure and basis of management): Monograph. M.: Publishing and trading corporation "Dashkov i K", 2008. 156 p.
12. *Salikhov B.* Creative capital in knowledge economy: Monograph / B. Salikhov. M.: Publishing and trading corporation "Dashkov i K", 2017. 274 p.
13. *Salikhov B., Salikhova I., Oligova M.* Quality of key forms of implicit knowledge in value creation // National interests: Priorities and security. 2017. №1. P. 77-94.
14. *Solov'ev V.* Philosophical principles of integral knowledge. Meganewton.: Kharvest, 1999. 912 p.
15. *Robert L. Solso* Cognitive psychology. SBR.: Piter, 2011. P. 496-534.
16. *Stuart Thomas A.* Intellectual capital. The new wealth of organizations / Translation from English by V. Nozdrina. M.: Pokolenie, 2007. 368 p.
17. *Tsaplin V.* Reasonable, but not thinking. M.: Kraft+, 2009. 352 p.
18. *Schopenhauer A.* Introduction to philosophy; new paralipomena; About interesting: Collection. Meganewton.: LLC "Potpourri", 2000. 416 p.
19. Economics based on knowledge: Textbook / Under the general editorship of A. Gaponenko. M.: RASG publishing office, 2006. 238 p.

УДК 339.9

Рагулина Ю.В.,

доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе
Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий
Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства

Вергейчик М.А.,

магистр факультета «Государственное управление и финансовый контроль»
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Статья посвящена анализу внутриотраслевой торговли стран ЕАЭС, даны оценки сотрудничества стран ЕАЭС в сфере внешней и внутренней торговли, проанализирована реакция рынков труда стран-участниц ЕАЭС на развитие интеграционных процессов в рамках объединения.

Ключевые слова: ЕАЭС, фискальная политика, внутрисоюзная торговля

Ragulina Yu.,

Doctor of Economics, Professor, Deputy Director for Science of the Federal Scientific Center for Agricultural Economy and Social Development of Rural Areas of the All-Russian Research Institute for Agricultural Economics

Vergeychik M.,

Master of the Faculty "Public Administration and Financial Control"
of the Financial University under the Government of Russian Federation

FEATURES OF DEVELOPMENT OF ECONOMIC COOPERATION OF THE EURASEC MEMBER STATES

This article given is devoted to the analyses of intra-industry trade of the EAEU states; there are presented assesses of the cooperation of the EAEU states in the field of foreign and domestic trade; the response of the labour markets of the EAEU member states to the development of integration processes within the frameworks of the Association is analyzed in the article.

Keywords: EAEU, fiscal policy, inner-union trade

Эффективность и особенности развития экономического сотрудничества стран ЕАЭС отражают показатели макроэкономической стабильности, развития Таможенного союза и Единого экономического пространства, и в частности, состояния и тенденции развития взаимной и внешней торговли государств в рамках интеграционного объединения ЕАЭС, а также тенденции изменений системы налогообложения, инвестиционной деятельности, рынка труда и др. [1].

Фискальная политика в 2015-2016 гг. в странах Союза, кроме Беларуси, имела стимулирующий характер. За счет мощных фондов, сформированных на основе получения нефтяных доходов, Россия и Казахстан обеспечивали экономике всего ЕАЭС фискаль-

ный импульс. Для выполнения программы государственных инвестиций Кыргызстан активно привлекал внешние ресурсы из Китая. Армения также осуществляла фискальное стимулирование экономики. В то же время, в условиях выполнения пиковых платежей по внешним долгам возможности Беларуси по приданию национальной экономике фискального импульса были ограничены в связи отсутствием необходимых резервов [2].

На следующем этапе развития экономического сотрудничества стран ЕАЭС и создания единого экономического пространства предусмотрены мероприятия по оптимизации и унификации налоговой политики стран ЕАЭС. В частности, учитывая, что налогообложение оказывает существенное влияние на

функционирование внутреннего рынка и трансграничную торговлю и проч., предусмотрено создания льгот с целью стимулирования торговли, внутренней инвестиционной активности и т.д.

В настоящее время налоговые системы стран-участниц ЕАЭС имеют ряд различий, которые являются причинами неравных условий налогообложения в отношении товаров из государств-членов [3]. Для устранения таких различий в Договоре о создании ЕАЭС прописан общий принцип, согласно которому «на территории государств-членов налогообложение товаров из других государств-членов должно быть не менее благоприятным, чем налогообложение, применяемое этим государством-членом при тех же обстоятельствах в отношении аналогичных товаров, происходящих с его территории». Нарушение указанного принципа квалифицируется как барьер.

Оценивая сотрудничество стран ЕАЭС в сфере внешней и внутренней торговли следует отметить, что, начиная с 2013 г. объем внутрисоюзной торговли сохраняет отрицательную динамику. Согласно дан-

ным таблицы 1, в 2016 г. положительные изменения в динамике внутрисоюзного оборота не достигнуты.

Доля внутрисоюзной торговли в суммарном объеме экспорта ЕАЭС составила 12,1% в 2016 году, что на 1,2 процентного пункта выше уровня 2015 года. Рост доли внутрисоюзной торговли в общем объеме экспорта обусловлен тем, что сокращение объема экспорта из ЕАЭС в третьи страны в 2016 году по сравнению с 2015 годом (17,5%) было более интенсивным, чем сокращение объема внутрисоюзной торговли (6,7%).

В товарной структуре взаимной торговли государств – членов ЕАЭС, рассчитанной как суммарный экспорт государств – членов ЕАЭС в государства – члены ЕАЭС, преобладают минеральные продукты (27,1%). Вместе с тем стоимостной объем внутрисоюзного экспорта этой группы товаров в 2016 году по сравнению с 2015 годом сократился (на 24%) и составил 11,5 млрд. долл. (рисунок 1), что привело к заметному снижению доли этой группы товаров в общем объеме внутрисоюзного экспорта (на 6,2 процентного пункта).

Таблица 1.

Объемы внутрисоюзной и внешней торговли государств-членов ЕАЭС в 2015-2016 гг., млрд долл. США [4].

Показатель	2015 год	2016 год	Изменение 2016/2015 годы, %
Объем внутрисоюзной торговли	45,6	42,5	-6,7
Доля внутрисоюзной торговли в общем объеме экспорта ЕАЭС, %	10,9	12,1	+1,2
Объем внешней торговли:			
экспорт из ЕАЭС	373,8	308,4	-17,5
импорт в ЕАЭС	205,5	201,3	-2,0
оборот внешней торговли ЕАЭС	579,4	509,8	-12,0

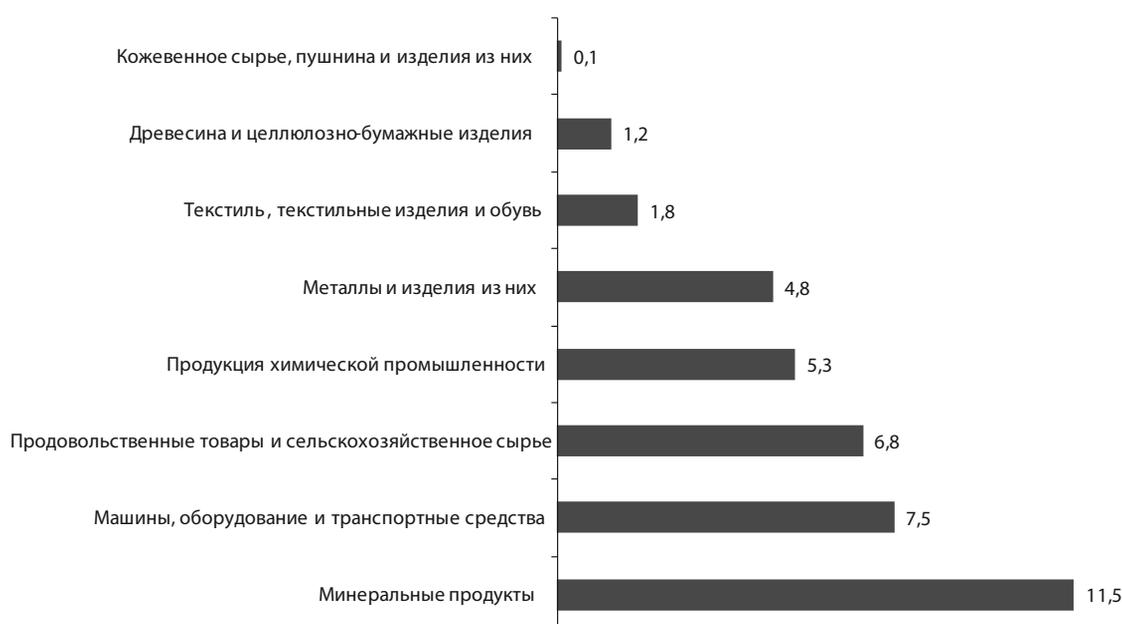

Рис. 1. Товарная структура внутрисоюзной торговли ЕАЭС в 2016 году, млрд. долл. США [4].

Значимая доля в товарной структуре внутри-союзной торговли ЕАЭС приходится на машины и оборудование (17,5%), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (16,1%), продукция химической промышленности (12,4%). Стоимостный объем внешнеторгового оборота ЕАЭС с третьими странами в 2016 году сократился на 12% и составил 509,8 млрд. долл. США. Более 60,5% (или 308,4 млрд. долл. США) в структуре внешнеторгового оборота составляет экспорт. Доля импорта, соответственно, составляет 39,5% или 201,3 млрд. долл. США.

Основой экспорта государств – членов ЕАЭС как внутри Союза, так и за его пределы являются минеральные продукты. Крупнейшей статьёй импорта ЕАЭС из третьих стран, как и для внутреннего импорта, являются машины, оборудование и транспортные средства. На них по итогам 2016 года приходилось 43,3%, что в стоимостном выражении составило 87,1 млрд. долл.

Внутриотраслевая торговля во внешней торговле ЕАЭС характерна более всего для продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья. Доля внешней торговли в рамках данной группы товаров в 2016 году составила 78%, что на 6,1 процентного пункта выше уровня 2015 года. В 2015 году по этому показателю лидировала продукция химической промышленности (81,8%), однако по итогам 2016 года доля этих товаров заметно сократилась.

В целом наблюдается характерная особенность – во внешней торговле ЕАЭС сырьевыми товарами и товарами низких уровней передела преобладает экспорт, а во внешней торговле товарами более высоких уровней передела преобладает импорт.

Таким образом, взаимная торговля стран ЕАЭС является одним из ключевых индикаторов интеграционных процессов в регионе. Интенсификация и диверсификация взаимной торговли является важным фактором повышения потенциала долгосрочного экономического сотрудничества стран ЕАЭС. Именно поэтому государства-члены ЕАЭС активно совершенствуют механизмы внешней торговли для повышения степени участия в мировой торговой системе и сти-

мулирования экономического роста. Это, в свою очередь, позитивно отражается на позициях государств-членов ЕАЭС в международных рейтингах ведения бизнеса.

Так, по информации Doing Business 2016, присоединение в 2015 году Республики Армения к Евразийскому экономическому союзу позволило сократить временные затраты и стоимость таможенных процедур в торговле с Российской Федерацией. По данным Doing Business 2017, присоединение к ЕАЭС позволило Кыргызской Республике сократить на 10 часов время, затрачиваемое на экспортную операцию, и на \$85 – издержки в рамках экспортных операций. Согласно данным Doing Business 2017, Республика Казахстан и Республика Беларусь входят в число стран, лидирующих в Центральной Азии и Европе по количеству реформ в сфере регулирования бизнеса: в 2015–2016 годах Республикой Казахстан было проведено семь реформ, а Республикой Беларусь – четыре реформы. Кроме того, у Республики Казахстан было отмечено улучшение условий внешней торговли, а именно – снижение издержек в рамках экспортных операций в результате отмены требования двух документов, которые ранее были необходимы для таможенной очистки. В 2017 году условия ведения внешней торговли как элемент рейтинга Doing Business улучшились у Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации, ухудшились – у Республики Армения и Республики Беларусь (таблица 2).

Вместе с тем, на современном этапе развития действие механизмов экономического сотрудничества в рамках ЕАЭС не обеспечивает должной эффективности торговых потоков и, как следствие, не способствует росту и развитию производств с высокими показателями добавленной стоимости.

Важным направлением взаимной торговли стран ЕАЭС является торговля услугами. В 2015 году общемировой объем торговли услугами составил \$9,36 трлн., в том числе экспорт составил \$4,75 трлн. Основной объем торговли пришелся на транспортные услуги и услуги, связанные с поездками. Российская Федерация в 2015 году экспортировала \$51,7

Таблица 2.

Условия ведения внешней торговли: позиции государств – членов ЕАЭС в рейтинге Doing Business [4].

Государство – член ЕАЭС	Оценка по условиям ведения внешней торговли (из 100)		Позиция в Doing Business по условиям ведения внешней торговли	
	2016 год	2017 год	2016 год	2017 год
Республика Армения	96.23	86.45	29	48
Республика Беларусь	94.88	93.71	25	30
Республика Казахстан	60.39	63.19	122	119
Кыргызская Республика	72.25	74.91	83	79
Российская Федерация	37.39	57.96	170	140

млрд., а импортировала \$88,6 млрд. Суммарно в 2015 году ЕАЭС экспортировал услуг на \$67 млрд., а импортировал – на \$107 млрд. Основной объем экспорта услуг ЕАЭС в 2015 году приходился на транспортные услуги (36%) и прочие деловые услуги (20%). Доля этих услуг в основном объеме импорта ЕАЭС соответственно составила 35% и 24%.

Но есть и ограничения для дальнейшего развития. В 2015–2017 годах фаза быстрого начального прогресса подошла к концу. В частности, на это указывают сложные процессы согласования позиций по Таможенному кодексу и общему рынку лекарственных средств и медицинских изделий – две важные темы 2016-2017 гг.

Говоря о реализации направлений экономического сотрудничества в сфере стимулирования свободного перемещения капитала, следует остановиться на тенденциях развития инвестиционной деятельности стран ЕАЭС, которая характеризует состояние финансовых систем и отражает перспективы дальнейшего трансграничного взаимодействия стран Евразии.

Динамика накопленных взаимных прямых иностранных инвестиций (далее – ПИИ) негативна, но значительно лучше, чем в целом по региону СНГ. Если за период 2012-2015 гг. объем накопленных взаимных ПИИ стран ЕАЭС снизился на 14,3%, то по странам СНГ снижение показателя составило 25,8% (таблица 3).

На начало 2016 года объем накопленных взаимных ПИИ в ЕАЭС снизился на 6,6%, т.е. до 23,6 млрд. долл. в связи с обесценением ранее созданных активов (вследствие девальвации национальных валют), а не в результате ликвидации или перепродажи предприятий. Российские инвесторы осуществили 81,5% взаимных ПИИ в странах ЕАЭС, Казахстан экспортировал 17,4% ПИИ, тогда как Беларусь, Армения и Кыргызстан показали более низкие результаты.

Ведущие секторы взаимных ПИИ в ЕАЭС – топливный комплекс и цветная металлургия (рисунок 2).

Заметны ПИИ в транспортном и агропродовольственном комплексах, в секторе связи и ИТ, финансовом секторе и газотранспортных сетях. Лидерство топливного сектора обеспечено двумя крупней-

Таблица 3.

Взаимные прямые инвестиции России, Казахстана, Беларуси, Армении и Кыргызстана на начало 2016 г. [5].

Страна-реципиент	Накопленные ПИИ стран-инвесторов. \$ млн.					
	Россия	Казахстан	Беларусь	Армения	Кыргызстан	5 стран всего
Россия	x	3367	204	3	0	3574
Казахстан	7095	x	34	0	0	7129
Беларусь	8297	53	x	10	4	8364
Армения	3056	8	0	x	0	3064
Кыргызстан	811	695	0	0	x	1506
5 стран всего	19259	4123	238	13	4	23637

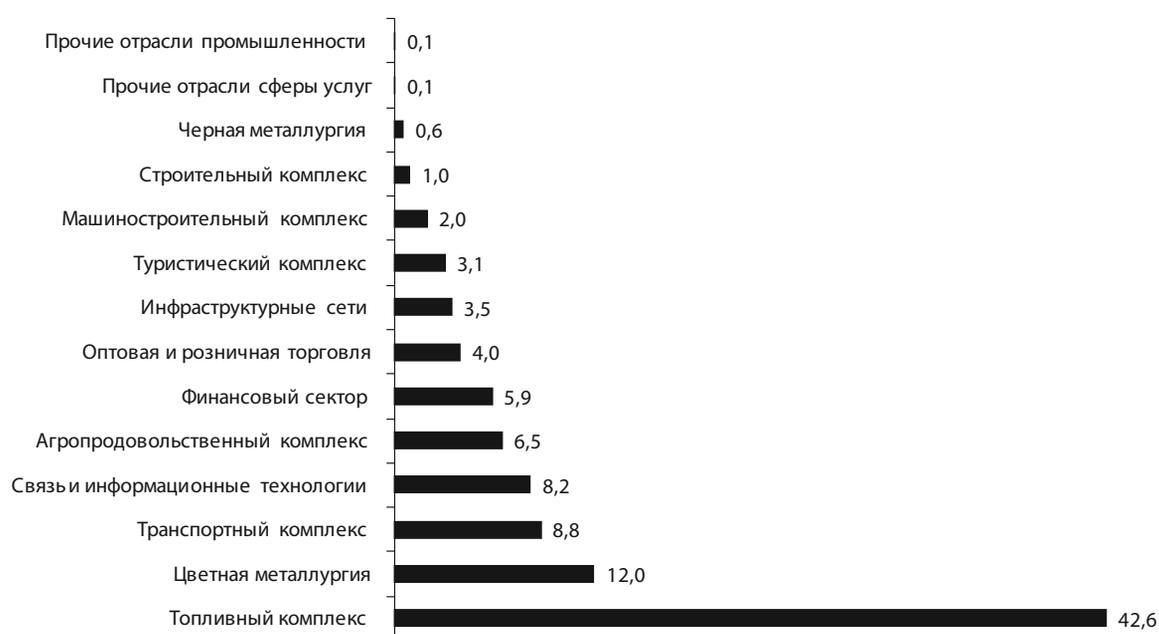

Рис. 2. Отраслевая структура накопленных в странах ЕАЭС взаимных ПИИ на начало 2016 года, % [5].

шими проектами: газотранспортное дочернее предприятие «Газпрома» в Беларуси и добыча углеводородного сырья «ЛУКОЙЛом» в Казахстане.

Россия – единственный нетто-экспортер в рамках взаимных ПИИ стран ЕАЭС. На ПИИ 25 крупнейших российских компаний, инвестирующих в страны Союза, приходится 72% всех накопленных взаимных ПИИ в ЕАЭС. А на 25 крупнейших проектов российских компаний приходится около 65% всех накопленных взаимных ПИИ в ЕАЭС. Согласно данным мониторинга взаимных инвестиций ЦИИ ЕАБР, всего в базу включено 1200 проектов [6].

Практически две трети всех накопленных взаимных ПИИ в ЕАЭС обеспечено крупнейшими российскими компаниями. Таким образом, объем ПИИ обеспечивает ограниченный круг крупных инвесторов. Сама Россия привлекла из других стран ЕАЭС \$3,6 млрд., что может объясняться, среди прочего, ограниченными возможностями компаний из стран-партнеров к осуществлению капиталовложений. В основном это такие сферы хозяйствования, как транспортный, туристический, агропродовольственный и топливный комплексы, а также финансовый сектор и строительство.

В 2015 г. страны ЕАЭС возобновили экспорт ПИИ в Евразию, увеличив их по сравнению с предыдущим годом на 16%, или на \$13,5 млрд. Основным драйвером такого роста инвестиционной активности в 2015 г. стали российские компании, которые закрыли ряд новых крупномасштабных сделок в Европейском союзе. В то же время, согласно мониторингу прямых инвестиций, азиатские инвесторы продолжают наращивать прямые капиталовложения в ЕАЭС. За весь период мониторинга накопленные ПИИ девяти азиатских стран (Китай, Япония, Турция, Индия, Республика Корея, ОАЭ, Иран, Сингапур и Вьетнам) увеличились с \$30,4 млрд. в 2008 г. до \$61,9 млрд. в начале 2016 г. По мнению ЦИИ ЕАБР, активность прямых инвесторов из стран Евразии в ЕАЭС будет расти [7].

Таким образом, анализ инвестиционной деятельности свидетельствует о том, что механизмы экономического сотрудничества в рамках интеграционного объединения ориентированы главным образом на поддержку крупного бизнеса, тогда как ожидания сектора малого и среднего предпринимательства не оправдались в полной мере. Подходы государств – членов к разработке и реализации мер по улучшению делового и инвестиционного климата также имеют определенные отличия. Республика Беларусь в большей степени связывает меры по улучшению делового климата с развитием малого и среднего бизнеса, Республика Казахстан акцентирует внимание на инвестировании средств в сырьевые сектора экономики и диверсификации источников инвестиций. Российская Федерация стремится к упрощению и уст

нению избыточных административных барьеров для развития бизнеса.

Наряду с механизмами перемещения капитала, в ходе экономического сотрудничества задействованы ряд механизмов стимулирования рынков труда и перемещения рабочей силы. Общий рынок труда, действующий в ЕАЭС с начала 2015 года, пока еще не получил должной оценки участниками евразийской интеграции. Между тем, таких рынков в мире всего два – в Европейском и Евразийском союзах. Согласно результатам «Интеграционного барометра – 2016», от 70 до 87% граждан стран ЕАЭС поддерживают свободу передвижения, получения образования, трудоустройства и проживания внутри Союза. Этому способствует то, что уровень мобильности рабочей силы в ЕАЭС и сопредельных странах очень высок. Эти вопросы действительно важны для миллионов семей. Не последнюю роль в повышении уровня мобильности рабочей силы, сыграло отсутствие языкового барьера, а также общее историческое прошлое. В 2016 году в Россию для осуществления трудовой деятельности въехало 362 тыс. граждан Кыргызстана, 210 тыс. граждан Армении, 98 тыс. граждан Беларуси и 72 тыс. граждан Казахстана. Трудовая миграция позволяет гражданам, выезжающим из своей страны на заработки, поддерживать домашние хозяйства на родине денежными переводами. В некоторых странах трансграничные переводы достигают значительных объемов, зачастую являясь единственным источником дохода для сотен тысяч граждан. Трудовая миграция способствует синхронизации бизнес-циклов с Россией. В 2015 году в связи с девальвацией российской валюты объем денежных переводов в долларовом выражении значительно упал.

По данным ЕЭК, в декабре 2016 года уровень безработицы в ЕАЭС составил 5,5%, что на 0,2 процентного пункта ниже по сравнению с 2015 годом. Основное влияние на него оказывала динамика этого показателя в РФ. Традиционно наиболее высокий уровень безработицы среди стран ЕАЭС в Армении.

Как видно на рисунке 3, между странами ЕАЭС наблюдается сближение долларовых зарплат.

Положительная динамика долларовых зарплат стала результатом использования механизмов корректировки валютных курсов. Однако рост реальной заработной платы существенно отличался по странам ЕАЭС. Между странами ЕАЭС наблюдается сближение долларовых зарплат. Кроме того, по странам ЕАЭС все еще сохраняются различия в динамике реальной заработной платы (рисунок 4). Если в Кыргызстане рост заработных плат в 2016 году составил 9,4%, то в России – всего 0,7%, а в Казахстане и Беларуси за тот же период заработные платы сократились соответственно на 0,9% и 4%.

Очевидно, рынки труда стран-участниц ЕАЭС по-разному реагировали на развитие интеграционных

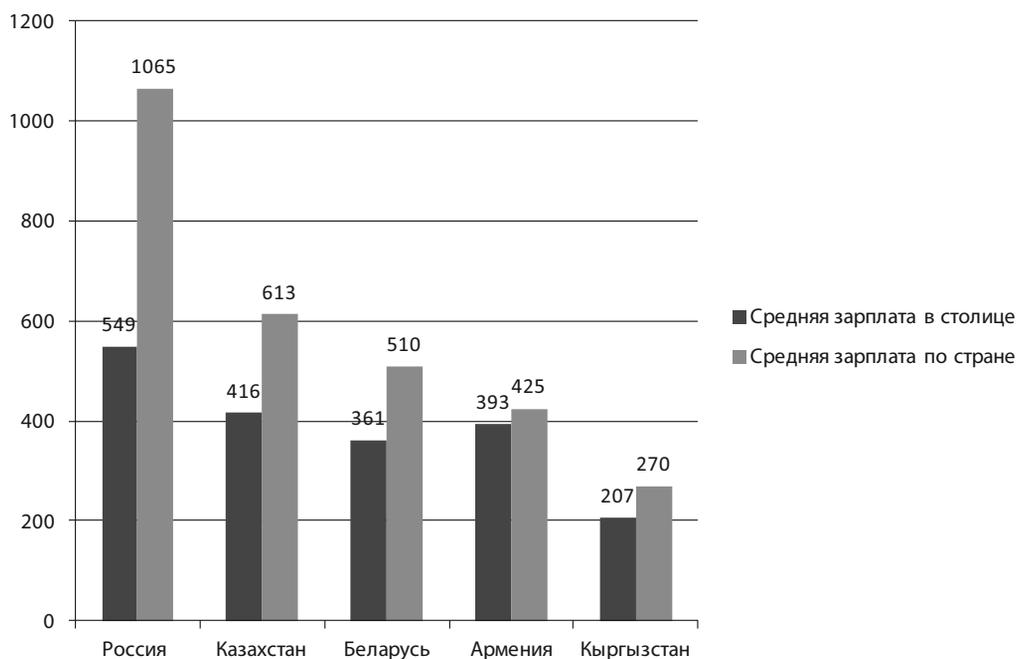

Рис. 3. Среднемесячная номинальная заработная плата в январе – декабре 2016 года, долл. США [4].

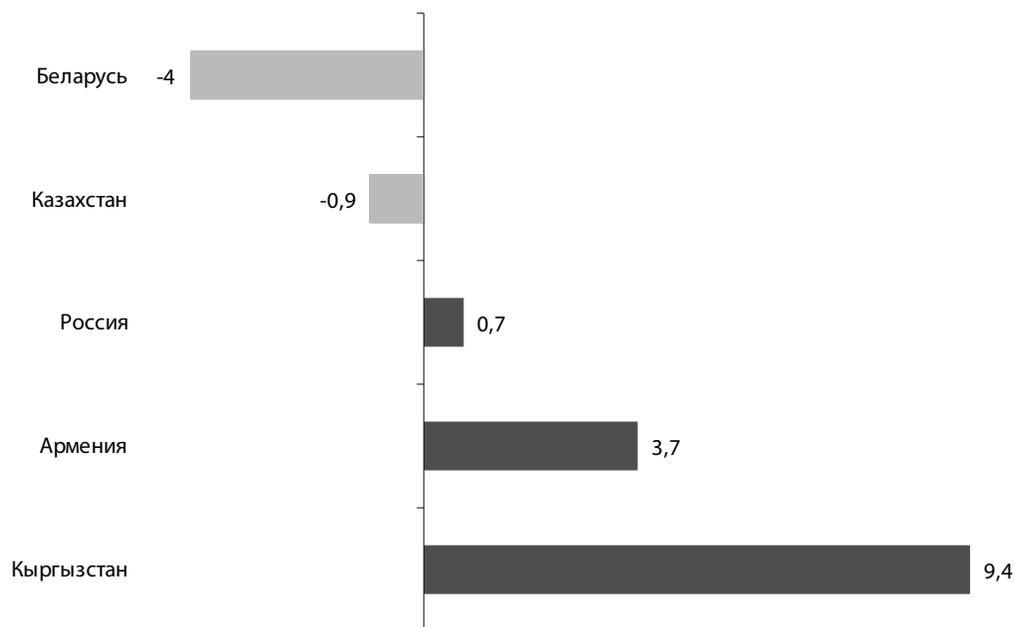

Рис. 4. Темпы прироста реальной заработной платы по странам ЕАЭС в 2016 году, % [4].

процессов в рамках объединения. Фактически единственным важным нерешенным вопросом в области регулирования единого рынка труда остается вопрос пенсионного обеспечения, или «мобильности пенсий» [8].

Таким образом, реализация механизмов сотрудничества государств-членов ЕАЭС направлена на повышение конкурентоспособности интеграционного объединения и его участников. В целом, вектор интеграционного развития ЕАЭС в 2016 году задавали следующие направления, события и решения: согласование Таможенного кодекса ЕАЭС; ускорение

работы по зонам свободной торговли и др. Однако, создание Единого экономического пространства и Таможенного союза пока не обеспечивает ожидаемых результатов. Вместе с тем, применение механизмов сотрудничества в рамках ЕАЭС на практике представляет собой сложный комплекс мероприятий, реализация которых проходит не только в краткосрочном, но и в среднесрочном периодах. Это означает, что эффективность внедрения отдельных механизмов сотрудничества в рамках объединения еще не достигнута в полной мере.

Список литературы

1. *Zavalko N., Butova T., Stepnov I., Kozhina V.* Methodological framework for economic valuation of business enterprises // *International Journal of Applied Business and Economic Research*. 2017. Vol.15. №11. P. 299-309.
2. *Жарбеков А.М., Бутова Т.В.* Особенности государственного управления в Республике Кыргызстан // В сборнике: Актуальные проблемы и перспективы развития государственного и муниципального управления. Сборник научных статей, подготовленный в рамках III международной научно-практической конференции. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. 2016. С. 116-119.
3. *Бутова Т.В., Дорошина И.П., Ходжаева И.Г.* Международная валютная интеграция в условиях глобализации // В сборнике: Актуальные проблемы экономической науки и хозяйственной практики в современных условиях. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Галина А.Э.. 2015. С. 15-17.
4. Евразийская экономическая интеграция – 2017. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. С. 52.
5. ЦИИ ЕАБР (2016). Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ — 2016. Доклад №39. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР. http://eabr.org/r/research/centre/projectsCII/invest_monitoring/.
6. *Ярусов А.О., Бутова Т.В.* Европейская модель государственного управления и проблемы ее реализации в России // В сборнике: Актуальные проблемы и перспективы развития государственного управления. Сборник научных статей по материалам ежегодной Международной научно-практической конференции. Под редакцией С.Е. Прокофьева, О.В. Паниной, С.Г. Еремина. 2015. С. 411-413.
7. *Петрова Ю.И., Бутова Т.В.* О некоторых аспектах системы управления государственной собственностью в КНР // В сборнике: Наука вчера, сегодня, завтра: теория и практика Материалы Международного электронного Симпозиума. 2015. С. 165-170.
8. ЦИИ ЕАБР. Мобильность пенсий в рамках Евразийского экономического союза и СНГ. Доклад №24. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2014.

Reference list

1. *Zavalko N., Butova T., Stepnov I., Kozhina V.* Methodological framework for economic valuation of business enterprises // *International Journal of Applied Business and Economic Research*. 2017. Vol.15. №11. P. 299-309.
2. *Zharbekov A., Butova T.* Features of public administration in the Republic of Kyrgyzstan // In the proceedings: Actual issues and prospects of development of public administration. Collection of scientific articles prepared in the framework of the III international scientific-practical conference. Financial University under the Government of the Russian Federation. 2016. P. 116-119.
3. *Butova T., Doroshina I., Khodzhaeva I.* International currency integration in the conditions of globalization // In the proceedings: Actual issues of economic science and economic practice in modern conditions. Collection of proceedings of the international scientific-practical conference. Executive editor: Galina A. 2015. P. 15-17.
4. Eurasian Economic Integration – 2017. SBR.: Center of Integration Studies of Eurasian Development Bank, 2017. P.52.
5. Center of Integration Studies of Eurasian Development Bank (2016). Monitoring of mutual investments in the CIS in 2016. №39 Report. Saint Petersburg: Center of Integration Studies of Eurasian Development Bank. http://eabr.org/r/research/centre/projectsCII/invest_monitoring/.
6. *Yrusov A., Butova T.* The European model of public administration and the problems of its implementation in Russia // In the proceedings: Actual issues and prospects of development of public administration. Collection of scientific articles on the proceedings of the annual international scientific-practical conference. Edited by S. Prokof'ev, O. Panina, S. Eremina. 2015. P. 411-413.
7. *Petrova Yu., Butova T.* On some aspects of the state property management system in PRC // In the proceedings: Science yesterday, today, tomorrow: theory and practice Materials of the International electronic Symposium. 2015. P. 165-170.
8. Center of Integration Studies of Eurasian Development Bank. Mobility of pensions within the Eurasian Economic Union and the CIS. №24 Report. Saint Petersburg: Center of Integration Studies of Eurasian Development Bank, 2014.

УДК 330.36

Осипов В.С.,

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры управления рисками и страхования
Московского государственного института международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

ТЕРРИТОРИЯ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ КАК УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА¹

Цель проведенного исследования, заключается в экономической оценке социально-экономического развития регионов Дальневосточного федерального округа и перспектив изменения положения регионов ДВФО, в результате создания и развития территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР). В исследовании были использованы общенаучные методы научного познания, а также методы экономического анализа и статистики. В числе основных результатов исследования можно назвать следующие: анализ реализации проектов ТОР на территории ДВФО показал, что существуют реальные угрозы их реализации, так как инвестиционная активность в регионе остается низкой, наблюдается отток рабочей силы, транспортная система округа нуждается в существенной модернизации и увеличении, наблюдается некоторый дефицит электроэнергетических мощностей для запуска новых производств. Полученные результаты исследования будут полезны для оценки места ДВФО в народном хозяйстве страны и роли ТОР в формировании экономического роста и улучшении социальной сферы регионов ДВФО, а также для ученых занимающихся проблемой экономического развития депрессивных территорий.

Ключевые слова: развитие, территория опережающего развития, регионы России, Дальневосточный федеральный округ, депрессивные регионы

Osipov V.,

Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of Chair of Risk Management and Insurance
of the Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

TERRITORY OF PRIORITY DEVELOPMENT IN THE SYSTEM OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT

The purpose of the study is the economic assessment of the socio-economic development of the regions of the Far Eastern Federal District and the prospects for changing the position of the regions of the Far Eastern Federal District as a result of the creation and development of territories of advanced socio-economic development (PDA). The study used general scientific methods of scientific knowledge, as well as methods of economic analysis and statistics. The main results of the study include the following: an analysis of the implementation of projects for TOR in the Far Eastern Federal District showed that there are real threats to their implementation, since investment activity in the region remains low, there is an outflow of labor, the district's transport system needs substantial modernization and increase some shortage of electric power capacities for launching new productions. The results of the study will be useful for assessing the place of the FEFD in the national economy and the role of TOR in shaping economic growth and improving the social sphere of the FEFD regions, as well as for scientists dealing with the problem of the economic development of depressed territories.

Keywords: development, territory of advanced development, regions of Russia, Far Eastern Federal District, depressed regions

¹ Статья написана при финансовой поддержке РФФИ. Грант 16-02-00141.

Введение

Историческая парадигма подтверждает, что Россия обладает колоссальными запасами природного капитала, при этом за годы развития Советского Союза был сформирован огромный по своей величине воспроизводимый капитал (и прежде всего инфраструктура транспорта, связи и электроэнергетики), также в стране не прекращается подготовка высококлассных специалистов в разных областях человеческой деятельности, но на фоне такого количества ресурсов последние четверть века наблюдается турбулентность отечественной экономики. Кроме того, наблюдается постоянная тенденция примитивизации экономики, когда низкая рентабельность обрабатывающей промышленности и, напротив, высокая, в добывающих отраслях, вымывает капитал из первых в последние, усугубляя негативную тенденцию превращения страны в сырьевой придаток мировой экономики.

По нашему мнению причиной этого являются диспропорции в развитии регионов, так лучшие человеческие ресурсы сосредоточены в центральной России (и прежде всего в г. Москве), что объясняется высокой по отношению к другим регионам заработной платой, а природные богатства (которые необходимо осваивать и перерабатывать) находятся в азиатской части страны. Также мешает поступательному развитию всех территорий сырьевая направленность экономики, в результате субъекты, обладающие природным капиталом, получают больше инвестиций (и как следствие у них больше ВРП) чем прочие регионы. В этой связи курс на формирование свободных экономических зон (СЭЗ), зон территориального развития (ЗТР) и территории опережающего развития (ТОР) является начальной ступенькой на пути к равномерному поступательному развитию субъектов РФ, отсюда следует, что разрабатываемая тема является актуальной для осмысления экономической наукой.

Актуальность выбранного направления исследования подчеркивается большим количеством научных работы, так достоинства и недостатки территорий опережающего развития, а также их влияние на развитие депрессивных регионов нашли свое отражение в публикациях таких авторов как Бухвальд Е.М. [2,3], Валентей С.Д. [4,5], Зельднер А.Г. [6] и др.

В свою очередь особенности формирования ТОР на территории Дальневосточного федерального округа, а также последствия (эффект) от этого процесса отражены в публикациях таких отечественных исследователей как Алексеев П.В., Ишаев В.И., Попков С.Ю., Смирнов В.М. Соловьев Д.Б., Захарьина П.И., Чимитова С.Ж., Лихачева В.В. и др.

Также стоит отметить, что настоящая статья является логическим продолжением ранее опубликованных нами научных трудов, в частности [6,7,8,10,11].

Информационной базой являются статистические сборники и справочники, публикуемые системой Росстата, а именно «Регионы России», «Российский статистический ежегодник», «Инвестиции в России», также некоторые оперативные сведения были взяты на портале Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/>).

Результаты исследования

Критический анализ работ отечественных ученых посвященных проблеме диспропорций в развитии регионов России позволяет утверждать, что в настоящее время явно выделяется четыре группы субъектов РФ кардинальным образом отличающихся способом формирования бюджетов, структурой экономики и составом имеющихся ресурсов.

1) город Москва, в котором сконцентрирован финансовый и человеческий капитал, конечно эффект радиально расширяющейся волны захватывает близлежащие регионы в которых развивается производства призванные удовлетворить потребности многомиллионного мегаполиса, но веже эти субъекты значительно отстают по уровню развития от столицы России.

2) регионы богатые полезными ископаемыми (к примеру, Тюменская область), которые притягивают инвестиции в добывающую промышленность и тем самым обеспечивают собственный рост.

3) республики, в частности Татарстан и Башкортостан, которые в силу ряда исторических, географических и национальных факторов, а также благодаря особенностям формирования бюджета, аккумулируют внутренние инвестиции и тем саамы обеспечивают стабильный рост.

4) депрессивные территории, фактически это все остальные регионы России, в которых отсутствует какой либо стратегический ресурс (природный, человеческий или воспроизводимый капитал) и они существуют на дотациях из федерального центра.

В этой связи формирование ТОР является одним из шагов направленных на пространственное развитие России, усиление удаленных от федерального центра территорий, создания на местах самодостаточной экономики опирающейся на местные ресурсы.

Обращаясь к работам таких авторов как Бухвальд Е.М., Валентей С.Д., Зельднер А.Г., Ишаев В.И., Ююкина Т.И. [17], Чимитова С.Ж. [16] можно констатировать, что в мировой практике накоплен обширный практический опыт по формированию зон опережающего развития, все они имеют свои особенности, но объединяет их одно – желание государства «вернуть» в экономику депрессивные регионы (территории) и снизить уровень безработицы и деградации населения.

Освящая тему международного опыта в области выравнивания региональных различий и оживления депрессивных регионов также стоит указать на негативный опыт (меры, не достигшие поставленной цели), так в Германии государственные капиталовложения в восточную часть страны не привели к желаемым результатам, так как предприниматели предпочли инвестировать в строительство заводов в западных землях по причине дешевизны рабочей силы. Показателен опыт КНР, в которой обострилось противостояние между «открытыми территориями» и остальными регионами, вылившееся в ограничения на ввоз более дешевой продукции из льготизируемых зон.

В новейшей истории России также существует пример «не сработавшей как надо» политики развития депрессивных территорий, речь идет о так называемых свободных экономических зонах (СЭЗ). По состоянию на 2017 г. среди сформированных СЭЗ лишь одна из 270 зон показала свою эффективность, а 11 были признаны условно эффективными. Поэтому в 2013 году было принято решение начать работу по созданию территорий опережающего развития (ТОР), которые в отличие от СЭЗ создаются под конкретными крупными инвесторами, заключивших с уполномоченным федеральным органом предварительные соглашения, определяющие вид планируемой экономической деятельности, объем инвестиций и количество создаваемых рабочих мест.

По мнению Соловьева Д.Б. и Захарьиной П.И. внедрение ТОР несет следующие выгоды: во-первых, это формирование мягкого инвестиционного климата, а значит увеличение потока инвестиций в экономику региона; во-вторых, создание резидентов в рамках ТОР предполагает формирование новых рабочих мест, а значит снижение безработицы и рост уровня жизни населения [15].

Решение Правительства РФ о создании ТОР именно на территории Дальнего Востока не случайно, так как регион явно отстает по уровню экономического развития от остальных территорий страны, но при этом имеет высокий потенциал развития стратегически перспективных производств, в том числе и для развития внешнеэкономических отношений, также ДВФО может (и должен) стать площадкой для взаимодействия со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Но по сравнению со странами АТР создаваемый на территории Дальнего Востока ТОР обладает рядом преимуществ. К примеру, в Китае налог на прибыль составляет 15%, в ДВФО – 10%, страховые взносы 27% против 8%, продолжительность таможенного оформления 20 дней против 6. В результате вновь создаваемый ТОР является более привлекательным по отношению к остальным представителям тихоокеанского региона.

Если рассматривать ДВФО как структурную часть России, то можно выделить ряд геополитических, экономических и демографических особенностей, которые являются основными причинами, по которым Правительство РФ обратило столь пристальное внимание к региону и инициировало процедуру создания ТОР.

1) Наличие удобных выходов в Тихий и Северный ледовитый океаны, а также значительная по протяженности граница с Китаем позволяют вести внешнеэкономическую деятельность и привлекать инвестиции из АТР;

2) Обширная территория региона богата полезными ископаемыми, которые требуют освоения;

3) Малочисленность населения региона, которая ставит под угрозу целостность территории страны.

Среди прочих сдерживающих факторов выделенных Алексеевым П.В. [1] хочется указать на такие региональные как: наличие инфраструктурных ограничений социально-экономического развития, в том числе в социальной, транспортной и энергетической сферах; дефицит рабочей силы, неразвитость системы подготовки квалифицированных кадров. Понимая значимость этих факторов Правительство РФ в ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года» основными задачами ставит именно развитие транспортной системы региона, что обеспечит доступность к ресурсам и увеличит объем вывоза готовой продукции.

Для характеристики места и роли ДВФО в российской экономике необходимо рассмотреть ряд макроэкономических характеристик и первым делом обратим внимание на динамику ВРП в сопоставлении с темпом роста (снижения) ВВП России (рисунок 1).

Как следует из данных представленных на рисунке, наблюдается тенденция снижения темпов роста экономики Дальневосточного федерального округа, при этом в большинстве случаев значения темпа роста ниже общероссийских, а в 2012 г. и 2013 г. наблюдается темп снижения.

По нашему мнению [11] рост экономики ДВФО сдерживается такими факторами как демографический, транспортный, энергетический и финансовый, безусловно, эти факторы будут ключевыми при развитии ТОР, поэтому рассмотрим их отдельно.

Как показано в таблице 1, большинство секторов экономики ДВФО имеют тенденцию к снижению в совокупном потенциале России. Также стоит отметить, что лишь по уровню добывающей промышленности рассматриваемый регион удерживает лидирующие позиции, но при этом эффективность экономики низкая (занимает 7 место по РФ), все это еще раз подчеркивает необходимость проведения грамотной политики вывода экономики региона из депрессии.

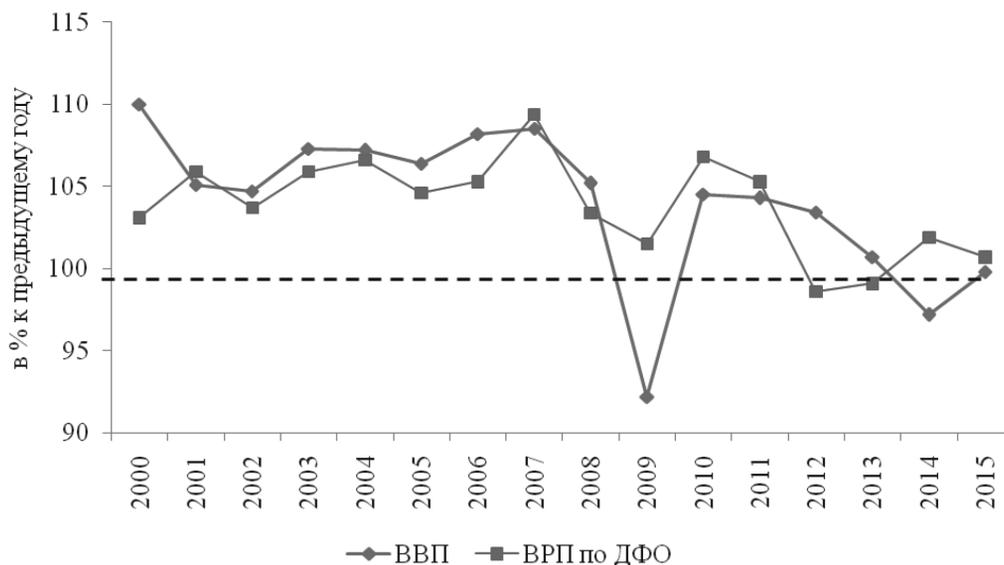

Рис. 1. Темп роста (снижения) ВДС по РФ и ВРП, %

Таблица 1

Место и роль ДВФО в экономике России

Показатели	Год	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДВФО
Численность населения, млн. чел. / %	2005	143236	26,6	9,6	9,7	6,3	21,3	8,5	13,6	4,5
	2016	146804	26,7	9,5	11,2	6,7	20,2	8,4	13,2	4,2
Среднедушевые денежные доходы населения, руб. / ранг	2005	8088	1	3	7	8	6	2	5	4
	2016	30744	1	3	5	8	6	4	7	2
Валовой региональный продукт, млрд. руб. / ранг	2005	18034	1	5	6	-	3	2	4	7
	2016	69254	1	4	6	8	2	3	5	7
Добыча полезных ископаемых, млрд. руб. / % к ВРП	2005	2300	0,8	7,6	2,7	-	15,0	43,7	9,5	15,0
	2016	7532	0,6	6,8	3,4	0,6	12,1	34,9	15,6	28,2
Обрабатывающие производства, млрд. руб. / % к ВРП	2005	3335	17,1	24,0	16,4	-	23,9	11,1	27,8	7,7
	2016	11916	16,8	19,6	15,1	9,1	23,9	14,2	19,9	5,4
Инвестиции в основной капитал, млрд. руб. / %	2005	3611	26,7	13,4	6,8	2,6	16,9	16,4	9,6	7,7
	2016	14639	25,9	11,3	7,6	3,3	16,6	18,7	9,6	6,7

Территория Дальневосточного округа занимает более трети территории всей России, но на ней проживает около 4% всего населения страны, и основной демографической проблемой является отток населения с территории (таблица 2).

Ухудшение материального благосостояния жителей ДВФО в 1990-х годах, на фоне неблагоприятных для проживания природно-климатических условий стали причинами значительного оттока населения из этого региона, лишь в середине 2000-х миграционный отток замедлился. Сложившаяся закономерность означает, что основная часть востребованной рабочей силы уже покинуло регион, а оставшееся населения по ряду причин не имеет возможности это сделать.

Согласно данным таблицы 2, граждане РФ уезжают в Центральный, Южный и Северо-Западный ФО, на их место приезжают граждане КНР, что ставит под угрозу целостность территории. Также не стоит забывать про малые народы севера, которые проживают на территории региона, но практически не принимающие никакого участия в экономике (в основном заняты в сельском хозяйстве). Получаем, что выезд с территории населения в значительной мере снижает качество трудовых ресурсов региона.

Соответственно формирование ТОР позволит (должно) закрепить имеющееся население на территории региона и привлечь новых граждан обладающих нужными для реализуемых проектов компетенциями.

Динамика коэффициента миграционного прироста (убыли), на 10000 человек населения

Федеральные округа / Субъекты РФ	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Центральный	74	56	62	60	56	57	45
Северо-Западный	51	50	58	72	41	16	41
Южный	21	43	27	45	34	51	48
Северокавказский	4	-34	-41	-40	-21	-26	-21
Приволжский	-12	-4	-6	-5	-2	-8	-5
Уральский	-12	31	19	3	7	3	12
Сибирский	-18	1	-4	-8	-4	-5	-7
Дальневосточный	-49	-28	-32	-53	-40	-39	-28
Республика Саха (Якутия)	-71	-102	-87	-96	-70	-56	-43
Камчатский край	-41	-51	-2	-38	-98	-53	-57
Приморский край	-35	6	-6	-37	-20	-14	-17
Хабаровский край	-31	14	-4	-22	-19	-37	-12
Амурская область	-60	-74	-53	-71	-16	-47	-41
Магаданская область	-141	-118	-137	-142	-153	-118	-51
Сахалинская область	-63	-4	-31	-44	-59	-27	-10
Еврейская АО	-49	-95	-89	-125	-108	-120	-97
Чукотский АО	-174	102	-66	-70	-30	-117	-103

Каких же результатов планирует достичь государство совместно с частными инвесторами в формировании новых рабочих мест, для ответа на этот вопрос обратимся к данным таблицы 3.

Согласно данным представленным в таблице 3 в результате реализации проекта будет привлечено инвестиций на сумму около 3 трлн. рублей и образовано более 60 тыс. новых рабочих мест. Конечно цифра прироста занятых большая, но если обратится к текущему значению, которое на конец 2017 года составляло 3,2 млн. человек, то запланированное значение не кажется таким внушительным. Если даже предположить что цепная реакция запустит создание предприятий сферы услуг и на каждое рабочее место образованное в рамках ТОР будет приходиться 3 дополнительных, то приходим к цифре в 250 тыс. работников, что опять же не является значительной. При этом возникает вопрос об уровне квалификации, сможет ли экономика региона предоставить новым предприятиям работников с требующимися навыками и компетенциями или их придется привлекать из ЦФО, СЗФО и ПФО (что влечет за собой дополнительные затраты).

Инвестиционная активность в анализируемом регионе не значительна, так на отрезке 2010-2017 гг. ДВФО по уровню инвестиций в основной капитал (в фактических ценах) занимает последнее место среди федеральных округов (в 2017 году всего 8% от общероссийского значения), т.е. является инвестиционно не привлекательным регионом.

Согласно информации, представленной в таблице 4 наибольший объем инвестиции в основной капитал в 2017 г. был направлен в Республику Саха, Амурскую область и Сахалинскую область, порядка 71% от всех инвестиций региона. Что касается динамики, то снижение инвестиционной активности наблюдается в Хабаровском крае, Сахалинской области, Еврейской автономной области Чукотском автономном округе. В итоге получаем неравномерное внутреннее развитие региона.

Одной из основных проблем, над решением которой трудились еще в Советском Союзе, является развитие транспортной инфраструктуры. На сегодняшний момент по уровню развития транспорта ДВФО находится на последнем месте в РФ. Фактически только в Приморье, в южных районах ДВФО и на Сахалине имеется сеть железнодорожных и автомобильных дорог. Северные районы практически их не имеет. На юге проходят важнейшие транспортные магистрали – Байкало-Амурская магистраль и Транссиб, которые являются самыми загруженными железнодорожными маршрутами, на которые приходится почти 40% грузооборота страны. Соответственно без развития транспортной сети проект обречен на провал, по нашему мнению в первую очередь необходимо модернизировать железные дороги, увеличив пропускную способность посредством строительства второй полосы и повсеместной электрификации ЖД. Но это колоссальные финансовые вложения, которые

Плановые показатели развития ТОР в ДВФО

Субъект ДВФО	Наименование ТОР	Количество резидентов, ед.	Плановый объем инвестиций, млрд. руб.	Число новых рабочих мест, ед.
Амурская область	Белогорск	5	4,5	572
	Приамурская	6	124,4	1484
Еврейская автономная область	Амуру-Хинганская	4	15,5	1190
Камчатский край	Камчатка	51	37,7	5256
Магаданская область	-	-	-	-
Приморский край	Надеждинская	39	33,5	6248
	Михайловский	11	77,0	3890
	Большой камень	15	223,9	14302
	Нефтехимический	1	939,2	8303
Республика Саха (Якутия)	Индустриальный парк Кангалассы	12	92,6	489
	Южная Якутия	7	32,9	3747
Сахалинская область	Южная	4	14,6	884
	Горный Воздух	13	18,2	1249
	Курилы	1	6,3	700
Хабаровский край	Хабаровск	29	44,7	3745
	Комсомольск	20	81,6	5504
	Николаевск	5	2,9	636
Чукотский автономный округ	Беринговский	25	22,5	1823
Несколько территорий	Свободный порт Владивосток	3	948,4	2969

Примечание: таблица составлена по материалам Министерства РФ по развитию Дальнего Востока – Режим доступа: <https://minvr.ru/>

Таблица 4

Динамика инвестиций в субъектах ДВФО, млн. руб.

Субъекты РФ	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
ДВФО	239,5	675,2	806997,0	903262,8	1040431,3
Республика Саха (Якутия)	37,6	103,3	173077,0	251828,9	350791,6
Камчатский край	5,8	27,8	16209,9	31190,1	32729,2
Приморский край	17,2	183,8	105100,3	96533,9	98261,6
Хабаровский край	33,2	137,7	102305,0	109491,9	108799,1
Амурская область	20,9	72,5	94848,9	120146,0	182239,2
Магаданская область	3,8	9,7	56094,6	37364,4	40374,7
Сахалинская область	108,6	120,9	235479,6	233004,1	205857,6
Еврейская автономная область	5,0	14,8	10643,7	11544,8	9522,1
Чукотский автономный округ	7,4	4,7	13238,0	12158,7	11856,2

ОАО РЖД явно не сможет инвестировать в одиночку и необходимы дополнительные источники в лице государства и частного бизнеса.

Новые проекты, связанные с промышленной переработкой требуют такого ресурса как электричество, но как показано на рисунке 2 в ДВФО с этим ресурсом не все так хорошо. По мощности электростанций и выработке электроэнергии регион находится

на предпоследнем месте, что ставит под сомнение реализацию новых масштабных проектов.

Наихудшее положение по уровню производства электроэнергии наблюдается в Еврейской автономной области, Чукотском автономном округе, Камчатском крае и Магаданской области, совместно электростанции данных субъектов выдают менее 10% от общерегионального значения. Логично пред-

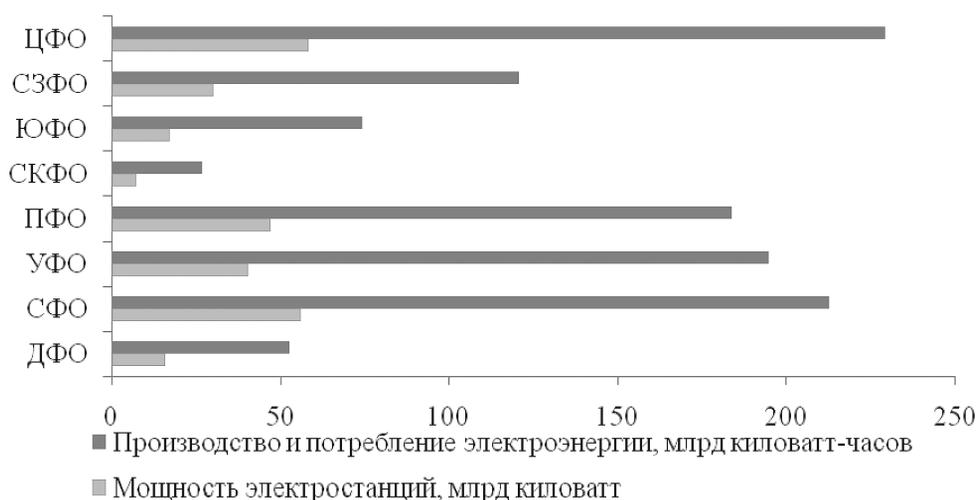

Рис. 2. Распределение регионов по уровню мощности электростанций и объемам потребления электричества

положить что строительство новых электростанций выльется в значительные затраты, а если учесть что бюджет страны дефицитный, то вновь возникают вопросы об источниках финансирования таких проектов и вероятности их реализации.

Основным механизмом привлечения инвесторов в регион является фискальная политика, основными преимуществами, которые получают резиденты ТОР, являются налоговые льготы (таблица 5). Снижение налогового бремени по мнению Правительства РФ должно привлечь инвесторов в регион, и послужит толчком для дальнейшего развития субъектов ДВФО [14].

По словам академика В.И. Ишаева «в результате бюджетных эффектов, выраженных через прирост НДС, социальных отчислений, НДС, налогу на прибыль, налогу на имущество и т.д., уже в 2021 году будет наблюдаться прирост бюджетных доходов на уровне 2 млрд. руб., в 2030 году прирост составит 19,3 млрд. руб., в 2035 году – 35 млрд. руб.» [9]

Также к оптимистичным выводам приходит С.Ю. Пенькова, по ее мнению, после десятилетних налоговых каникул поступления в бюджет увеличатся на 40-50% [12].

В работах Попкова С.Ю. и Смирнова В.М. проведены ряд расчетов, они приходят к следующему за-

ключению – «опережающее социально-экономическое развитие обеспечит увеличение доходов государства, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований к концу 2025 г. на 531 776 976 тыс. руб. (с накопленным итогом) и на 1 920 707 608 тыс. руб. к 2035 г. (с накопленным итогом)» [13].

Приведенные мнения отечественных ученых указывают на положительный эффект от реализации проекта развития ДВФО, но мы придерживаемся более сдержанных оценок, так как в результате объявленной фискальной политики в отношении резидентов ТОР бюджеты всех уровней не будут получать (или недополучат) доходы в ближайшие 10 лет, после налоговых каникул данные предприятия могут прекратить свое существование, перенести производство в зону АТР, значительно сократить производство, перевести производство на автоматику (использовать роботов и искусственные интеллекты) и т.д. Получается, что гарантий успешной и продолжительной работы образованных предприятий после десятилетнего рубежа не имеется. Единственные «реальные» выгоды регион получит от:

– мелких и средних предприятий возникших вокруг резидентов ТОР, в форме налогов и сборов;

Таблица 5

Виды преференций резидентов ТОСЭР, %

Вид налога	Стандартная ставка	Ставка для резидентов	
		Периоды включения	1-5 год
Налог на прибыль	20	0	10
Налог на имущество (региональный бюджет)	2,2	0	
Земельный налог (местный бюджет)	1,5	0	
Отчисления во внебюджетные фонды	30	7,6	

– снижения уровня безработицы (если конечно имеющиеся на местах работники будут задействованы на образованных предприятиях), что выльется в снижение социальной напряженности в регионе и остановке процесса деградации населения

– увеличения покупательного спроса населения, в результате роста заработных плат.

Учесть в стоимостном виде выделенные факторы роста бюджета и экономики региона не представляется возможным, так как остается масса непроработанных вопросов, среди которых требуют срочного решения такие как:

– своевременное введение элементов инфраструктуры со стороны государства, снижение бюрократических барьеров, выделение земельных участков и недвижимости под новые предприятия.

– значительная удаленность ДВФО от потенциальных внутристрановых рынков сбыта (ЦФО и ПФО), что при отсталой транспортной инфраструктуре и высоких тарифах на перевозки, делают экономически не целесообразным доставку продукции из данного региона в европейскую часть России.

– нехватка высококвалифицированного персонала, который будет необходимо привлекать из европейской части России или из-за рубежа. В первом случае потребуются высокие мотивационные факторы для переезда работников, во втором – возникает опасность потери целостности страны.

Итак, рассмотрение стратегически важных для осуществления проектов в рамках ТОП факторов показывает, что существуют реальные угрозы срыва всех намеченных операций.

Список литературы

1. *Алексеев П.В.* Актуальные вопросы привлечения инвестиций в регионы Дальнего Востока России // *Экономические науки*. 2017. №151. С. 20-24.
2. *Бухвальд Е.М.* Инновационное развитие регионов: роль децентрализации полномочий // *Пространственная экономика*. 2013. №1. С. 55-71.
3. *Бухвальд Е.М., Валентик О.Н.* Территории опережающего развития: падение или иллюзия? // *Этап: экономическая теория, анализ, практика*. 2015. №2. С. 72-84.
4. *Валентей С.Д.* Ограничения формирования экономики инноваций в России // *Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова*. 2010. №6(36). С. 10-18.
5. *Валентей С.Д.* России нужна модель асимметричной федерации // *Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова*. 2012. №5(47). С. 33-41.
6. *Зельднер А.Г.* Территории опережающего развития: состояние и стимулы привлечения инвестиций // *Вопросы экономики и права*. 2016. №96. С. 46-51.
7. *Зельднер А.Г., Осипов В.С.* Приоритеты в экономической политике государства (теория и практика) // *Экономические стратегии*. 2016. Т. 18. №7 (141). С. 38-49.
8. *Зельднер А.Г., Осипов В.С., Ганеев А.М.* Экономический механизм привлечения частных инвестиций в территории опережающего социально-экономического развития / отчет о НИР № 16-02-00141 39 от 03.10.2017 (РФФИ (РГНФ)). 2017. 43 с.
9. *Ишаев В.И.* Дальневосточный капитал: научный доклад / руководитель и отв. редактор: академик В.И. Ишаев. М.: ИД «Международные отношения». 2017. 28 с.
10. *Осипов В.С.* Роль импортозамещения в формировании новой модели развития // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2017. №5. С. 24-31.
11. *Осипов В.С.* Социальные факторы Дальневосточного федерального округа: анализ и перспективы // *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*. 2017. №5-2 (44). С. 112-118.
12. *Пенькова С.Ю.* Внедрение территорий опережающего развития на Дальнем Востоке России: предпосылки экономического роста, международного развития и экономического прогресса // *Потенциал современной науки*. 2015. №3 (11). С. 109-113.
13. *Попков С.Ю., Смирнов В.М.* Условия и перспективы формирования территорий опережающего социально-экономического развития в регионах Дальнего Востока России. // *Экономика. Налоги. Право*. 2015. №6. С. 95-105.
14. *Смирнов М.А.* Территории опережающего развития: высокие риски и необходимость активной отраслевой государственной политики. // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2015. №16 (250). С.58-66.
15. *Соловьев Д.Б., Захарьина П.И.* Перспективы инновационного развития Дальнего Востока: территории опережающего развития // *Инновации*. 2017. №2 (220). С. 74-80.
16. *Чимитова С.Ж., Лихачева В.В.* Проблемы и перспективы развития территорий опережающего развития // *Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд*. 2016. №39-1. С. 62-67.
17. *Ююкина Т.И.* Возможности использования опыта зон технико-экономического развития Китая в отношении территорий опережающего социально-экономического развития России // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2018. №2 (110). С. 169-174.

Reference list

1. *Alekseev P.* Topical issues of attracting investment in the regions of the Russian Far East // Economic sciences. 2017. №151. P. 20-24.
2. *Bukhval'd E.* Innovative development of regions: The role of decentralization of powers // Spatial economy. 2013. №1. P. 55-71.
3. *Bukhval'd E., Valentik O.* Priority development area: Fall or illusion? // Stage: Economic theory, analysis, practice. 2015. №2. P. 72-84.
4. *Valentey S.* Restrictions on the formation of the economy of innovation in Russia // Bulletin of the Russian University of Economics named after G. Plekhanov. 2010. №6(36). P. 10-18.
5. *Valentey S.* Russia needs a model of asymmetric federation // Bulletin of the Russian University of Economics named after G. Plekhanov. 2012. №5 (47). P. 33-41.
6. *Zel'dner A.* Territories of advanced development: The state and incentives to attract investment // Economic and legal issues. 2016. №96. P. 46-51.
7. *Zel'dner A., Osipov V.* Priorities in the economic policy of the state (theory and practice) // Economic strategies. 2016. Vol. 18. №7 (141). P. 38-49.
8. *Zel'dner A., Osipov V., Ganeev A.* Economic mechanism of attracting private investment in the territory of advancing socio-economic development research report №39 16-02-00141 from 03.10.2017 (RFBR (Russian Foundation for Humanities)). 2017. 43 p.
9. *Ishaev V.* The far Eastern capital: a research report / The head and executive editor: academician V. Ishaev. M.: Publishing house "International relations". 2017. 28 p.
10. *Osipov V.* The role of import substitution in the formation of a new model of development // Intelligence. Innovations. Investment. 2017. №5. P. 24-31.
11. *Osipov V.* Social factors of the far Eastern Federal District: Analysis and prospects // Competitiveness in the global world: Economy, science, technology. 2017. №5-2 (44). P. 112-118.
12. *Pen'kova S.* Introduction of territories of advanced development in the Russian Far East: Prerequisites for economic growth, international development and economic progress // Potential of modern science. 2015. №3 (11). P. 109-113.
13. *Popkov S., Smirnov V.* Conditions and prospects of formation of territories of the advancing social and economic development in regions of the Far East of Russia. // Economy. Taxation. Law. 2015. №6. P. 95-105.
14. *Smirnov M.* Territories of advanced development: high risks and the need for an active sectoral state policy. // Financial Analytics: Issues and solutions. 2015. №16 (250). P. 58-66
15. *Solov'ev D., Zakhar'ina P.* Prospects of innovative development of the Far East: Territories of advanced development // Innovations. 2017. №2 (220). P. 74-80.
16. *Chimitova S., Likhacheva V.* Issues and prospects of development of territories of advanced development // Modern trends in Economics and management: New view. 2016. №39-1. P. 62-67.
17. *Yuyukina T.* The possibilities of using the experience of the zones of technical and economic development of China in relation to the territories of advanced socio-economic development of Russia // Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics. 2018. №2 (110). P. 169-174.

УДК 338.2

Довгалецкий В.В.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, бухгалтерского учета, анализа и аудита
Московского института государственного управления и права

Мамедов Т.М.,

кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономики, бухгалтерского учета, анализа и аудита
Московского института государственного управления и права

СИСТЕМА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье представлены три критерия необходимые для выбора конкретных индикаторов характеризующих инновационный потенциал предприятия, которые удовлетворяют текущие информационные нужды пользователей при принятии, как внутренних решений, так и для раскрытия ее инвесторам. Приведены примеры типичных показателей для фаз открытия и обучения, при информировании о стадии внедрения и при коммерциализации инноваций. Рассмотрены чаще всего используемые на практике показатели, необходимые при оценке инновационного потенциала предприятия к которым относятся: экономические, материально-технические, информационные, кадровые, патентно-лицензионные и показатели результативности работ. На основании выделения трех форм распространения инноваций, простого организационного, простого межорганизационного и расширенного инновационного предложены три показателя, основанные на соотношении затрат к величине дохода от коммерциализации интеллектуальной собственности. Приведенные показатели демонстрируют ключевые характеристики их количественный характер, стандартизируемость и научно обоснованную связь со стоимостью конечной продукции.

Ключевые слова: инновационный потенциал, критерии выбора индикаторов, система показателей, распространение инноваций, коммерциализация интеллектуальной собственности

Dovgalevskiy V.,

PhD in Economics, Associate Professor of the Chair "Economics, Accounting, Auditing and Analysis"
of Moscow Institute of Public Administration and Law

Mamedov T.,

PhD in Economics, Head of the Chair "Economics, Accounting, Auditing and Analysis"
of Moscow Institute of Public Administration and Law

THE INDICATORS SYSTEM OF INNOVATION ACTIVITY

The article presents three criteria necessary for the selection of specific indicators, characterizing the innovative capacity of the enterprise, which meet the current information needs of users in making both internal decisions and to disclose it to investors. There are given examples of typical indicators for the phases of discovery and training, when informing about the stage of implementation and commercialization of innovations. The indicators, which are necessary in the evaluation of innovative capacity of the enterprise, are considered and they most used in practice. They are: economic, material-and-technical, informational, human resources, patent-licensing and performance indicators. The three indicators, based on the ratio of charges to the value of income from commercialization of intellectual property are proposed on the basis of allocation of three forms of distribution of innovations such as simple organizational, simple inter-organizational and expanded innovative. The listed indicators are demonstrating the key features of their quantitative nature, standardization and evidence-based relation with the cost of the final output.

Keywords: innovation capacity, criteria for selection of indicators, indicator system, distribution of innovations, commercialization of intellectual property

Система показателей инновационной деятельности обеспечивает информацию для использования, как при принятии внутренних решений, так и для раскрытия ее инвесторам. Для получения максимальной полезности конкретные показатели должны удовлетворять трем критериям:

Во-первых, они должны быть количественными. Качественные аспекты, такие как методы организации работы, перекрестное лицензирование патентов могут отражаться в приложении.

Во-вторых, критерии должны быть стандартными (или легко стандартизируемыми), чтобы их можно было бы сравнивать между разными фирмами в целях оценки и определения конкурентных позиций.

В-третьих, они должны быть признаны применимыми на практике в результате установления существенных статистических связей между измерителями и индикаторами корпоративной стоимости, такими как окупаемость фондов и рост производительности труда.

Эти три критерия, для выбора конкретных индикаторов, удовлетворяют текущие информационные нужды пользователей, например, сравнимость показателей, внутри отрасли. Как указывает Л.Барух [1], типичная компания, как правило, может характеризоваться ограниченным числом, от 10 до 12 ключевых индикаторов. Например:

Для фазы открытия и обучения:

- инвестиции на «доморощенные» и приобретенные НИОКР, расклассифицированные по типам НИОКР (базовые, прикладные исследования) – данные за последние три или пять лет;

- инвестиции в альянсы и венчурные предприятия. Общее количество таких альянсов. Классификация венчурных предприятий на активные и резервные (включая сведения об инвестициях, произведенных партнерами по альянсам).

Информирование о стадии внедрения:

- количество вновь полученных патентов и разнообразные характеристики (такие как цитирование) патентного портфеля компании, полученные торговые марки и копирайты, если таковые имеются.

- перекрестное лицензирование патентов и доход от роялти за патентные лицензии.

- результаты клинических испытаний и разрешения Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и лекарств (FDA).

- сведения об устойчивости кадров и их структуре (например, о доле ученых и научно-технического персонала в общем количестве занятых), данные о специалистах высшей квалификации – служащих, которые являются «звездами» науки (лауреатами престижных премий).

И, наконец, компания может иметь пять категорий, относящихся к коммерциализации:

- инновационные доходы (процент доходов, получаемый от новых продуктов);

- доходы от альянсов, совместных венчурных предприятий, лицензирования патентов;

- норма использования наличности (продолжительность работы на имеющихся ресурсах);

- непроданные конечным потребителям запасы продукции, ожидаемые сроки выпуска новой продукции на рынок, непатентованные продукты;

- ожидаемый рыночный потенциал для важнейших новых продуктов.

Предлагаемая схема предназначена как для внутреннего (менеджеры, члены правлений), так и для внешнего использования (инвесторы, поставщики, политики). На внутреннем уровне (менеджмента), например, данные об инвестициях в альянсы и их продуктивности должны представляться для каждого альянса или совместного венчурного предприятия. Для целей внешней отчетности будет достаточно агрегированных данных о количестве альянсов и общих инвестициях в них, разве что, разделив альянсы на действующие (включая доходы от последних) и резервные.

Инновационный потенциал предприятия чаще всего характеризует следующая группа показателей:

- экономические показатели, величина денежных средств на осуществление инновационной деятельности; показатели результативности и эффективности инновационной деятельности;

- материально-технические показатели: расходы на научные и научно-технические исследования, опытно-конструкторские работы, прогрессивность производственной базы, коммерциализацию инноваций и т.д.;

- информационные показатели, количество и качество используемых информационных фондов, возможность распространения инноваций, использование баз данных и т.д.

- кадровые показатели, кадры, задействованные в инновационном процессе, их количество и квалификация, качество их подготовки и т.д.;

- патентно-лицензионные показатели;
- показатели результативности работ.

Экономические показатели характеризуют величину использования финансовых ресурсов, направляемых на проведение НИОКР.

Здесь выделяются:

1. Показатели денежных средств на осуществление инновационной деятельности:

- а. Отношение суммарных затрат на НИОКР и затрат на приобретение технологий к суммарным затратам на производство за рассматриваемый период

$$Z_1 = \frac{Z_{\text{ниокр}} + Z_{\text{техн}}}{Z_{\text{пр}}} \times 100\%$$

Где Z_1 – отношение суммарных затрат на НИОКР;

$Z_{\text{НИОКР}}$ – затраты на НИОКР;

$Z_{\text{техн.}}$ – затраты на приобретение технологий;

$Z_{\text{пр.}}$ – суммарные затраты на производство.

б. Отношение суммарных затрат на НИОКР к затратам на производство:

$$Z_2 = \frac{Z_{\text{ниокр}}}{Z_{\text{пр}}} \times 100\%$$

Где Z_2 – отношение затрат на НИОКР к затратам на производство.

б. С точки зрения автора, правильно было бы использовать другие коэффициенты, которые в отличие от первых двух отражают общественную ценность продукции.

$$K_1 = \frac{Z_{\text{ниокр}} + Z_{\text{техн.}}}{C_{\text{пр}}} \times 100\%;$$

$$K_2 = \frac{Z_{\text{ниокр}} + Z_{\text{техн.}}}{C_{\text{пр}}} \times 100\%$$

Уровни показателей Z_1 и Z_2 заложены в разделение всех отраслей экономики по технологическому признаку: высокотехнологичные – фармацевтика, электромашиностроение, авиастроение, компьютерное и офисное оборудование (Z_1 и $Z_2 \geq 1$) среднетехнологичные и низкотехнологичные.

Кроме приведенных выше широко используются для оценки экономической эффективности инновационной деятельности предприятий следующие группы показателей:

– чистого дисконтированного дохода;

– внутренней нормы прибыли;

– простой нормы прибыли;

– простой нормы прибыли на акционерный капитал;

– коэффициент текущей ликвидности.

Данные показатели широко используются при анализе экономической деятельности, поэтому мы не приводим формул их расчетов.

Материально-технические показатели создаваемой продукции характеризуют состояние производственного оборудования и характеризуются следующими индикаторами:

1. Коэффициент прогрессивности оборудования

$$K_{\text{пр.}} = \frac{ОФП_{\text{бпр}}}{ОФП_{\text{б}}}$$

Где $ОФП_{\text{бпр}}$ – балансовая стоимость прогрессивно-оборудования (автоматы и полуавтоматы, обрабатывающие центры и т.д.), на конец анализируемого периода;

$ОФП_{\text{б}}$ – балансовая стоимость всего оборудования на конец анализируемого периода;

2. Коэффициент модернизации оборудования:

$$K_{\text{мо}} = \frac{ОФП_{\text{мо}}}{ОГФП_{\text{б}}}$$

Где $ОФП_{\text{мо}}$ – балансовая стоимость модернизируемого оборудования за анализируемый период в руб.

3. Удельный вес оборудования со сроком эксплуатации до 10 лет:

$$y_{\text{об10}} = \frac{K_{\text{об10}}}{K_{\text{обсумм.}}}$$

Где $K_{\text{об. сум.}}$ – общее количество единиц оборудования по предприятию, шт.;

$K_{\text{об10}}$ – общее количество единиц оборудования со сроком эксплуатации до 10 лет, шт.

Для оценки внутренних ресурсов, отражающих инновационную активность предприятия, используются количественные и качественные показатели кадров, которые должны характеризовать обеспеченность инновационного процесса персоналом: его численностью, квалификацией, возрастной структурой и т.д. От их величины зависят масштабы и темпы осуществляемой деятельности.

Кадровые количественные характеристики персонала, участвующего в инновационной деятельности, указывают на уровень кадровых ресурсов, задействованных в инновационном процессе. Здесь выделяется следующая группа показателей:

1. Показатель, характеризующий отношение численности персонала, участвовавшего в инновационной деятельности, к общей численности персонала по предприятию:

$$Ч'_{\text{ин}} = \frac{Ч_{\text{ин}}}{Ч_{\text{н}}} \times 100\%$$

Где $Ч'_{\text{ин}}$ – доля персонала, задействованного в инновационных процессах, чел.

$Ч_{\text{ин}}$ – численность персонала задействованного в инновационных процессах;

$Ч_{\text{н}}$ – среднесписочная численность персонала по предприятию.

2. Показатель доли научно-технических специалистов в общей численности персонала, задействованного в инновационных процессах:

$$Ч'_{\text{нтс}} = \frac{Ч_{\text{нтс}}}{Ч_{\text{ин}}} \times 100\%$$

Где $Ч'_{\text{нтс}}$ – численность научно-технических специалистов, чел.;

$Ч_{\text{ин}}$ – общая численность персонала, задействованного в инновационных процессах по предприятию.

3. Показатель уровня квалификации используемого труда:

$$КВ_{\text{нтс}} = \frac{Ч_{\text{унтс}}}{Ч_{\text{нтс}}} \times 100\%$$

Где $КВ_{\text{нтс}}$ – квалификационный уровень научно-технических специалистов;

$Ч_{\text{унтс}}$ – численность научно-технических специалистов, имеющих ученую степень, звания, чел.

4. Показатель мотивации труда персонала $ЗП'_{\text{нтс}}$ представляющий собой отношение среднего уровня зарплаты персонала, занятого в инновационных процессах, к среднему уровню зарплаты по предприятию.

$$ЗП'_{\text{нтс}} = \frac{ЗП_{\text{ср.нтс}}}{ЗП_{\text{ср.п.}}} \times 100\%;$$

Где: $ЗП_{\text{ср.нтс}}$ – средняя заработная плата научно-технических специалистов, руб.;

$ЗП_{\text{ср.п.}}$ – средняя заработная плата по предприятию, руб.

Патентно-лицензионные показатели. На основании эмпирических данных, приведенных в работе Л. Баруха [1], показывается, что в среднем инвестиции в НИОКР, информационные технологии и затраты на привлечение потребителей окупаются возрастающей производительностью и способствуют росту рыночной стоимости компаний, что переводит нас в область информации об интеллектуальной собственности фирмы – нематериальных активов, обеспеченных правами. Исходную информацию дает количество патентов, торговых марок и других объектов интеллектуальной собственности, зарегистрированных в рассматриваемый период, а также поддержание патентов. Исследования показывают, что разные характеристики патентов, такие как количество ссылок на патенты из патентного портфеля фирмы, содержащиеся в последующих патентах (форвардное цитирование), являются важными показателями научно-исследовательских и технологических достоинств фирмы. На западе эти качественные измерители, в свою очередь, связаны с рыночной стоимостью корпораций. Данные о патентах и их характеристиках, таким образом, удовлетворяют трем критериям: они исчислимы, они стандартизованы, т.е. доступны разным продавцам, и они поддерживаются исследованиями как фактором роста стоимости.

Весьма важны данные о роялти получаемых от лицензирования патентов и ноу-хау. Инвесторы придают роялти большее значение, чем большинству других компонентов дохода, возможно, из-за долгосрочного характера лицензионных соглашений. Кроме того роялти помогают инвесторам оценивать перспективы затрат компаний на НИОКР. Мировая практика показывает, что затраты на НИОКР фирм, имеющих существенные доходы от роялти, получают большую рыночную оценку, чем затраты на НИОКР у компаний, не имеющих роялти. Возможно, по этой причине у покупателей, готовых приобрести патенты и лицензии фирмы, существует более высокое представление о ценности ее исследований и разработок.

Показатели результативности работ косвенно отражают эффективность управления инновационной деятельностью.

В качестве интегрального показателя, характеризующего эффективность (результативность) инновационной деятельности, может использоваться коэффициент физической результативности работ, рекомендуемый ЮНИДО (организация объединенных наций по промышленному развитию):

$$r = \frac{R_c}{\sum_{i=1}^T Q_i - \sum_{i=1}^T (H_1 - H_2)};$$

Где R_c – суммарные затраты по законченным работам, принятым (рекомендованным для освоения);

Q_i – фактические затраты на НИОКР за i -год;

H_1 и H_2 – незавершенное производство на начало и конец анализируемого периода в стоимостном выражении.

Недостатком данного показателя, по нашему мнению, является то, что он не учитывает взаимодействие с внешней средой, т.е. не отражает процессы создания и внедрения новшеств.

С этой точки зрения, наиболее интересны показатели покупки и продажи новшеств, предложенные Кислициной О.А. [3]

$$P_{\text{прод.}} = \frac{\sum_{i=1}^T K_{\text{эфф}} - \sum K_{\text{реал}}}{\sum_{i=1}^T K_{\text{эфф}}}$$

Где $P_{\text{прод.}}$ – показатель продажи новшеств, созданных в результате НИОКР;

$K_{\text{эфф}}$ – число самостоятельно разработанных новшеств, отвечающих требованиям промышленного предприятия в t -ом году. $K_{\text{реал}}$ – число объектов интеллектуальной собственности, реализованных во внешней среде. В том случае, когда предприятие не занимается разработкой и реализацией новшеств, данный показатель будет равен единице. Если наблюдается показатель ниже 1, то наступает случай активной продажи результатов НИОКР в виде патентов и лицензий.

В случае, если предприятие покупает инновационные продукты, используется показатель покупки новшеств. Для расчета показателя покупки новшеств используется следующее выражение:

$$P_{\text{покуп.}} = \frac{\sum_{i=1}^T K_{\text{эфф}}}{\sum_{i=1}^T K_{\text{эфф}} + \sum_{i=1}^T K_{\text{пр}}};$$

Где $K_{\text{эфф}}$ – число самостоятельно разработанных новшеств, отвечающих требованиям промышленного предприятия в t -ом году;

K_{np} – число приобретенных объектов интеллектуальной собственности.

Инновационный потенциал предприятия должен обеспечивать разработку новшеств. Отсюда учитывая «эффект внедрения», а также получение конкурентных преимуществ во внешней среде, необходим показатель средней продолжительности разработки одного новшества:

$$B_{созд.} = \frac{\sum_{i=1}^T \Pi_i}{N};$$

Где $B_{созд.}$ – средняя продолжительность разработки одного новшества, завершеного в рассматриваемый период;

Π_i – время затраченное на создание i -го новшества;
 N – общее число созданных новшеств.

Инновационный потенциал предприятия должен не только обеспечивать разработку самих новшеств, но и обеспечивать их реализацию как внутри фирмы, так и во внешней среде. Чем большее число разработок находящихся в портфеле фирмы находит практическое применение, тем эффективнее реализуется потенциал предприятия. Отсюда результативность освоения определяется отношением числа используемых новшеств к общему числу, находящемуся в портфеле.

$$P_{BH} = \frac{\sum_{i=1}^T K_{вн}}{\sum_{i=1}^T K_{раз.}}$$

Где $K_{вн}$ и $K_{раз.}$ – число внедренных и разработанных новшеств за t - год.

Средняя продолжительность освоения одного новшества:

$$B_{осв.} = \frac{\sum_{i=1}^N B}{N};$$

Где B – время затраченное на внедрение i -го новшества;

N – общее число освоенных новшеств.

Наряду с предлагаемыми показателями необходимо оценивать обновляемость продукции и ее новизну, при этом используются следующие показатели:

1. Доля реализованной принципиально новой продукции:

$$K_{нп} = \frac{N_{нп}}{N_{общ}};$$

Где: $N_{нп}$ – доля реализованной принципиально новой продукции;

$N_{общ}$ – общий объем реализованной продукции.

2. Доля реализованной усовершенствованной продукции.

$$K_{yn} = \frac{N_{yn}}{N_{общ}};$$

Где N_{yn} – доля реализованной усовершенствованной продукции

$N_{общ}$ – общий объем реализованной продукции.

Однако, с нашей точки зрения, использование показателей результативности является не совсем корректным, так как интеллектуальная собственность выступает объектом купли продажи и имеет рыночную стоимость, которая меняется в зависимости от конъюнктуры рынка, фаз жизненного цикла. При этом данные коэффициенты не учитывают диффузию инноваций, т.е. не учитывают состояние внешней среды. В этом случае целесообразнее использовать затратный подход – показатель соотношения затрат на разработку и приобретение лицензий или патентов за весь период их действия (с учетом дисконтирования денежных потоков) стоимости их реализации. Тогда показатель продаж примет вид:

$$P = \frac{\sum C_4}{\sum C_1 + \sum C_2 + \sum C_3}$$

Где: C_1 – дисконтированная сумма денежных средств, затраченная на разработку и реализацию собственных новшеств предприятием;

C_2 – дисконтированная сумма денежных средств, направленных на приобретение патентов и лицензий.

C_3 – дисконтированная сумма денежных потоков, затраченная на привлечение потребителей.

C_4 – дисконтированная сумма полученных денежных средств в l -ом году от использования всего инновационного портфеля.

Суммарная величина $C_1+C_2+C_3$ является величиной нематериальных активов предприятия. Таким образом, данный коэффициент характеризует эффективность использования инновационного портфеля предприятия

Если величина $P < 1$, то мы имеем дело с неэффективностью использования проектов в портфеле. Если $P > 1$, то вне зависимости от величины проектов, мы имеем дело с эффективным использованием инновационных проектов. Таким образом, данный показатель автоматически учитывает различные комбинации инновационных проектов (крупные, средние и мелкие), находящихся в одном портфеле.

Однако в практике инновационного менеджмента выделяют 3 формы распространения инноваций [2].

1. Простой внутриорганизационный (натуральный) инновационный процесс. Предполагает создание и использование новшеств внутри одной и той же организации. В этом случае непосредственно не принимает товарной формы

2. Простой межорганизационный (товарный) инновационный процесс. Здесь новшество выступает как предмет купли продажи. Происходит отделение функции создателя и производителя от функции его потребителя.

3. Расширенный инновационный процесс, проявляющийся в создании новых производителей нововведения, в нарушении монополии производителя пионера, что способствует через взаимную конкуренцию совершенствованию потребительских свойств выпускаемого товара.

Исходя из этого, могут быть предложены три следующих показателя эффективности использования инноваций представляющие рентабельность:

В первом случае (внутриорганизационный процесс), :

$$R_1 = \frac{D_1}{C_{\text{пат}} + C_{\text{орг}}}$$

Где: $C_{\text{пат}}$ – затраты на создание или покупку патента;

$C_{\text{орг}}$ – затраты на создание или модернизации производства по патенту.

D_1 – доходы получаемые от продажи части, или конечного нового продукта.

Во втором случае (межорганизационный, товарный ИП) показатель будет иметь следующий вид:

$$R_2 = \frac{\sum_{i=0}^t r}{C_{\text{пат}} + C_{\text{орг}}}$$

Где: $\sum r$ – сумма роялти получаемых в зависимости от объема передаваемых прав по лицензии в результате диффузии инновации за весь период действия лицензии. Причем эта формула будет действительна как в случае продажи лицензии, так и в случае оказания полного пакета инжиниринговых услуг.

В качестве примера коммерциализации интеллектуальной собственности можно привести реальный проект ФПГ под условным названием «Синтез» по продаже технологии очистки бензола.

Бензол – ценнейшее химическое сырье для производства адипиновой кислоты – производной для получения нейлона. Его получение возможно из нефти, а также попутно из каменного угля, при его коксовании на металлургических комбинатах. Однако каменноугольный бензол содержит высокое содержание тиофена (сернистого соединения), что делает его непригодным для получения адипиновой кислоты. Объем потребления и популярность каменноугольного бензола в России в последние годы неуклонно падает вследствие сокращения импортных поставок.

С распадом СССР сырьевая база производства нефтяного бензола осталась в пределах России, а большинство заводов по производству адипиновой кислоты на химических комбинатах ближнего зарубежья. Отсюда образовался разрыв в хозяйственных связях – отсутствие сырья для производства полупродукта на химических комбинатах ближнего зарубежья и отсутствие сырья для производства нейлона в России. Химическим комбинатам, производящим адипиновую кислоту, приходилось покупать нефтяной бензол в дальнем зарубежье. Из-за недостатка средств некоторым из них приходилось работать по давальческой схеме, получая доход только от переработки сырья.

ФПГ «Синтез» приобрела и запатентовала у группы авторов одного из НИИ, не входящего в состав ФПГ, процесс очистки каменноугольного бензола до кондиций нефтяного, который был предложен на продажу на рынке технологий. Похожая технология была воспроизведена в 80-е годы в одной из стран СЭВ. В дальнейшем процесс был улучшен и являлся патентоспособным.

ФПГ предполагала после патентования данной разработки продать одному из химических комбинатов неисключительную лицензию на данный процесс с ежегодными платежами в виде роялти в размере 2% от объема продаж. Проект рассчитан на 6 лет. Причем здесь возможны варианты. В первом варианте очищенный бензол (объем производства 40000 т) можно использовать для производства адипиновой кислоты. В этом случае норма прибыли проекта равна 515%. Во втором случае объем производства – 72000 т., который используется для внутренних нужд, т.е. производства адипиновой кислоты (40000 т), а оставшаяся часть (32000 т.) – на продажу, как товарный бензол. В этом случае норма прибыли проекта составляет 457%

В третьем случае при дальнейшем распространении инновации накопленный кассовый поток может увеличиться в несколько раз за счет продажи технологий другим комбинатам, причем с увеличением роялти до 3%, в связи с тем, что технология была воспроизведена на первом комбинате.

Тогда формула принимает вид:

$$R_3 = \frac{\sum_{i=0}^T r + \sum_{i=0}^r r_2 + \dots + \sum_{i=0}^r r_n}{C_{\text{пат}} + C_{\text{орг}}}$$

Приведенные показатели демонстрируют ключевые характеристики показателей их количественный характер, стандартизируемость и научно обоснованную связь со стоимостью конечной продукции.

Список литературы

1. *Барух Л.* Нематериальные активы. Управление, измерение. Отчетность. Пер. с англ. Лопатников Л.И. М.: Квинто-Консалтинг. 2003.
2. *Ильenkova С.Д.* Инновационный менеджмент. М.: Изд. Юнити-Дана. 2012.
3. *Кислицина О.А.* Управление инновационным потенциалом предприятия. Стратегические подходы и методы оценки. Дисс. к.э.н. Новосибирск. 2003.

Reference list

1. *Baruch L.* Intangible asset. Control, measurement. Accountability. Translation from English by Lopatnikov L. M.: Kwinto-Consulting. 2003.
2. *Ilenkova S.* Innovation management. M.: Publishing house Yuniti - Dana. 2012.
3. *Kislitsina O.* Management of innovative potential of the enterprise. Strategic approaches and assessment methods. Thesis of PhD in Economics. Novosibirsk. 2003.

УДК 339.1

Шаипова С.А.,

кандидат экономических наук, доцент, адвокат Адвокатской палаты Московской области

ВЫСОКОЧАСТОТНЫЙ ТРЕЙДИНГ И ЕГО РАЗВИТИЕ НА ТОРГОВОМ РЫНКЕ

Статья посвящена вопросу развития высокочастотного трейдинга. Указывается, что данная разновидность трейдинга представляет большую проблему для регуляторов даже на наиболее развитых рынках. Автором приводится перечень общих черт, характеризующих высокочастотную торговлю, и делается вывод, что ее нельзя назвать единой стратегией. Приводится различие между высокочастотной и алгоритмической торговлей. Также приводится анализ научных подходов к определению высокочастотного трейдинга.

Ключевые слова: высокочастотный трейдинг, алгоритмическая торговля, высокочастотное манипулирование, фондовая биржа, ценные бумаги, торговля

Shaipova S.,

PhD in Economics, Associate Professor, Lawyer of the Moscow Region Chamber of Lawyers

HIGH-FREQUENCY TRADING AND ITS DEVELOPMENT IN THE TRADE MARKET

The article is devoted to the development of high-frequency trading. It is indicated that the variety of trading is a big issue for regulatory institutions, even in the most developed trade markets. The article author provides a list of common traits that characterize high-frequency trading, and it is concluded that it cannot be called a unified strategy. The difference between high-frequency and algorithmic trading is given. The article also provides an analysis of scientific approaches to the definition of high-frequency trading.

Keywords: high-frequency trading, algorithmic trading, high-frequency manipulation, stock-market, capital issues, trading

В настоящее время все более актуальной становится проблема научного осмысления высокочастотного трейдинга (ВЧТ). Появление данной разновидности трейдинга связано с активным развитием технологий, помогающих трейдерам уменьшить время для выставления заявок. Новые технологии способствуют повышению скорости и качества работы трейдеров. В то же время появляется проблема неравноценности доступа к важной информации у различных категорий инвесторов.

Даже на наиболее развитом американском рынке проблема оперативного получения необходимой информации вместе с возможностью максимально быстрого реагирования на происходящие изменения для многих является критичной. Игроки, не обладающие доступом к технологиям ВЧТ, постоянно обвиняют игроков, обладающих такими технологиями. Это вынуждает регулятора рынка предпринимать меры для того, чтобы обеспечить всем участникам рынка равный доступ к коллокации и

проксимити. Кроме того, регламентируется время размещения новостей – с точностью до миллионных долей секунды.

Информационные агентства получили возможность получать прибыль благодаря возможности максимально быстро сообщать актуальные новости. Данное обстоятельство предоставляет возможности для недобросовестного поведения отдельных субъектов. Известен случай, когда агентство Thomson Reuters на две секунды раньше официальной публикации распространяло информацию об индексе потребительских настроений Мичиганского университета. Уже не первый год идет дискуссия о природе ВЧТ и его влиянии на рынок. Как следствие, начали активно предлагаться различные меры по регулированию ВЧТ. Они служат целью избежать высокочастотного манипулирования, которое основывается на ВЧТ.

Хотя интерес к данной теме постоянно растет, до сих пор в научных кругах не сформировалось единое определение ВЧТ.

Одним из основных практических документов, включающих описание ВЧТ, которое содержит доклад Всемирной федерации бирж [1]. Там указывается, что ВЧТ – это в первую очередь технология, которая активно используется трейдерами во всем мире. В исследовании говорится, что оценить мировой объем ВЧТ очень сложно. В то же время отмечается, что активность ВЧТ постоянно увеличивается на новых рынках. Так, объем торгов с участием ВЧТ на Токийской бирже в считанные годы стал сопоставим с объемами торгов в США и ЕС. В то же время в странах, где ВЧТ зарождался, рост активности в настоящее время практически сведен к нулю. Это объясняется как мерами, предпринимаемыми регуляторами, так и стараниями бирж постоянно внедрять различные защитные меры, чтобы упорядочить торговлю на рынках. В докладе также указывается, что биржи должны активно координировать свои действия и проповедовать единые принципы. Это требование предъясвляет глобализация финансовой отрасли.

В 2012 году были опубликованы результаты анализа, проведенного компанией Tabb Group [1]. В частности, там было указано, что на долю ВЧТ приходится около 51% торгов на рынке США и порядка 39% от всех торгов на биржах ЕС.

В качестве наиболее общих характеристик ВЧТ называются полная автоматизация торговли, в основе которой лежит высокоскоростная инфраструктура, а также максимальное количество сообщений в систему. В то же время на всех рынках существенно различаются активы, частота сообщений, время ответа системы и пр., в связи с чем достаточно проблематично разработать универсальные признаки ВЧТ.

Однако можно выделить основополагающие признаки нормотворческих институтов ВЧТ. Основные институты в качестве таковых выделяют использование сложных технологий, специфические торговые характеристики и инвестиционные характеристики.

Среди интересных исследований по теме необходимо отметить работу Ж. Хэсбрука и Г. Саара «Высокочастотная торговля» («Торговля с минимальным временем отклика») [2]. Указанные авторы считают высокочастотную торговлю разновидностью торговли с минимальным временем отклика. Последняя может включать в свой состав и иные разновидности алгоритмической торговли. Таким образом, авторы исследования относят высокочастотную торговлю к разновидности алгоритмической торговли, не требующей человеческого участия.

Еще одно интересное исследование принадлежит сотрудникам университета Йорка и Нового Южного Уэльса. В рамках этого исследования была проанализирована деятельность 22 бирж, расположенных в разных странах, за период с января 2013 по июнь 2014 гг. на предмет использования ВЧТ. Исследовате-

лями было установлено, что использование ВЧТ способствовало снижению манипулирования ценами, наблюдающегося на закрытии торговых сессий. Также в работе отмечается, что для ВЧТ характерно множество ордеров с малым объемом, которые как правило обновляются в короткую, заявки на следующий день при этом не переносятся.

Довольно часто можно встретить приравнивание ВЧТ к торговле алгоритмической. Однако их не следует отождествлять. ВЧТ – это одна из разновидностей алгоритмической торговли, которая является предшественницей ВЧТ. Алгоритмическая торговля отлично себя зарекомендовала и используется как определяющий инструмент во всех аспектах осуществления сделок купли-продажи. Она активно используется инвесторами для того, чтобы максимально снизить влияние цен или диверсификации портфелей ценных бумаг.

Среди наиболее общих черт, характеризующих ВЧТ, следует отметить:

1. Применение сложных технологических инструментов для совершения целого ряда стратегий – от маркет-мейкинга до арбитража.

2. Количественные методы, которые практикуют алгоритмы во всех звеньях инвестиционной цепи: анализ имеющейся на рынке информации, принятие решения об используемой рыночной стратегии, оптимизация расходов, заключение сделки.

3. Высокие показатели дневной оборачиваемости портфеля и соотношения отправленных заявок к заключенным сделкам.

4. Нулевая либо незначительная позиция на конец торгового дня. Это связано с тем, что участник не берет на себя риск, либо ограничивается минимальным риском и при этом освобождается от издержек, сопутствующих созданию резерва под необеспеченные позиции. Как правило позиции удерживаются лишь несколько секунд или долей секунды.

5. Осуществление торговли за свои средства и в собственную пользу.

6. Зависимость от технологий, позволяющих проводить операции с минимальной задержкой отклика системы. Для участников важно быть быстрее других.

В апреле 2013 года журнал Financial One [3] опубликовал исследование, в котором сравнивались затраты на подключение к ВЧТ по трем главным элементам: 1) сервер; 2) вид подключения; 3) специализированный софт. Наиболее простой вариант подключения в России, по мнению авторов исследования, обойдется в 30 тыс. руб., при этом содержание подключения обойдется в 2 тыс. руб. в месяц. Наиболее продвинутые конфигурации обойдутся в 260 тыс. руб., при затратах на содержание в размере 50 тыс. руб. в месяц. Что касается сроков окупаемости этих систем, то здесь все индивидуально и зависит от оборотов и размеров комиссий.

Степень распространенности высокочастотной торговли зависит от разновидностей торгующихся на рынке активов. Так, наибольшее распространение ВЧТ получил на рынке долевых бумаг, биржевых деривативов, основных валют и т. п.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что ВЧТ нельзя назвать какой-то единой стратегией. По своей сути это набор технологических инструментов и механизмов, которые предназначены для реализации рыночных стратегий. Каждая из этих стратегий отличается по влиянию на рынок и по-разному регулируется контролирующими органами. Данная трактовка ВЧТ была поддержана профессиональными участниками рынка во время консультаций, проведенных Международной организацией комиссий по ценным бумагам. Многие из стратегий ВЧТ использовались и ранее, но не в таких масштабах. Использование автоматизированных систем позволило многократно увеличить масштабы старых стратегий. Большинство используемых стратегий ориентировано на извлечение прибыли из микроскопического колебания цен и высокого уровня оборачиваемости капитала.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что за термином ВЧТ скрывается понятие со сложной многоуровневой структурой. В России пока еще не представлено определение ВЧТ. Приведем перечень определений ВЧТ, представленные зарубежными научными изданиями.

1. ВЧТ отождествляется с участниками рынка, которые имеют значительные объемы торговли и при этом характеризуются низким уровнем переноса позиций [4].

2. ВЧТ представляется как разновидность инвестстратегии, в соответствии с которой приобретение ценных бумаг осуществляется на максимально

возможной скорости, а их продажа осуществляется с использованием компьютерного алгоритма. Данная стратегия реализуется в течение нескольких секунд или миллисекунд [5].

3. Трейдеры, использующие в своей работе ВЧТ, оперируют массовым количеством ордеров и совершают множество сделок, максимально скоротечно входят и выходят из позиции, каждый торговый день завершают без значительной открытой позиции [6].

4. ВЧТ определяется как автоматическое генерирование значительного количества ордеров на основе информации о динамике цен и прочих рыночных факторов, которые занимают открытые позиции на предельно короткое время и завершают торговый день с нулевой позицией [7].

5. ВЧТ характеризуется набором некоторых общих черт, в т.ч.

- ежедневный значительный объем торгов, сопровождающийся незначительным уровнем прибыли по отдельным сделкам
- максимально короткие сроки, в течение которых игроки держат активы
- подача большого количества ордеров
- отсутствие сколь-либо примечательных открытых позиций в промежутках между торговыми днями [8].

Как показывает проведенный анализ, на данный момент отсутствует единый подход к определению ВЧТ. Это связано с большим разнообразием методов ВЧТ, применяемых на рынке, что приводит к трудностям в выявлении общих черт и какой-то классификации. Однако постепенно начинают вырабатываться некоторые наиболее общие черты, на основе которых в дальнейшем можно будет вычленить существенные признаки ВЧТ и дать исчерпывающее определение понятию.

Список литературы

1. World Federation of Exchanges. Understanding High Frequency Trading (HFT), 2013.
2. *Hasbrouck J., Saar G.* Low-Latency Trading. Rochester, NY: Social Science Research Network, 2015.
3. Financial One. Бесценные миллисекунды. 2013.
4. *Baron, Brogaard, Kirilenko.* The Trading Profits of High Frequency Traders. 2012.
5. *Jonathan Brogaard.* The Activity of High Frequency Traders. 2011.
6. *Cvitanic, Kirilenko.* High Frequency Traders and Asset Prices. 2016.
7. *Greg Medcraft.* Australian Securities and Investments Commission. 2012.
8. *Martin Wheatley,* CEO of the Securities and Futures Commission in Hong Kong, and former deputy chief executive of the London Stock Exchange (2010).
9. *Полозков С.* Исследования различий влияния знаний и информации на развитие общества // Экономист. 2005. №2. С. 46-50.
10. *Соловьева О.В.* Зарубежные стандарты учета и отчетности. М., 2009.
11. *Цыгичко А.* Высокая цена конкурентоспособности // Экономист. 2003. №1. С. 33-41.

Reference list

1. World Federation of Exchanges. Understanding High Frequency Trading (HFT), 2013.
2. *Hasbrouck J., Saar G.* Low-Latency Trading. Rochester, NY: Social Science Research Network, 2015.
3. Financial One. Priceless milliseconds. 2013.
4. *Baron, Brogaard, Kirilenko.* The Trading Profits of High Frequency Traders. 2012.

5. *Jonathan Brogaard*. The Activity of High Frequency Traders. 2011.
6. *Cvitanic, Kirilenko*. High Frequency Traders and Asset Prices. 2016.
7. *Greg Medcraft*. Australian Securities and Investments Commission. 2012.
8. *Martin Wheatley*, CEO of the Securities and Futures Commission in Hong Kong, and former deputy chief executive of the London Stock Exchange (2010).
9. *Polozkov S.* Studies of differences in the impact of knowledge and information on the development of society // The Economist. 2005. №2. P. 46-50.
10. *Solov'eva O.* Foreign accounting and reporting standards. M., 2009.
11. *Tsygichko A.* High price competitiveness // The Economist. 2003. №1. P. 33-41.

УДК 338.4

Харчилава Х.П.,

кандидат экономических наук, доцент, доцент Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, заместитель декана по международному сотрудничеству и внешним связям

Чаленко Н.Н.,

преподаватель кафедры «Анализ рисков и экономическая безопасность» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, начальник группы предпроектного развития и коммерциализации результатов НИР

ОСНОВЫ ВНЕДРЕНИЯ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОТРАСЛИ

В рамках данной статьи рассмотрены теоретические основы внедрения риск-ориентированной системы управления на предприятиях агропромышленного комплекса (далее – АПК), представлены основы международных стандартов риск-менеджмента и приведен анализ мировой практики в области управления рисками, рассмотрены основные цели и задачи построения риск-ориентированной системы, обусловлена концепция интегрированной системы управления рисками.

Ключевые слова: риск-ориентированная система, управление рисками, сельское хозяйство, риск-ориентированный подход, риск-ориентированное управление, агропромышленный комплекс

Kharchilava Kh.,

PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Corporate Finances and Corporate Management of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Deputy Dean for International Cooperation and External Relations

Chalenko N.,

Lecturer of the Department “Risk Analysis and Economic Security” of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Head of the Group of Exploratory Development and Commercialization of Research Results

THE FRAMEWORK OF IMPLEMENTATION OF RISK-ORIENTED MANAGEMENT SYSTEM AT THE ENTERPRISES OF THE AGRICULTURAL SECTOR

In the article there are considered the theoretical framework of implementation of risk-oriented management system at the enterprises of Agro-Industrial Complex (hereinafter – AIC), the bases of international standards of risk management are presented and the analysis of world practice in the field of risk management is given, the main objectives and tasks of construction of risk-oriented system are considered, the concept of integrated risk management system is determined.

Keywords: risk-oriented system, risk management, agricultural economy, risk-oriented approach, risk-oriented management, Agro-Industrial Complex

Экономическая эффективность деятельности хозяйствующих субъектов сельскохозяйственной отрасли, как и многих других отраслей, является неотъемлемой составляющей их устойчивого развития, так как оно характеризует результативность, а значит, выступает в качестве индикатора стабильного и надежного функционирования.

Являясь стратегически важной отраслью, сельское хозяйство в современных условиях име-

ет крайне важное значение для стабильного экономического развития страны. Исходя из этого, риски данной отрасли требуют особого внимания и учета, а построение риск-ориентированного управления может оказать необходимое качественное влияние на их минимизацию.

Для обеспечения раскрытия понятийного аппарата, используемого в данном исследовании, приведем определение риск-ориентированного подхода.

Риск-ориентированный подход, это – «...определение и оценка рисков и принятие шагов, в том числе, определив орган или механизм по координации мер по оценке рисков, а также распределение ресурсов с целью эффективного снижения этих рисков» [2]. Риск-ориентированный подход к управлению предприятием предполагает создание на предприятии системы управления рисками, а также ее интеграцию во все значимые бизнес-процессы и направления деятельности предприятия. Практическое применение правил риск-менеджмента в процессе осуществления какой-либо деятельности также называют риск-ориентированной системой управления.

На предприятиях применение риск-ориентированного подхода означает внедрение системы управления рисками, в том числе интеграция компонентов системы риск-менеджмента в различные бизнес-процессы и направления деятельности предприятия.

Риски, с которыми сталкиваются предприятия, имеют разную природу. Они зависят от внешних и внутренних факторов. Воздействие рисков можно представить в виде изменения финансовых показате-

телей и финансового результата, ущерба репутации компании или причинения вреда жизни и здоровью его работников.

Эффективное управление большим количеством рисков требует от предприятий применения системного подхода к управлению рисками, основанного на подходах и стандартах выявления, оценки и митигации рисков.

Системный подход в управлении рисками обусловлен еще тем, что собственниками и руководителями не допускаются или уменьшаются вероятные потери от наступления событий, связанных с риском, а также эффективно используются предоставленные положительные возможности. Осуществить это возможно только путем оптимальных решений, принятых руководством, принимая в расчет риски [4].

Управление может быть рассмотрено как процесс решения проблем, возникающих при достижении поставленных целей, который состоит из двух действий: подготовка решения и принятие решения. Этот процесс может быть условно разбит на 6 основных фаз (рисунок 1).

Рис. 1. Стандартная процедура решения проблемы (разработано авторами)

В структуре данного процесса использование риск-ориентированного подхода должно быть, главным образом, реализовано в фазах №2 «Поиск альтернативных решений» и №4 «Принятие решений». Подробнее разработка и пошаговое использование методики триады рисков будет рассмотрена ниже в исследовании.

Осуществление всех функций управления требует наличия коммуникаций – процесса обмена информацией и ее смысловым значением между отдельными лицами или организациями. Коммуникации и принятие решений являются связующими процессами управления.

О той важной роли, которую играет управление, и о его количественной оценке может свидетельствовать следующий пример, в котором рассматриваются две одинаковых американские строительные компании. Они расположены в полукилометре друг от друга, но производительность труда на одной из них была примерно в два раза больше, чем на другом в течение многих лет. После того, как в отстающей компании было заменено руководство, показатели его хозяйственной деятельности улучшились, приблизившись к аналогичным показателям первой, в то время как численность персонала осталась прежней.

Также организация может принять иной подход к управлению. Функциональный подход подразумевает рассмотрение компании как совокупность подразделений, каждое из которых исполняет свои функции или процессный подход, который рассматривает бизнес как набор процессов.

Основные бизнес-процессы – это процессы, которые непосредственно генерируют денежный поток компании. Управляющие бизнес-процессы определяют цели для основных бизнес-процессов. В свою очередь, они не могут существовать без поддерживающих процессов.

Бизнес-процесс включает в себя:

- конкретную цель, не противоречащую основной цели организации;
- собственника, который может осуществлять контроль и управление ресурсами, а также нести ответственность за их исполнением;
- ресурсы, используя которые, бизнес-процесс достигает поставленных целей;
- контрольно-ревизионную систему;
- набор критериев реализации процессов.

Поток создания ценности – это совокупность всех действий, связанных с преобразованием материала и информации в законченный продукт для клиента. Поток создания ценности представляется графически (карта). На рисунке 2 представлена карта потока создания ценности компании. Карта демонстрирует процесс приращения капитала и помогает определить последовательность и взаимосвязь процессов, а также возможности совершенствования.

Способ представления бизнес-процесса делает все операции компании прозрачными и понятными, позволяет анализировать операции и находить в них проблемы, приводящие к сбоям. Основной задачей бизнес-процессов является понимание процес-

Рис. 2. Типовая схема карты бизнес-процесса (разработано авторами)

сов взаимодействия между разными подразделениями: что, кому и для чего они передают или принимают на каждом этапе. Из чего можно сделать вывод, что использование процессного подхода помогает существенно упростить адаптацию новых сотрудников, а также снизить зависимость работы компании от человеческого фактора. Важной функцией процессной системы управления является упрощение управления операционными расходами и использование риск-ориентированного подхода.

Применение риск-ориентированного подхода теоретически также основывается на различных концепциях международных организаций, например, COSO.

Согласно концепции COSO [5], система управления рисками состоит из 8 компонентов, это: 1) Внутренняя среда; 2) Постановка целей; 3) Определение событий; 4) Оценка рисков; 5) Реагирование на риск; 6) Средства контроля; 7) Информация и коммуникации; 8) Мониторинг.

По COSO, управление рисками организации это не линейный процесс, где компоненты воздействуют друг с другом последовательно. Управление рисками, как процесс, является много направленным и циклическим, в котором все компоненты воздействуют друг на друга и связаны между собой. Кроме того, существует прямая взаимосвязь между целями организации и компонентами системы управления рисками, представляющими собой действия, необходимые для достижения данных целей. Рисунок 3 демонстрирует трехмерную матрицу, в которой представлена данная взаимосвязь.

На верхней грани куба приведены четыре категории целей – это стратегические цели, операционные цели, цели в области подготовки отчетности и соблюдения законодательства. Восемь компонентов системы управления рисками представлены горизонтальными рядами, а подразделения организации – вертикальными рядами.

Согласно COSO, построение и развитие системы управления рисками на предприятии включает в себя комплекс действий и инициатив, направленных на:

- Достижение паритетного отношения между риск-аппетитом и стратегией развития. Руководство компании должно проводить переоценку риск-аппетита на нескольких этапах, а именно: на этапе выбора альтернативных стратегий, на этапе целеполагания на эту стратегию и на этапе формирования управленческих механизмов соответствующих рисков.

- Совершенствование контрольной функции и своевременное реагирование на появление рисков. Управление рисками подразумевает выбор оптимального способа реагирования: предотвращение рисков, минимизация рисков, диверсификация рисков или их принятия.

Важно отметить, что в COSO не раскрыты какие-либо практически применимые методы, которые можно было бы использовать для совершенствования процесса принятия решений.

Рассмотренные теоретические основы позволяют сделать вывод о целесообразности использования риск-ориентированного подхода в управлении хозяйствующим субъектом, что в целом может позволить повысить его финансовую и экономическую устойчивость. Однако необходимо рассмотреть влияние риск-ориентированной системы управления на деятельность предприятия.

На каждом предприятии существует несистемное управление рисками. Элементы или подсистемы риск-ориентированного управления компанией включают в себя создание бизнес-планов, анализ конкурентного рынка, осуществление контроля за качеством готовой продукции.

Подсистемы правильно было бы рассматривать в двух плоскостях. Во-первых, как подсистему по управлению рисками. Ответственность в этом случае лежит, как правило, на всех руководителях и сотрудниках организации. А во-вторых, – как подсистему по развитию и поддержанию системы управления рисками, ответственность за которую должна быть возложена на профессиональных специалистов – риск-менеджеров.

Риск-ориентированная система управления предприятием, в которой анализируется связь между си-

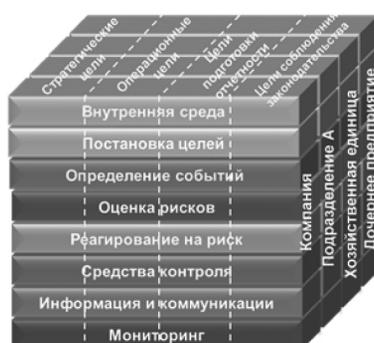

Рис. 3. Компоненты системы управления рисками модели COSO (составлено авторами на основании [6])

стемой управления рисками и управлением организацией, – это неотъемлемая часть системы управления организацией [7]:

- согласованность систем управления рисками и общего менеджмента организации выявляется на этапе согласования целей и на этапе принятия решений. Необходимо учитывать специфику управленческой структуры компании и особенности принятия решений при управлении рисками.

- управление рисками невозможно отделить от основной сферы деятельности фирмы. Этого говорит о согласованности между процессом управления рисками и ведением бизнеса.

Риск-ориентированная система управления предприятием способствует достижению целого ряда позитивных изменений, в т.ч.:

- принятию взвешенных управленческих решений;

- свободному обмену информацией по рискам. При этом информационные потоки свободно проходят как сверху-вниз (от руководства к сотрудникам организации), так и снизу-вверх;

- своевременному и качественному исполнению мероприятий, направленных на предотвращение или управление рисками;

- мониторингу, в т.ч. в режиме реального времени, наиболее рискованных областей деятельности организации.

Предприятия, где отсутствует риск-ориентированная система управления, т.е. нет отдельного подразделения, консолидирующего информацию по рискам, не имеют единой методологии по рискам, компоненты риск-менеджмента не встроены в бизнес-процессы, тем не менее, могут вполне эффективно управлять своими рисками. Конечно, это характерно не для всех предприятий, а скорее, для небольших компаний, контролируемых одним человеком (часто собственником) или группой профессиональных компетентных руководителей, высоко заинтересованных в результатах своей работы. Но и такие примеры демонстрируют, что эффективное управление предприятием строится на постановке правильных долгосрочных ориентиров и на принятии взвешенных управленческих решений. Такие решения могут применяться только после всестороннего исследования различных факторов, которые могут оказать негативное воздействие на поставленные цели.

Для того, чтобы определить каким образом риск-ориентированная система управления предприятием оказывает влияние на достижение целей, необходимо рассмотреть объекты и субъекты воздействия в риск-ориентированной системе управления. Если рассматривать риск-ориентированную систему управления предприятием в роли субъекта влияния, тогда объектом такого влияния будут, конеч-

но же, цели организации (данный тезис подтверждается определением риска, приведенном в стандарте ISO 31000) [1]. То есть комплексное управление рисками оказывает положительное влияние на способность организации достигать поставленных целей. Однако последнее утверждение является сложно доказуемым. В первую очередь, это связано с тем, что измерить, например, в денежных единицах, это положительное влияние сложно.

На практике это означает, что руководство подразделения, отвечающего в организации за развитие и функционирование риск-ориентированной системы управления предприятием, едва ли сможет продемонстрировать руководству организации положительный стоимостной эффект от функционирования данной системы. Конечно, несколько проще дела обстоят с финансовыми рисками, результат управления которыми может быть измерен и сопоставлен с некоторой эталонной величиной, однако, помимо финансовых рисков, в периметр риск-ориентированной системы управления, зачастую, включают стратегические, операционные риски и риски комплаенс, положительный эффект от системного управления, которыми сложно измерить или рассчитать.

Важно еще и то, что любая риск-ориентированная система управления предприятием имеет ряд ограничений и не дает руководству организации абсолютной уверенности в том, что цели будут достигнуты. Согласно концепции COSO [5], данные ограничения связаны с:

- субъективностью суждений при принятии решений;

- возможными ошибками исполнителей;

- возможностью сговора двух и более лиц с целью «обойти» риск-ориентированную систему управления предприятием;

- возможностью превышения руководством организации своих полномочий.

При этом, будучи субъектом воздействия, риск-ориентированная система управления сама подвержена воздействию со стороны системы корпоративного управления и внутренней среды организации.

Внедрение риск-ориентированной системы управления предприятием требует выявления и анализа рисков, которые могут существенно повлиять на достижение стратегических целей. Понимание стратегических рисков, с которыми может столкнуться предприятие, позволяет не только расширить представление руководства организации о возможных проблемах, связанных с реализацией стратегических целей, но и создает базис для переоценки самих целей, взвешивания целей с учетом рисков, а при необходимости, и изменение самой стратегии предприятия.

Стратегическое планирование без учета влияния рисков – это, скорее, выражение некоего мнения,

надежды или пожелания того, какой должна стать организация спустя определенный период времени. Непонимание руководством организации основных стратегических рисков зачастую не позволяет разработать проактивную программу воздействия на данные риски. По сути, вместо того, чтобы предотвращать реализацию рисков, руководство организации будет вынуждено бороться с последствиями их наступления, что может негативно отразиться на способности организации не только достигать своих стратегических целей, но и вести нормальную операционную деятельность.

Допустим, что при разработке, например, маркетингового плана (плана продаж) не были учтены риски, т.е. целевые показатели бизнес-плана не скорректированы (снижены/повышены) на риск и представляют собой в чистом виде ожидания руководства организации в отношении спроса на производимую предприятием продукцию. В этом случае любые изменения данного спроса, вызванные реализацией тех или иных рисков (например, выхода товара из моды), будут приводить к срыву маркетингового плана, а также недополучению организацией плановой выручки и, как следствие, нарушению платежного баланса, баланса (плана) доходов и расходов, срыву финансово-

го плана компании. Излишки готовой продукции на складе могут стать причиной приостановки производства, а значит, и невыполнения производственного плана, а также плана материально-технического обеспечения, ведь, закупаемое сырье стало ненужным: производство стоит.

Другой пример – в организационной части бизнес-плана (организационная структура) также не учитываются риски. В этом случае реализация какого-либо риска, например, риска дефицита квалифицированных кадров в компании может существенно повлиять на достижение большого количества целей, в т.ч. финансовых, маркетинговых, производственных. Отсутствие квалифицированных кадров может приводить к браку, сбоям в работе, остановке производственных линий из-за отсутствия требуемого количества рабочих и т.д. [3].

Данные примеры иллюстрирует взаимосвязь процесса управления рисками и процесса бизнес-планирования, демонстрируют влияние риск-ориентированной системы управления на показатели бизнес-плана и финансово-хозяйственную деятельность организации. Конечно, системное управление рисками не является панацеей и не дает гарантий того, что цели компании, в т.ч. цели бизнес-плана будут достигнуты, однако оно способствует такому достижению.

Список литературы

1. BS ISO 31000:2009. Risk management. Principles and guidelines – Jointly published by BSI, 2010.
2. *Авдийский В.И., Безденежных В.М.* Экономическая безопасность современной России: риск-ориентированный подход к ее обеспечению / Авдийский В.И., Безденежных В.М. // Экономика. Налоги. Право, 2016. №3. С. 6-13.
3. *Богатко А.Н.* Система управления развитием предприятия: учебное пособие / А.Н. Богатко. М.: Финансы и статистика, 2013. С.122-129.
4. *Ивайловский Д.Г.* Риск-менеджмент: становление нормальной науки / Ивайловский Д.Г. // Вестник Новосибирского государственного университета, 2008. №4. С.152-155.
5. Стандарт РФ «Менеджмент риска. Принципы и руководство», утвержденный и введенный в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 21 декабря 2010 г. №883-ст (данный стандарт идентичен международному стандарту ИСО 31000:2009 «Менеджмент риска. Принципы и руководство» (ISO 31000:2009 “Riskmanagement – Principlesandguidelines”))
6. Управление рисками компаний. Интегрированная модель // COSO. Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission. URL: https://www.coso.org/documents/COSO_ERM_ExecutiveSummary_Russian.pdf
7. *Чернова Г.В.* Управление рисками / Г.В. Чернова, А.А. Кудрявцев. М.: Велби: Проспект, 2005. С.42-68.

Reference list

1. BS ISO 31000:2009. Risk management. Principles and guidelines – Jointly published by BSI, 2010.
2. *Avdiyskiy V., Bezdenezhnykh V.* Economic security of contemporary Russia: Risk-oriented approach to its provision / Avdiyskiy V., Bezdenezhnykh V. M. // Economy. Taxes. Law, 2016. №3. P. 6-13.
3. *Bogatko A.* Enterprise development management system: Textbook / Bogatko A. / M.: Finance and statistics, 2013. P. 122-129.
4. *Ivaylovskiy D.* Risk management: Formation of normal science / Ivaylovskiy D. // Novosibirsk State University Bulletin, 2008. №4. P. 152-155.
5. The Standard of the Russian Federation “Risk management. Principles and guidelines”, approved and put into effect by the Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology of December 21, 2010 №883-St (this standard is identical to the international standard ISO 31000:2009 “Risk Management. Principles and guidelines (ISO 31000: 2009 “Risk management-Principles and guidelines”))
6. Risk management companies. Integrated model // COSO. Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission. URL: https://www.coso.org/documents/COSO_ERM_ExecutiveSummary_Russian.pdf
7. *Chernova G.* Risk management / G. Chernova, A. Kudryavtsev. M.: Welby: Prospekt, 2005. P. 42-68.

УДК 336.711.6

Смагин А.В.,

аспирант кафедры «Банки, денежное обращение и кредит»
Московского государственного института международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
заместитель начальника Управления операционных рисков АО «Россельхозбанк»

РАЗВИТИЕ МЕТОДОВ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Статья рассматривает проблематику качественного развития методов восстановления финансовой устойчивости кредитных организаций, которое приобрело новый импульс после финансово-экономического кризиса 2008 года. Анализируются предпосылки эволюции методов восстановления финансовой устойчивости, прогнозируются будущие тренды с учетом текущих макроэкономических тенденций. В России и ЕС данное развитие сопровождалось появлением национальных и наднациональных механизмов финансового оздоровления, фундаментальным изменением нормативно-правового ландшафта, формированием новых подходов к анализу финансовой устойчивости кредитных организаций.

Ключевые слова: финансовое оздоровление, финансовая устойчивость, санация, методы восстановления финансовой устойчивости, bail-in

Smagin A.,

Postgraduate student of the Chair "Banks, Money Circulation and Credit"
of Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Deputy Head of the Department of Operational Risks of JSC "Rosselkhozbank"

THE DEVELOPMENT OF METHODS OF RECOVERY OF FINANCIAL STABILITY OF CREDIT INSTITUTIONS

This article deals with the issues of qualitative development of methods of recovery of financial stability of credit institutions, which gained a new impetus after the financial and economic crisis of 2008. The prerequisites for the evolution of methods for recovering financial stability are analyzed in the article; future trend data are forecasting taking into account the current macroeconomic movements. In Russia and EC countries this development was accompanied by the emergence of national and supranational mechanisms of financial improvement, a fundamental change in the normative-legal view, the formation of new approaches to the analysis of financial stability of credit institutions.

Keywords: financial improvement, financial stability, bailout, methods of recovery of financial stability, bail-in

*Банковские кризисы чем-то похожи на несчастливые семьи Л.Н. Толстого:
каждая несчастливая семья несчастлива по-своему*

Даная работа посвящена решению научной задачи исследования развития методов восстановления финансовой устойчивости кредитных организаций (далее – ВФУКО), а также изучению национальных и наднациональных экономических механизмов финансового оздоровления кредитных организаций.

В I разделе работы автор рассматривает проблему публичного интереса (*общественного интереса*), к финансовому оздоровлению кредитных организаций и распределению издержек между налогоплательщиками, акционерами и вкладчиками кредитных организаций.

II раздел содержит анализ механизмов и методов ВФУКО в России и ЕС, которые получило свое

концептуальное развитие в новом качестве после финансового-экономического кризиса 2008 года. Особое внимание автор уделяет развитию и фундаментальным предпосылкам данного развития такого метода как *bail-in* (*конвертация собственных средств вкладчиков в акционерный капитал кредитной организации*).

Актуальность данной задачи обусловлена: (1) значительным объемом фискальных издержек финансового оздоровления кредитных организаций, (2) безусловным публичным интересом к распределению данных издержек и (3) текущим становлением наднациональных режимов финансового оздоровления. В период с 1970 по 2011 г. медианное значение прямых фискальных издержек восстановления финансовой устойчивости кредитных организаций в результате финансового-экономических кризисов составило 6.8% ВВП, а медианное увеличение государственного долга в период кризиса составило 12.1% ВВП.

Издержки финансово-экономических кризисов, а именно кризисов банковской системы, выраженные в потерях реального ВВП (из-за последствий сокращения доступа реального сектора к кредитам, увеличения суверенного долга стран и нестабильности национальных валют) также были колоссальны: в период с 1970 г. по 2009 г. медианное сокращение валового национального продукта составило около 23% [16, С. 30-49].

I. Мотивы публичного интереса к аллокации издержек ВФУКО

Развитие методов ВФУКО, с одной стороны, обусловлено объективными предпосылками: экспоненциальным усложнением связей и элементов системы мирового хозяйствования, финансовой глобализацией, волатильностью финансовых рынков, высоким уровнем концентрации финансовых активов в развивающихся странах (как одного из интегральных факторов развития и аккумуляции системного риска) и большой долговой нагрузкой развитых стран. С другой стороны, финансово-экономический кризис 2008 г. выдвинул на первый план немонетарную проблему соотношения публичного и частного интереса: справедливо ли восстановление финансовой устойчивости кредитных организаций и страховых компаний за счет средств налогоплательщиков? Распределение издержек в каком соотношении считать справедливым? Учитывая социально-экономическую значимость данной проблемы на первый план вышли философские вопросы справедливости [16, С. 24-27].

Преимущественно развитие методов ВФУКО обусловлено (а) необходимостью минимизации финансовых потерь восстановления финансовой устойчивости и (б) поиском справедливости (*оптимально-*

*сти*¹⁾ в использовании бюджетных средств и средств акционеров/вкладчиков кредитных организаций.

Утверждение о том, что ВФУКО (также можно говорить строго о финансовом оздоровлении (более узком понятии по отношению к восстановлению финансовой устойчивости)) всегда осуществлялось при значительном (если не абсолютном) использовании бюджетных средств является недостоверным.

Эмпирические данные научных исследований свидетельствуют о том, что, во-первых, так было далеко не всегда. Во-вторых, напротив, финансовое оздоровление кредитных организаций за счет средств налогоплательщиков является относительно молодым феноменом. Вплоть до середины 20-го века²⁾ банкиры несли издержки финансового оздоровления кредитных организаций совместно с акционерами и вкладчиками банков. Однако, начиная с середины 20-го века издержки начали активно переноситься на налогоплательщиков. Как банкирам, регуляторам и политикам все же удалось перенести значительную часть издержек восстановления финансовой устойчивости на налогоплательщиков, и почему налогоплательщики все же смирились с таким несправедливым распределением издержек?

Зарубежные исследования показывают, что использование методов ВФУКО в рамках которых происходит смещение издержек на налогоплательщиков приводит к значительно большим потерям (в макроэкономическом контексте) и глубоким рецессиям в экономике нежели использование методов, которые предполагают смещение нагрузки на акционеров и вкладчиков кредитных организаций. Обширный перечень зарубежной литературы также демонстрирует, что система, в которой акционеры и вкладчики несут риски потерь собственных средств, предопределяет больший уровень финансовой дисциплины

¹⁾ Критерием оптимальности является соотношение распределения бюджетных и частных средств, однако, значение данного соотношения автором в данной работе не указывается.

²⁾ При первых признаках финансовой нестабильности (признаков финансовой неустойчивости кредитной организации) акционеры и вкладчики начинают продавать финансовые инструменты данной кредитной организации и забирать вклады со счетов, размещая их в более устойчивых банках. Собственники и менеджмент кредитных организаций знают о последствиях нерациональных управленческих и финансовых решений, поэтому имеется стимул аккумулировать необходимый буфер капитала и портфолио низко рискованных активов.

Рациональность данного стимула весьма очевидна, но в реальности с 1945 года мы видим противоположное: значительное увеличение объемов долгового финансирования и снижение концентрации низко рискованных активов у системно-значимых кредитных организаций (GSIB). Подтверждение этому можно найти в работах таких видных западных ученых как: Charles W. Calomiris, Stephen H. Haber, Moritz Schularick, Alan M. Taylor.

руководителей и акционеров кредитных организаций (в значительной степени это влияет на их толерантность к принятию рисков) [16, С. 30-49].

II. Механизмы и методы восстановления финансовой устойчивости кредитных организаций в Европейском Союзе и Российской Федерации после финансово-экономического кризиса 2008 года

Учитывая публичный интерес и необходимость разработки *справедливых механизмов и (или) методов* аллокации издержек восстановления финансовой устойчивости кредитных организаций в 2008 г. в Европейском Союзе был взят курс на становление макроэкономических институтов по поддержанию финансовой устойчивости и финансовому оздоровлению кредитных организаций (проект получил название «The Financial Resolution Regime», далее – режим ФОКО), и диверсификацию методов по восстановлению финансовой устойчивости кредитных организаций.

Так «28-29 июня 2012 г. по итогам встречи глав государств и правительств ЕС в Брюсселе было принято решение о реализации масштабного проекта – создании Европейского банковского союза. В основу Европейского банковского союза положены три механизма, одним из которых стал Единый механизм финансового оздоровления ЕМФО (Single Resolution Mechanism / SRM)» [14, С. 4-13]. Рисунок 1 иллюстрирует интегральные механизмы Европейского банковского союза.

Согласно Директивы Европейского парламента и Совета ЕС №2014/59/ЕС «главный принцип финансового оздоровления заключается в том, что бремя убытков в первую очередь несут акционеры банка. Убытки кредиторов определяются в соответствии с порядком, предусмотренным в рамках процедуры несостоятельности» [13, С. 110].

Следовательно, в ЕС пристальное внимание уделяется методам, при использовании которых «издержки аллоцируются на собственников и кредиторов кредитной организации» [15, С. 198-210]. Сегодня осуществляются попытки по разработке системы методов, в рамках которой приоритетными методами являются «самооздоровление»³ и так называемые «рыночные методы» (к таким методам относятся M&A, P&A, bail-in, liquidation) [11, С. 6-10].

На сегодняшний день в России официально существуют три механизма финансового оздоровления кредитных организаций (два из которых закреплены

законодательно): Агентство по страхованию вкладов (АСВ) [1, С. 1-10], Фонд консолидации банковского сектора (ФКБС) и Фонд плохих и непрофильных активов («Фонд токсичных активов»). Российские механизмы финансового оздоровления кредитных организаций представлены на рисунке 2.

В 2017 году Банком России был создан Фонд консолидации банковского сектора (ФКБС) как альтернативный Агентству по страхованию вкладов (АСВ) механизм финансового оздоровления (санации) кредитных организаций. Принципиальное сущностное отличие двух механизмов заключается в их нормативно-правовом статусе. Агентство по страхованию вкладов «действует по законодательству о банкротстве» [2, С. 2-9] или в рамках уголовного законодательства России, а Фонд консолидации банковского сектора (ФКБС) представляет собой рыночный инструмент финансового оздоровления, который предполагает прямое участие в капитале кредитной организации и работе с ее активами [5, С. 2-7].

В таблице 1 представлен перечень методов ВФУКО, которые применяются в рамках механизмов России и ЕС по восстановлению финансовой устойчивости кредитных организаций. Автором выделяются 11 методов, которые нашли свое практическое отражение.

Особое внимание уделялось и уделяется развитию такого метода ВФУКО как bail-in. «Конвертация собственных средств кредиторов банка в капитал банка наделяет уполномоченные органы широкими полномочиями по уменьшению (при необходимости до нуля) или погашению требований кредиторов по необеспеченным долговым обязательствам, по конвертации долговых обязательств в капитал банка и по изменению условий погашений долговых инструментов» [13, С. 109-111].

Основной целью метода bail-in является изменение структуры капитала (осуществление рекапитализации) кредитной организации для восстановления ее финансовой деятельности. Также bail-in может проводиться «с целью получения финансового обеспечения в условиях временной передачи бизнеса и снижении задолженности при продаже бизнеса» [12, С. 59-60].

Bail-in является полноценной альтернативой любому методу ВФУКО, основанному на привлечении бюджетных средств. Директива 2014/59/ЕС не исключает последовательного или параллельного использования нескольких методов ВФУКО, однако, не приводится алгоритм выбора метода (методов) и отсутствуют какие-либо методологические рекомендации по приоритетности использования методов ВФУКО.

К сожалению, метод bail-in не получил широкого распространения в России и не был закреплен законодательно. Автором выдвигается гипотеза, что отсутствие возможности использовать данный метод прину-

³ Самооздоровление предполагает разработку плана восстановления финансовой устойчивости кредитной организации. Содержание, порядок и сроки предоставления в Банк России планов восстановления финансовой устойчивости кредитных организаций и банковских групп (далее – ПВФУ) регламентируются Порядком

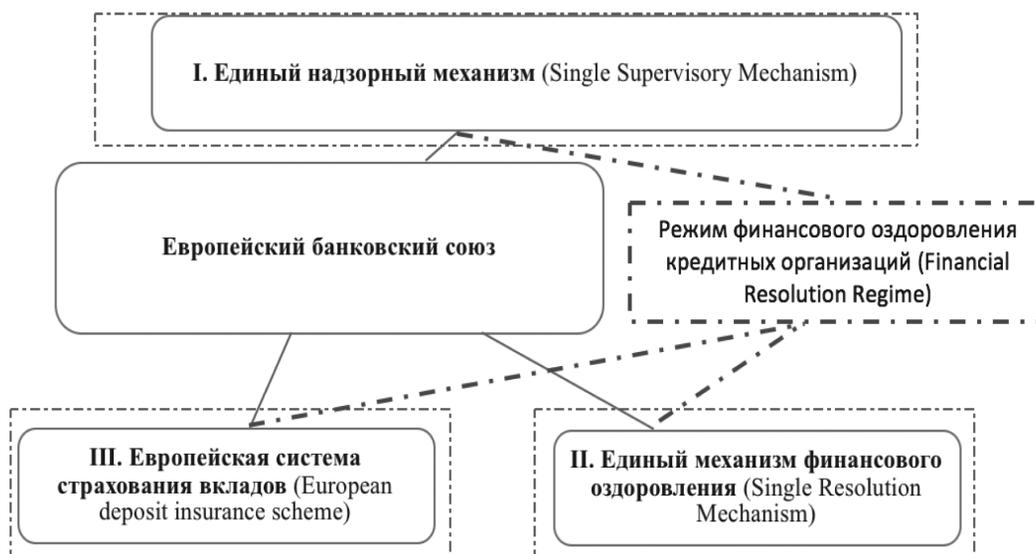

Рис. 1. основополагающие механизмы Европейского банковского союза
 (составлено автором на основе «Directive 2014/59/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 establishing a framework for the recovery and resolution of credit institutions and investment firms and amending Council Directive 82/891/EEC»)

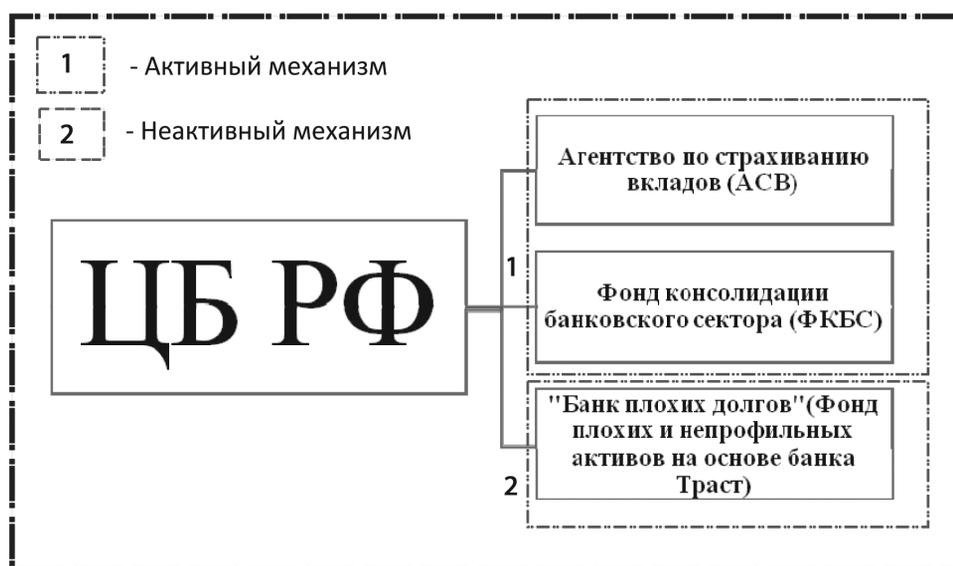

Рис. 2. Основные элементы системы финансового оздоровления кредитных организаций в РФ
 (составлено автором на момент 09.10.2018)

дительно обусловлено большой неопределенностью структуры акционерного владения капиталом в случае использования bail-in, вероятном отсутствии компетенций банковской деятельности у будущих акционеров и значительного количества будущих акционеров, высоким уровнем информационной асимметрии о реальном финансовом положении кредитной организации.

На территории Российской Федерации метод bail-in был использован единожды в рамках санации банка Пересвет, когда средства кредиторов банка

были конвертированы на добровольной основе в 15-ти летние субординированные облигации (при этом сторонним инвестором выступил ЕБРР). Использование метода bail-in осуществлялось на добровольной основе по предварительному согласию акционеров и вкладчиков банка.

Автор отмечает, что инициативу законодательного закрепления данного метода с целью его принудительного использования выдвигал советник председателя ЦБ РФ Алексей Симановский – «Механизм

Методы восстановления финансовой устойчивости кредитных организаций, используемые в России и ЕС*

№ метода	Наименование метода	Использование бюджетных средств		Территориальное использование	
		Да	Нет	ЕС	РФ
1	Слияние и поглощение (Mergers and Acquisitions)		✓	✓	✓
2	Покупка и принятие обязательств (Purchase and Assumption)		✓	✓	✓
3	Покупка и принятие обязательств с последующим выкупом актива государством (Purchase and Assumption with assistance)	✓		✓	
4	Предоставление финансовой помощи государством (Bail-out)	✓		✓	✓
5	Докапитализация кредитной организации средствами акционеров (Additional capitalization)		✓	✓	✓
6	Конвертация собственных средств кредиторов банка в капитал банка (Bail-in)		✓	✓	✓
7	Передача активов в «Фонд плохих и непрофильных активов» (Good bank-bad bank separation)**	✓		✓	
9	Ликвидация кредитной организации (Liquidation and deposit payoff)	✓		✓	✓
10	Временная администрация (Interim Administration)		✓	✓	✓
11	План восстановления финансовой устойчивости / Самооздоровление		✓	✓	✓

** Составлено автором. Методы, выделенные серым цветом, не предполагают использования бюджетных средств, а при имплементации методов черного цвета использование бюджетных средств является необходимым условием.*

*** При использовании данного метода ВФУКО происходит косвенное использование средств бюджета, так как практически данная кредитная организация (Фонд плохих и непрофильных активов) создается в рамках процедур финансового оздоровления, инициированных надзорным органом*

bail-in, который предусматривает конвертацию обязательств кредиторов – юридических лиц в капитал, можно сделать обязательным при санации банков и закрепить это в законодательстве».

В заключении автор приходит к трем основным выводам, что, во-первых, сегодня развития методов ВФУКО является одной из наиболее актуальны задач, стоящих перед финансово-экономическим сообществом. Во-вторых, эффективное использование механизмов и методов ВФУКО является императивным условием поддержания финансовой стабильности (финансовой устойчивости) страны и(или) группы стран.

В-третьих, Банку России необходимо определить критерии эффективности использования меха-

низмов и методов ВФУКО, закрепить на нормативно-правовом уровне возможность принудительного использования такого метода как bail-in, создать систему методов и сопутствующую «дорожную карту по использованию методов ВФУКО».

Сегодня чрезвычайно важно создать импульс использования методов в рамках действующих механизмов финансового оздоровления с наименьшими монетарными издержками со стороны налогоплательщиков, минимизировать использование бюджетных средств, и одновременно повысить эффективность использования/освоения уже выделенных на финансовое оздоровление кредитных организаций средств.

Список литературы

1. Федеральный закон от 23 декабря 2003 года №177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 20 августа 2004 года №121-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» и признании утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации».
3. Федеральный закон №175-ФЗ «О дополнительных мерах для укрепления стабильности банковской системы в период до 31 декабря 2014 года».
4. Федеральный закон от 10 июля 2002 года №86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».
5. Федеральный закон от 29 ноября 2001 года №156-ФЗ «Об инвестиционных фондах».
6. Инструкция Банка России от 28.06.2017 №180-И «Об обязательных нормативах банков».

7. Положение Банка России от 28.06.2017 №590-П «О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, по ссудной и приравненной к ней задолженности».
8. Указание Банка России №4336-У «Об оценке экономического положения банков» от 19.05.2017.
9. Указание Банка России оперативного характера от 23.06.2004 №70-Т «О типичных банковских рисках».
10. *Валенцева Н.И., Ларионова И.В.* Оценка финансовой устойчивости и перспектив деятельности кредитных организаций. М.: КноРус, 2018. С. 242.
11. *Ларионова И.В.* Финансовое оздоровление коммерческих банков: современное состояние и проблемы // Банковские услуги. 2017. №9. С. 2-11.
12. *Топорнин Н.Б.* Некоторые аспекты правового статуса и деятельности механизмов финансовой помощи в Европейском союзе // Деньги и кредит. 2015. №10. С. 58-61.
13. *Топорнин Н.Б., Осокина Е.Б.* Организационно-правовые аспекты единого механизма финансового оздоровления ЕС // Деньги и кредит. 2017. №12. С. 108-112.
14. Регламент Европейского парламента и Совета ЕС №806/2014 от 15 июля 2014 г. об утверждении единых норм и правил проведения процедуры финансового оздоровления кредитных организаций и инвестиционных компаний в рамках Единого механизма финансового оздоровления и Единого фонда финансового оздоровления, изменяющий Регламент ЕС 1093/2010. URL: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/ EN/TXT/?uri=celex%3A32014R0806](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014R0806)
15. Directive 2014/59/EU of the European Parliament and of the Council of 15th of May, 2014 establishing a framework for the recovery and resolution of credit institutions and investment firms and amending Council Directive 82/891/EEC, and Directives 2001/24/EC, 2002/47/ EC, 2004/25/EC, 2005/56/EC, 2007/36/EC, 2011/35/EU, 2012/30/ EU and 2013/36/EU, and Regulations (EU) №1093/2010 and (EU), №648/2012 of the European Parliament and of the Council Text with EEA relevance // Official Journal L 173. 12.6.2014. P. 190-348.
16. *Calomiris C.W., Haber S.H.* (2015). *Fragile by Design. The Political Origins of Banking Crises & Scarce Credit.* USA: Princeton University Press. P. 584.

Reference list

1. Federal Law of 23rd of December, 2003 №177-FL "On insurance of deposits of individuals in banks of the Russian Federation".
2. Federal Law of 20th of August, 2004 №121-FL "On amendments to the Federal Law "On insolvency (bankruptcy) of credit institutions" and recognition of certain legislative acts (provisions of legislative acts) of the Russian Federation as dead as mutton".
3. Federal Law №175-FL "On additional measures to strengthen the stability of the banking system until December 31, 2014".
4. Federal Law №86-FL of 10th of July, 2002 "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)".
5. Federal Law №156-FL of 29th of November, 2001 "On investment funds".
6. The Instruction of the Bank of Russia from 28.06.2017 №180-И "On mandatory ratios of banks".
7. Regulation of the Bank of Russia dated 28.06.2017 №590-П "On the procedure for the formation of reserves by credit institutions for possible losses on loans, on loan and equated debt".
8. Guidance of the Bank of Russia №4336-У "On assessing the economic position of banks" from 19.05.2017.
9. Guidance of the Bank of Russia of operational nature of 23.06.2004 №70-Т "On typical banking risks".
10. *Valentseva N., Larionova I.* Assessment of financial stability and prospects of credit institutions. М.: KnoRus, 2018. P. 242.
11. *Larionova I.* Financial recovery of commercial banks: Current state and issues // Banking services. 2017. №9. P. 2-11.
12. *Topornin N.* Some aspects of the legal status and operation of financial assistance mechanisms in the European Union // Money and credit. 2015. №10. 58-61.
13. *Topornin N., Osokina E.* Organizational and legal aspects of the EU single financial recovery mechanism // Money and credit. 2017. №12. P. 108-112.
14. Regulation №806/2014 of the European Parliament and of the Council of 15th of July, 2014 on the adoption of uniform rules and regulations for the financial improvement of credit institutions and investment companies within the framework of the Single financial recovery mechanism and the Single financial recovery fund, amending Regulation (EC) 1093/2010. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content / EN/TXT/?uri=celex%3A32014R0806>
15. Directive 2014/59/EU of the European Parliament and of the Council of 15th of May, 2014 establishing a framework for the recovery and resolution of credit institutions and investment firms and amending Council Directive 82/891/EEC, and Directives 2001/24/EC, 2002/47/ EC, 2004/25/EC, 2005/56/EC, 2007/36/EC, 2011/35/EU, 2012/30/ EU and 2013/36/EU, and Regulations (EU) №1093/2010 and (EU), №648/2012 of the European Parliament and of the Council Text with EEA relevance // Official Journal L 173. 12.6.2014. P. 190-348.
16. *Calomiris C.W., Haber S.H.* (2015). *Fragile by Design. The Political Origins of Banking Crises & Scarce Credit.* USA: Princeton University Press. P. 584.

Агаев А.И.,

аспирант Астраханского государственного университета, офицер в отставке
e-mail: post@astu.org

Агаев А.,

Postgraduate student of Astrakhan State University, Retired Officer

Афанасьев П.Б.,

старший преподаватель кафедры «Уголовное право, уголовно-процессуальное право и криминалистика» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях Учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
e-mail: vivat.79@gmail.com

Afanas'ev P.,

Senior Lecturer of the Chair "Criminal Law, Criminal-Procedural Law and Forensics" of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT), Lecturer of Chair of Activities of Internal Affairs Agencies in Special Conditions of the Educational-Scientific Complex of Special Training of Moscow University of Internal Affairs of Russia named after V. Kikotya

Афанасьева О.Р.,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)
e-mail: afanasevaor@yandex.ru

Afanas'eva O.,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair "Criminal Law, Criminal Process and Forensics" of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

Бойченко И.С.,

кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук
e-mail: alexmin@bk.ru

Boychenko I.,

PhD in Law, Research Fellow of the Sector of Information Law and International Information Safety of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Быков А.И.,

научный сотрудник НИЦ-1 ФКУ «Научно-исследовательского института ФСИН России»
e-mail: HellSinG199@mail.ru

Bykov A.,

Scientific Researcher of RC-1 of the Federal Government Institution "Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia"

Васильев И.А.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета
e-mail: Vasiljev.I@jurfak.spb.ru

Vasil'ev I.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of Theory and History of State and Law of Saint Petersburg State University

Вергейчик М.А.,

магистр факультета «Государственное управление и финансовый контроль» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
e-mail: PVDubovaya@fa.ru

Vergeychik M.,

Master of the Faculty "Public Administration and Financial Control" of the Financial University under the Government of Russian Federation

Галицкая А.А.,

аспирант кафедры «Гражданское право и гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)
e-mail: anna_galitskaya@mail.ru

Galitskaya A.,

Postgraduate student of the Chair "Civil Law and Civil Procedure" of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

Довгалеvский В.В.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономики, бухгалтерского учета, анализа и аудита» Московского института государственного управления и права
e-mail: Dovgalevskij@yandex.ru

Dovgalevskiy V.,

PhD in Economics, Associate Professor of the Chair "Economics, Accounting, Auditing and Analysis" of Moscow Institute of Public Administration and Law

Дорская А.А.,

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
e-mail: adorskaya@yandex.ru

Dorskaya A.,

Doctor of Law, Professor, Head of Chair of International Law of Herzen State Pedagogical University of Russia

Ережипалиев Д.И.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры общей юриспруденции и правовых основ безопасности
Национального Исследовательского Ядерного Университета «МИФИ», ведущий научный сотрудник
НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
e-mail: damirastr@mail.ru

Erezhipaliev D.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of General Jurisprudence and Legal Bases of Security
of the National Research Nuclear University MEPhI, Leading Researcher
of the Research Institute of Academy of the Prosecutor's General Office of the Russian Federation

Игнатьева М.В.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
e-mail: imarina.79@mail.ru

Ignat'eva M.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of International Law
of Herzen State Pedagogical University of Russia

Кобзева Е.И.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория права и природоресурсное право»
Российского университета транспорта (МИИТ)
e-mail: Kobzeva_tgp_miit@mail.ru

Kobzeva E.,

PhD in Law, Associate Professor of the Chair "Theory of Law and Natural Resource Law" of Russian University of Transport (MIIT)

Мамедов Н.М.,

аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
e-mail: csg57@yandex.ru

Mamedov N.,

Postgraduate student of Chair of Information Law and Digital Technologies
of Moscow State Law University named after O. Kutafin

Мамедов Т.М.,

кандидат экономических наук, заведующий кафедрой «Экономики, бухгалтерского учета, анализа и аудита»
Московского института государственного управления и права
e-mail: mtemuri@mail.ru

Mamedov T.,

PhD in Economics, Head of the Chair "Economics, Accounting, Auditing and Analysis"
of Moscow Institute of Public Administration and Law

Мамина О.И.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория права и природоресурсное право»
Российского университета транспорта (МИИТ)
e-mail: maminaoi.miit@mail.ru

Mamina O.,

PhD in Law, Associate Professor of the Chair "Theory of Law and Natural Resource Law"
of Russian University of Transport (MIIT)

Минбалеев А.В.,

доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права, конституционного
и административного права Южно-Уральского государственного университета,
ведущий сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности
Института государства и права Российской академии наук
e-mail: polyakova_ta@mail.ru

Minbaleev A.,

Doctor of Law, Professor of Chair of Theory of State and Law, Constitutional and Administrative Law
of South Ural State University, Leading Research Fellow of the Sector of Information Law and International Information Safety of the
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Мисак А.Ю.,

аспирант Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)
e-mail: albinadg@mail.ru

Misak A.,

Postgraduate student of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

Некоркин Д.А.,

советник отдела по обеспечению деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка
e-mail: kora_nd@mail.ru

Nekorkin D.,

Advisor of the Department on Maintenance Activity of the Children's Rights Commissioner for the President of the Russian Federation

Осипов В.С.,

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры управления рисками и страхования
Московского государственного института международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
e-mail: rio@migup.ru

Osipov V.,

Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of Chair of Risk Management and Insurance of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Полякова Т.А.,

доктор юридических наук, профессор кафедры информационного права, правовой информатики
и математики Всероссийского государственного университета юстиции, главный научный сотрудник,
и.о. заведующего сектором информационного права и международной информационной безопасности
Института государства и права Российской академии наук
e-mail: polyakova_ta@mail.ru

Polyakova T.,

Doctor of Law, Professor of Chair of Information Law, Legal Informatics and Mathematics of All-Russian State University of Justice, Chief Research Fellow, Acting Head of the Sector of Information Law and International Information Safety of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Правкин С.А.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Административное право,
экологическое право, информационное право» Российского университета транспорта (МИИТ)
e-mail: info@ui-miit.ru

Pravkin S.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Chair "Administrative Law, Environmental Law, Information Law" of Russian University of Transport (MIIT)

Рагулина Ю.В.,

доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе
Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий
Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства
e-mail: julra@list.ru

Ragulina Yu.,

Doctor of Economics, Professor, Deputy Director for Science of the Federal Scientific Center for Agricultural Economy and Social Development of Rural Areas of the All-Russian Research Institute for Agricultural Economics

Радько Т.Н.,

доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
e-mail: secretar@migup.ru

Rad'ko T.,

Doctor of Law, Professor of Chair of Theory of State and Law of the Moscow State Law University named after O. Kutafin

Салихов Б.В.,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики городского хозяйства
и сферы обслуживания Московского университета им. С.Ю.Витте,
профессор кафедры теории регионоведения Московского государственного лингвистического университета
e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru

Salikhov B.,

Doctor of Economics, Professor, Professor of Chair of Municipal Economy and Service Industry of the Moscow Witte University, Professor of Chair of Theory of Region Studies of the Moscow State Linguistic University

Салихова И.С.,

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры бухгалтерского учета, налогообложения и таможенного дела
Московского университета им. С.Ю.Витте, главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН
e-mail: irinasalikhova@yandex.ru

Salikhova I.,

Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of Chair of Accounting, Taxation and Customs Affairs of the Moscow Witte University, Chief Researcher of the Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences

Сергеев А.Ю.,

аспирант Института горного и энергетического права
Российского государственного университета нефти и газа имени И.М. Губкина
e-mail: msulaw2010@mail.ru

Sergeev A.,

Postgraduate student of the Institute of Mining and Energy Law of Gubkin Russian State University of Oil and Gas

Смагин А.В.,

аспирант кафедры «Банки, денежное обращение и кредит» Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
заместитель начальника Управления операционных рисков АО «Россельхозбанк»
e-mail: office@rshb.ru

Smagin A.,

Postgraduate student of the Chair "Banks, Money Circulation and Credit" of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Deputy Head of the Department of Operational Risks of JSC "Rosselkhozbank"

Харчилава Х.П.,

кандидат экономических наук, доцент, доцент Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
заместитель декана по международному сотрудничеству и внешним связям
e-mail: HPHarchilava@fa.ru

Kharchilava Kh.,

PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Corporate Finances and Corporate Management
of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
Deputy Dean for International Cooperation and External Relations

Чаленко Н.Н.,

преподаватель кафедры «Анализ рисков и экономическая безопасность»
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
начальник группы предпроектного развития и коммерциализации результатов НИР
e-mail: Nnchalenko@fa.ru

Chalenko N.,

Lecturer of the Department "Risk Analysis and Economic Security" of the Financial University under the Government
of the Russian Federation, Head of the Group of Exploratory Development and Commercialization of Research Results

Чернявский А.Г.,

доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Московского института государственного управления и права
e-mail: secretar@migup.ru

Chernyavskiy A.,

Doctor of Law, Professor of Chair of State-Legal Disciplines of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Шаипова С.А.,

кандидат экономических наук, доцент, адвокат Адвокатской палаты Московской области
e-mail: shaipovasvetlana@ya.ru

Shaipova S.,

PhD in Economics, Associate Professor, Lawyer of the Moscow Region Chamber of Lawyers

Шиян В.И.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика»
Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)
e-mail: valentina-shiyan@yandex.ru

Shiyan V.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Chair "Criminal Law, Criminal Process and Forensics"
of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общие требования

К оформлению материалов, представляемых для публикации в журнале «Вестник Академии права и управления», который является междисциплинарным и охватывает следующие области знания: юридические науки, экономические науки, педагогические науки.

К публикации принимаются авторские материалы – научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии, научные отчеты, аналитические статьи, соответствующие **тематике** журнала.

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике, научному уровню журнала. Авторский материал, предлагаемый к публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях.

Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул. Название статьи должно соответствовать содержанию.

2. Объем авторского оригинала (включая список литературы, таблицы и надписи к рисункам) не должен превышать 0,8 авторского листа (32 тысячи знаков, включая пробелы).

Предоставленный материал должен быть подготовлен в текстовом редакторе – **Microsoft Word**.

Рисунки предоставляются в формате ***.JPEG** или ***.bmp**. Подрисовочная подпись состоит из номера и названия (**Рисунок 1. ...**) Графики, диаграммы и прочее рекомендуется выполнять в программах **MS Excel** или **MS Graph**.

Таблицы должны иметь заголовки и порядковые номера. В тексте должны быть ссылки на представленные рисунки и таблицы. Сноски даются в тексте в [квадратных скобках], например: [3: с. 57], их нумерация должна соответствовать списку литературы, размещенному в конце статьи **в алфавитном порядке**, ссылки на комментарии приводятся в (**круглых скобках**).

Постраничные сноски не допускаются.

Допускаются смысловые выделения полужирным шрифтом.

3. В электронном виде материал для публикации предоставляется в виде нескольких отдельных файлов, названия которых должны начинаться с ФИО автора (авторов).

Структура основного файла, содержащего текст статьи на русском языке:

- УДК статьи – на первой странице в левом верхнем углу;
- название статьи;
- краткая информация об авторе (авторах) статьи;
- аннотация статьи на русском языке (информативное изложение содержания статьи, не более 800 знаков);

- ключевые слова на русском языке (до 15 слов или словосочетаний, характеризующих содержание статьи; приводятся в именительном падеже и печатаются строчными буквами, через запятые);

- текст статьи (текст – в формате А 4; гарнитура – Times New Roman; размер (кегель) шрифта – 14; межстрочный интервал – одинарный; все поля – 2 см, отступ (абзац) – 1 см, без переносов;
- список литературы приводится в алфавитном порядке – сначала указываются источники на русском языке, затем – на иностранных языках.

Информация, обязательная к представлению на английском языке:

- название статьи;
- ФИО, краткая информация об авторе (авторах) статьи (научная степень, звание, должность, место работы, e-mail);

- аннотация статьи;
- ключевые слова.

Сноски и список литературы оформляются в соответствии с ГОСТ 7.5-2008 (Библиографическая ссылка) (без разделительных тире). Обязательно указание издательства, а также общего количества страниц в источнике и интервала страниц для журнальных статей и публикаций в сборниках.

Количество источников в пристатейном библиографическом списке не более 35.

Как в русскоязычном, так и в англоязычных источниках, включенных в пристатейный список литературы, указываются все авторы каждой публикации (не более 3; если авторов больше – др.).

4. Отдельными файлами высылаются:

- копии всей содержащейся в материале графики – рисунков, схем (в формате JPEG или TIFF (разрешение не менее 300 dpi), а также формул и таблиц;
- анкета автора по представленной форме.

Форма анкеты автора (пожалуйста, заполняйте без сокращений)

ФИО (на русском и английском языках)	
Место работы (наименование организации на русском и английском языках)	
Должность, с указанием структурного подразделения (на русском и английском языках)	
Ученая степень (на русском и английском языках)	
Ученое звание (на русском и английском языках)	
Адрес электронной почты для контактов	
Адрес для отправки авторского экземпляра (обязательно указать индекс)	
Наименование статьи (на русском и английском языках)	

Статьи, подготовленные аспирантами, соискателями ученой степени кандидата наук, принимаются к рассмотрению только при наличии письменной рекомендации научного руководителя (заведующего кафедрой). Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Гонорары авторам не выплачиваются.

Напоминаем авторам: одно из требований ВАК – включение издания в систему Российского индекса научного цитирования, что сопряжено с размещением представленных материалов статей в открытом доступе в сети Интернет. Направляя материалы в редакцию журнала, автор заведомо соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

Авторскому коллективу выдается один экземпляр журнала.

Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

Редакция оставляет за собой право редакционной правки статьи.

**Просьба к авторам высылать материалы в полном комплекте,
в ином случае они будут возвращаться без рецензирования.**

Подготовленные материалы необходимо отправить по адресу: rio@migup.ru

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 3 (52)
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

– М.: АНО ВО «Московский институт государственного управления и права», 2018 – 168 с.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

СМИ зарегистрировано 28.04.2000 г.
с изменениями 30 апреля 2013 г.; 11 февраля 2015 г.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768

Подписано в печать 25.09.2018
Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Тираж 5000 экз.
Усл.-печ. л. 19,53

Адрес редакции:

115487, Москва, ул. Садовники, д. 2.
Тел./факс: (499) 271-66-52.
www.migup.ru; e-mail: rio@migup.ru
Подписной индекс – **45012**

Отпечатано в типографии
ООО «Сам Полиграфист»
Заказ № 39064-26